

АРТУР КОНАН

ДОЙЛ

*ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ШЕРЛОКА ХОЛМСА
ВОЗВРАЩЕНИЕ ШЕРЛОКА ХОЛМСА*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Артур Конан Дойл

**Приключения Шерлока Холмса.
Возвращение Шерлока Холмса**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4ДДμД»)-44

Дойл А.

Приключения Шерлока Холмса. Возвращение Шерлока Холмса /
А. Дойл — «ФТМ», «Издательство АСТ», — (Эксклюзивная
классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-107788-4

Два полных авторских сборника – «Приключения Шерлока Холмса» и «Возвращение Шерлока Холмса». Здесь будут жених, опасаящийся мести бывшей возлюбленной, и невеста, брошенная в день венчания; загадочные апельсиновые зернышки и тайный код пляшущих человечков, смертоносный китобойный гарпун и рождественский гусь с сюрпризом... Но главное – главное, что здесь будет, – это удивительная атмосфера старой доброй Англии со всеми ее красками, запахами и звуками. И даже если вы знаете наизусть все истории о знаменитом дуэте, вы все равно не сможете отказать себе в удовольствии в который раз открыть книгу, а вместе с ней – и знакомую дверь на Бейкер-стрит, 221-б. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4ДДμД»)-44

ISBN 978-5-17-107788-4

© Дойл А.
© ФТМ
© Издательство АСТ

Содержание

Приключения Шерлока Холмса	6
Скандал в Богемии [1]	6
I	6
II	12
III	17
Союз рыжих [5]	20
Установление личности [8]	34
Тайна Боскомбской долины [10]	44
Пять апельсиновых зернышек [17]	59
Человек с рассеченной губой [18]	70
Голубой карбункул [20]	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Артур Конан Дойл
Приключения Шерлока Холмса.
Возвращение Шерлока Холмса
Сборник

Arthur Conan Doyle

The adventures of Sherlock Holmes. The return of Sherlock Holmes

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Приключения Шерлока Холмса

Скандал в Богемии ¹

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-нибудь иначе. По его мнению, она затмевала и далеко превосходила всех представительниц своего пола. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, близкое к любви. Всякие чувства, а тем более это, были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир, но в роли влюбленного ему было бы не по себе. Он говорил о нежных чувствах не иначе как с презрительной усмешкой и с издевкой. Они были великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством срывать покровы с человеческих побуждений и поступков. Но допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изощренного мыслителя внести туда хаос, который бросил бы тень на все достижения его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительнейший прибор, или трещина в мощной линзе причинила бы меньше неприятностей такому человеку, как Холмс, нежели страсть. И тем не менее одна женщина для него все-таки существовала, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом: моя женитьба отделила нас друг от друга. Безоблачного счастья и чисто семейных интересов, которые возникают у человека, когда он впервые становится хозяином в собственном доме, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, как истый представитель богемы, ненавидевший все формы светской жизни, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенный среди своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолубия, дремотное состояние наркомана – с бешеной энергией, присущей его неистовой натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен разгадкой преступлений. Свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности он отдавал выяснению тех тайн, от которых, признав их неразрешимыми, отказалась государственная полиция. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, как его вызвали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о весьма тонко и успешно выполненном деликатном поручении голландского королевского дома. Однако, помимо этих сведений, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, мне мало что доводилось слышать о прежнем друге и товарище.

Однажды вечером – это было 20 марта 1888 года, – возвращаясь от пациента (я теперь вновь занялся частной практикой), я очутился на Бейкер-стрит. Я проходил мимо знакомой двери, которая навсегда связана в моей памяти с тем временем, когда я был влюблен, и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», и меня охватило острое желание вновь повидать Холмса, узнать, чем теперь занят его замечательный ум. Окна были ярко освещены, и я даже увидел его высокую, худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на спущенной шторе. Он стремительно шагнул из угла в угол, низко опустив голову и заложив за спину руки. Я знал все привычки моего друга, и потому порывистость его движений и весь

¹ © Перевод. Н. Войтинская, наследники, 2009.

облик его говорили мне о многом. Шерлок Холмс вновь принялся за работу. Он стряхнул с себя навеванные наркотиками туманные грезы и бился над какой-то новой загадкой. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без пространных излияний. Он, как всегда, был сдержан, но, по-видимому, обрадовался моему приходу. Почти без слов он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и кивнул на погребец с вином и аппарат для газирования содовой воды в углу. Затем, остановившись у камина, окинул меня своим пронизательным взглядом.

– Семейная жизнь вам на пользу, Уотсон, – заметил он. – Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как я вас видел в последний раз.

– Семь! – возразил я.

– Правда? А мне показалось, немного больше. Чутьочку больше, уверяю вас. И снова практикуете, я вижу? Вы не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

– Так откуда вы это знаете?

– Смотрю и делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно промокли до нитки и что ваша служанка – большая неряха?

– Дорогой Холмс, – сказал я, – это уж слишком! Несколько веков назад вас непременно сожгли бы на костре. Действительно, в четверг мне пришлось прогуляться за город, и я вернулся домой весь в грязи, но ведь я переменял костюм, и ума не приложу, что вы могли заметить. Что касается Мэри Джейн, она и в самом деле неисправима, и жена уже сделала ей предупреждение. Но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся и потер длинные нервные руки.

– Проще простого! – сказал он. – На внутренней стороне вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда, как видите, я делаю двойной вывод: что вы выходили в дурную погоду и что у вас образчик прескверной лондонской прислуги. А что касается вашей практики... если ко мне в комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от ляписа, а сбоку на цилиндре шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, нужно быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного сословия.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих мыслей.

– Когда вы рассказываете, – заметил я, – все кажется до того смехотворно простым, что я и сам без труда мог бы сообразить. А между тем в каждом конкретном случае я снова оказываюсь в полнейшем недоумении, пока вы не подскажите какое-то звено в своих рассуждениях. Хотя, должен сказать, глаз у меня острый.

– Совершенно верно, – ответил Холмс, закуривая трубку и вытягиваясь в кресле. – Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница. Например, сколько раз вы видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

– Много.

– Как много?

– Ну, несколько сотен раз.

– Отлично. Сколько же там ступенек?

– Сколько ступенек? Понятия не имею!

– Вот-вот, не заметили. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну а я знаю, что ступенек – семнадцать... Кстати, вы ведь, кажется, интересуетесь всякими загадками и даже были любезны описать кое-что из моих скромных опытов. Может быть, вас заинтересует эта записка?

Он кинул мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшийся на столе.

– Получена с последней почтой, – сказал он. – Читайте вслух.

Записка была без даты, без подписи и без адреса.

«Сегодня вечером, без четверти восемь, к Вам зайдет господин, который желает посоветоваться по очень важному делу. Услуги, которые Вы оказали недавно одной из королевских фамилий Европы, доказывают, что Вам можно доверять дела чрезвычайной важности. Такой отзыв о Вас мы отовсюду получили. Будьте дома в этот час и не считайте оскорблением, если посетитель будет в маске».

– И в самом деле загадочно, – заметил я. – Как вы думаете, что все это значит?

– У меня пока нет никаких данных. Теоретизировать, не имея данных, – значит совершать грубейшую ошибку. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты к своей теории, вместо того чтобы строить теорию на фактах. Ну а сама записка, что вы можете сказать о ней?

Я тщательно изучил почерк и бумагу, на которой была написана записка.

– Человек, который писал это, по-видимому, располагает средствами, – сказал я, пытаюсь подражать приемам моего друга. – Такая бумага стоит не меньше полкроны за пачку. Она необычайно крепкая и плотная.

– Необычайно – самое подходящее слово, – заметил Холмс. – И это не английская бумага. Посмотрите на свет.

Я так и сделал и увидел на бумаге водяные знаки: большое «Е» и маленькое «g», затем «Р» и большое «G» с маленьким «t».

– Что вы можете из этого заключить? – спросил Холмс.

– Это, несомненно, имя фабриканта или, скорее, его монограмма.

– Ничего подобного! Большое «G» с маленьким «t» – это сокращение «Gesellschaft», что по-немецки означает «компания». Это обычное сокращение, как наше «К^о». «Р», конечно, означает «Papier», бумага. Расшифруем теперь «Eg». Заглянем в географический справочник Европы... – Он достал с полки тяжелый фолиант в коричневом переплете. – Eglow, Eglonitz... Нам нужна местность, где говорят по-немецки... Вот мы и нашли: Egria, в Богемии, недалеко от Карлсбада. Место смерти Валленштейна, славится многочисленными стекольными заводами и бумажными фабриками. Ха-ха, мой друг, что из этого вытекает? – Глаза его сверкнули торжеством, и он выпустил из своей папиросы большое голубое облако.

– Бумага изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Именно. А писал записку немец. Вы заметили характерное построение фразы: «Такой отзыв о Вас мы отовсюду получили»? Француз или русский так не напишет. Только немцы так бесцеремонно обращаются со своими глаголами. Следовательно, остается только узнать, что нужно этому немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает явиться в маске... А вот и он сам, если не ошибаюсь. Он разрешит все наши сомнения.

Мы слышали стук копыт и скрип колес остановившегося у обочины экипажа. Затем кто-то с силой дернул звонок.

Холмс присвистнул.

– Судя по стуку, парный экипаж... да, – продолжал он, выглянув в окно, – изящная маленькая карета и пара рысаков... по сто пятьдесят гиней. Так или иначе, но это дело пахнет деньгами, Уотсон.

– Может, мне лучше уйти, Холмс?

– Нет, нет, оставайтесь, доктор! Что я стану делать без моего Босуэлла ²? Дело обещает быть интересным. Жаль, если вы его пропустите...

² Босуэлл, Джеймс (1740–1795) – биограф английского писателя, критика и лексикографа Сэмюэля Джонсона (1709–

– Но ваш клиент...

– Ничего, ничего. Мне может понадобиться ваша помощь, и ему тоже... Вот он. Садитесь в это кресло, доктор, и внимательно наблюдайте.

Медленные, тяжелые шаги, которые слышались на лестнице и в коридоре, затихли перед самой нашей дверью.

Кто-то громко и внятно постучал.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел человек геркулесова сложения, не меньше шести футов и шести дюймов ростом. Одет он был роскошно, но эту роскошь в Англии сочли бы дурным вкусом. Рукава и отвороты его двубортного пальто были оторочены толстыми полосами каракуля; темно-синий плащ, накинутый на плечи, подбит огненно-красным шелком и застегнут у шеи пряжкой из сверкающего берилла. Сапоги, доходящие до икр и обшитые сверху дорогим коричневым мехом, дополняли впечатление какой-то варварской пышности. В руке он держал широкополую шляпу, а верхнюю часть лица закрывала черная маска, опускавшаяся ниже скул. Посетитель, очевидно, только что надел маску, потому что рука его была еще поднята. Судя по нижней части лица, это был человек сильной воли: толстая выпяченная губа и длинный прямой подбородок говорили о решительности, граничащей с упрямством.

– Вы получили мою записку? – спросил он низким, хриплым голосом; в речи его слышался сильный немецкий акцент. – Я сообщал, что приеду к вам. – Он переводил взгляд с одного из нас на другого, видимо не зная, к кому обратиться.

– Садитесь, пожалуйста, – сказал Холмс. – Это мой друг и коллега, доктор Уотсон, он иногда любезно помогает мне в моей работе. С кем имею честь говорить?

– Можете называть меня графом фон Крамм, богемским дворянином. Полагаю, что этот джентльмен, ваш друг, – человек чести, достойный полного доверия, и я могу посвятить его в дело чрезвычайной важности? В противном случае я предпочел бы беседовать с вами наедине.

Я встал, чтобы уйти, но Холмс схватил меня за руку и усадил обратно в кресло.

– Нет, мы оба выслушаем вас. В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сказали бы мне с глазу на глаз.

Граф пожал плечами.

– Хорошо! Прежде всего я должен взять с вас обоих слово, что дело, о котором я вам сейчас расскажу, останется в тайне два года. По прошествии двух лет оно никого не будет интересовать. В настоящее время, однако, можно без преувеличений сказать: эта история настолько серьезна, что может отразиться на судьбах Европы.

– Даю слово, – сказал Холмс.

– И я тоже.

– Простите, что я в маске, – продолжал странный посетитель. – Августейшее лицо, на службе у которого я состою, пожелало, чтобы его доверенный остался неизвестным. Я должен признаться, что титул, который я назвал, не совсем соответствует действительности.

– Это я заметил, – сухо сказал Холмс.

– Обстоятельства весьма щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить огромный скандал, который может скомпрометировать одну из царствующих династий Европы. Говоря проще, дело связано с домом Ормштейнов, наследных королей Богемии.

– Так я и думал, – пробормотал Холмс, поудобнее располагаясь в кресле и закрывая глаза.

Посетитель с явным удивлением посмотрел на лениво развалившегося человека, которого ему рекомендовали как самого проникательного и энергичного сыщика в Европе. Холмс медленно приоткрыл глаза и нетерпеливо посмотрел на своего великана-клиента.

1784). Имя его стало в английском языке нарицательным для обозначения биографа, регистрирующего каждую подробность в жизни своего героя.

– Если бы ваше величество сооблаговолили изложить дело, мне было бы легче дать вам совет.

Посетитель вскочил со стула и в сильном возбуждении принялся шагать по комнате. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – воскликнул он, – я король! Зачем скрывать?

– Действительно, зачем? Ваше величество еще не начали говорить, как я уже знал, что передо мной Вильгельм Готтсрейх Сигизмунд фон Ормштейн, великий князь Кассель-Фельштейнский и наследный король Богемии.

– Но вы понимаете... вы понимаете, что я не привык лично заниматься такими делами! – сказал наш посетитель, снова усевшись и проводя рукой по высокому белому лбу. – Однако вопрос настолько щекотлив, что я не мог доверить его никому, не рискуя оказаться в чьей-то власти. Я приехал из Праги инкогнито специально затем, чтобы посоветоваться с вами.

– Прошу вас, – сказал Холмс, снова закрывая глаза.

– Факты вкратце таковы: лет пять назад, во время продолжительного пребывания в Варшаве, я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Это имя вам, наверное, знакомо?

– Будьте любезны, доктор, посмотрите в моей картотеке, – пробормотал Холмс, не открывая глаз.

Много лет назад он взял за правило регистрировать разные факты, касавшиеся людей и событий, так что трудно было назвать лицо или факт, о которых он не мог бы сразу дать сведения. Биографию Ирен Адлер я обнаружил между биографией еврейского раввина и биографией капитана, написавшего труд о глубоководных рыбах.

– Покажите-ка, – сказал Холмс. – Гм! Родилась в Нью-Джерси в 1858 году. Контральто, гм... «Ла Скала», так-так!.. Примадонна императорской оперы в Варшаве... Покинула сцену, ха! Проживает в Лондоне – совершенно верно! Ваше величество, насколько я понимаю, вы попали в сети к этой молодой особе, переписывались с ней и теперь желали бы вернуть эти письма, которые могут вас скомпрометировать.

– Совершенно верно. Но каким образом...

– Вы тайно обвенчались с ней?

– Нет.

– Оставили какие-нибудь документы или свидетельства?

– Ничего.

– В таком случае я не понимаю, ваше величество. Если эта женщина захочет воспользоваться письмами для шантажа или каких-нибудь других целей, как она докажет их подлинность?

– Но мой почерк...

– Пустяки! Почерк легко подделать.

– А почтовая бумага с моим именем?

– Украдена.

– Моя личная печать...

– Снова подделка.

– Моя фотография...

– Куплена.

– Но мы сфотографированы вместе!

– О-о, вот это действительно плохо! Ваше величество допустили большую оплошность.

– Я был без ума от нее.

– Да, фотография – это серьезно.

– Тогда я был кронпринцем. Я был совсем молод. Мне и теперь только тридцать.

– Фотографию необходимо во что бы то ни стало вернуть.

- Мы пытались, но нам не удалось.
- Да, придется расплачиваться. Надо купить фотографию.
- Она не желает ее продавать.
- Тогда ее надо выкрасть.
- Было сделано пять попыток. Я дважды нанимал взломщиков, и они перерыли у нее весь дом. Когда она путешествовала, мы обыскали ее багаж. Дважды пытались заманить ее в ловушку... Никаких результатов.
- Никаких следов?
- Абсолютно никаких.
- Холмс усмехнулся:
- Любопытная задачка!
- Но для меня это очень серьезно! – с упреком возразил король.
- Еще бы! А для чего ей нужна фотография?
- Чтобы погубить меня.
- Но каким образом?
- Я собираюсь жениться...
- Об этом я слышал.
- ...на Клотильде Лотман фон Саксе-Менинген, второй дочери скандинавского короля. Быть может, вам известно, что эта семья строгих правил. Сама Клотильда – воплощенная чистота. Малейшая тень сомнения относительно моего прошлого повела бы к разрыву.
- А Ирен Адлер?
- Она грозит послать им фотографию. И она непременно это сделает! У нее железный характер. Да-да, лицо обаятельнейшей женщины, а душа – как у самого твердого мужчины. Она ни перед чем не остановится, лишь бы не дать мне жениться на другой.
- Вы уверены, что она еще не отослала фотографию?
- Уверен.
- Почему?
- Она сказала, что пошлет фотографию в тот день, когда будет объявлено о помолвке. А это намечено на ближайший понедельник.
- О, у нас впереди целых три дня! – зевнул Холмс. – Вам повезло, потому что сейчас мне надо заняться кое-какими неотложными делами. Вы, конечно, останетесь пока в Лондоне?
- Конечно. Меня можно найти в гостинице «Лэнгхэм». Я остановился под именем графа фон Крамма.
- Я дам вам знать, как подвигается дело.
- Очень прошу вас. Я так волнуюсь!
- А как насчет денег?
- Тратьте, сколько сочтете нужным.
- Без ограничений?
- Я готов отдать за эту фотографию любую провинцию моего королевства!
- А на текущие расходы?
- Король достал из-под плаща тяжелый замшевый кошелек и положил его на стол.
- Здесь триста фунтов золотом и семьсот ассигнациями.
- Холмс написал расписку на страничке своей записной книжки и вручил королю.
- Адрес мадемуазель? – спросил он.
- Брайени-Лодж, Серпентайн-авеню, Сент-Джонсвул.
- Холмс записал.
- Еще один вопрос: фотография была кабинетного формата?
- Да.

– А теперь доброй ночи, ваше величество, я надеюсь, что вы скоро услышите хорошие вести... Доброй ночи, Уотсон, – добавил он, когда колеса королевского экипажа застучали по мостовой. – Если вы будете любезны зайти завтра в три часа, я охотно потолкую с вами об этом деле.

II

Ровно в три часа я был на Бейкер-стрит, но Холмс еще не вернулся. Экономка сообщила мне, что он вышел из дому в начале девятого. Я уселся у камина с твердым намерением дожидаться его во что бы то ни стало. Меня глубоко заинтересовало, как он поведет дело, ибо своеобразие случая и высокое положение клиента придавали ему необычный характер, хотя тут не было причудливости и мрачности, присущих двум преступлениям, о которых я рассказал в другом месте. Если даже оставить в стороне самое содержание расследования, которое проводил мой друг, – с каким мастерством он сразу овладел ситуацией и какая строгая, неопровержимая логика была в его умозаключениях! Мне доставляло истинное удовольствие наблюдать, какими быстрыми, тонкими приемами он распутывал самые непостижимые загадки. Я привык к его неизменному успеху. Мне и в голову не могло прийти, что он может потерпеть неудачу.

Около четырех часов дверь отворилась, и в комнату вошел подвыпивший человек, по внешности конюх – с всклокоченными волосами и бакенбардами, с распухшей красной физиономией, в бедной грязной одежде. Как ни привык я к удивительной способности моего друга менять свой облик, мне пришлось пристальнейшим образом взглядеться, прежде чем я удостоверился, что это действительно Холмс. Кивнув мне на ходу, он исчез в своей спальне, откуда появился через пять минут в твидовом костюме, корректный, как всегда. Заложив руки в карманы, он вытянул ноги перед пылающим камином и несколько минут от души смеялся.

– Ну и потеха! – воскликнул он, затем закашлялся и снова расхохотался, да так, что под конец в полном изнеможении откинулся на спинку кресла.

– В чем дело?

– Смешно, невероятно смешно! Уверен, что вам никогда не угадать, как я провел это утро и что я в конце концов сделал.

– И представить себе не могу. Полагаю, что изучали образ жизни, а быть может, и дом мисс Ирен Адлер.

– Совершенно верно, но результат довольно неожиданный. Однако расскажу по порядку. В начале девятого я вышел из дому под видом безработного грума. Знаете, существует удивительная взаимная симпатия, своего рода братство между всеми, кто имеет дело с лошадьми. Станьте грумом, и вы узнаете все, что вам надо. Я быстро нашел Брайени-Лодж. Это изящная двухэтажная вилла, стоит она у самой улицы, позади нее сад. На садовой калитке массивный замок. В правой части дома – большая, хорошо обставленная гостиная с высокими окнами, почти до полу, а на окнах нелепые английские задвижки, которые откроет любой ребенок. За домом ничего особенного, кроме того, что с крыши каретного сарая можно попасть в окно галереи. Я внимательно осмотрел дом, но больше ничего интересного не заметил. Затем я пошел по улице и в переулке за садовой оградой обнаружил, как и ожидал, извозчий двор. Я помог конюхам почистить лошадей и получил за это два пенса, стакан портера пополам с элем, две щепотки табаку и вдоволь сведений о мисс Адлер и о нескольких других людях, живущих по соседству. Другие меня нисколько не интересовали, но я был вынужден выслушать их биографии.

– Что же вы узнали об Ирен Адлер? – спросил я.

– Что она вскружила голову всем мужчинам в квартале и что вообще она самый лакомый кусочек на нашей планете. Так в один голос утверждают серпентайнские конюхи. Живет она тихо, выступает в концертах, ежедневно в пять часов дня выезжает на прогулку и ровно в семь

возвращается к обеду. В другое время почти всегда дома, кроме тех случаев, когда поет. Навещает ее только один мужчина, зато часто. Брюнет, красавец, прекрасно одевается, бывает у нее ежедневно, а порой и по два раза в день. Это некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла³. Видите, как выгодно пользоваться доверием кучеров! Они раз двадцать возили его домой от серпентайнских конюшен и знают о нем решительно все. Выслушав их, я снова прошелся взад-вперед вблизи Брайени-Лодж, обдумывая план кампании.

Годфри Нортон, очевидно, играет важную роль во всей этой истории. Он адвокат. Это кое-что да значит. Что связывает их и зачем он часто бывает у нее? Кто она – его клиентка, друг, возлюбленная? Если клиентка, то, вероятно, отдала фотографию ему на хранение. Если же возлюбленная – едва ли. От решения этого вопроса зависело, продолжать ли мне работу в Брайени-Лодж или обратить внимание на контору этого джентльмена в Темпле. Это важное обстоятельство расширяло область моих изысканий... Боюсь, Уотсон, что вам наскучили подробности и сомнения, но иначе не понять ситуацию.

– Я внимательно слежу за вашим рассказом, – ответил я.

– Я все еще взвешивал в уме это дело, как вдруг к Брайени-Лодж подкатила двуколка и из нее выскочил какой-то джентльмен, необычайно красивый, смуглый, с орлиным носом и с усами. Очевидно, это и был тот субъект, о котором я слышал. Он очень спешил. Приказав кучеру ждать, он пробежал мимо горничной, открывшей ему дверь; чувствовалось, что здесь он – как дома. Он пробыл там около получаса, и мне было видно через окно гостиной, как он ходит взад и вперед по комнате, возбужденно толкуя о чем-то и размахивая руками. Ее я не видел. Но вот он вышел на улицу, еще более взволнованный, чем прежде. Подойдя к экипажу, он вынул из кармана золотые часы и озабоченно посмотрел на них. «Гоните что есть духу! – крикнул он кучеру. – Сначала к Гроссу и Хенке на Риджент-стрит, а затем к церкви Святой Моники на Эджуэр-роуд. Полгинеи, если довезете за двадцать минут!»

Двуколка понеслась, и я как раз соображал, не последовать ли мне за ней, как вдруг к дому подкатило прелестное маленькое ландо. Пальто у кучера было застегнуто только наполовину, галстук торчал где-то сбоку, а ремни сбруи не были вдеты в пряжки. Он подъехал к дому, и в ту же минуту Ирен выпорхнула из дверей и вскочила в ландо. Я видел ее лишь одно мгновение, но и этого было довольно: очаровательная женщина, за такое личико мужчина способен отдать жизнь. «Церковь Святой Моники, Джон! – крикнула она. – Полсоверена, если доедете за двадцать минут!»

Такого случая, Уотсон, нельзя было упустить. Я колебался: бежать следом или прыгнуть на запятки, но тут, к счастью, на улице показался кеб. Кучер с сомнением оглядел неказистого седока, но я вскочил прежде, чем он успел что-либо возразить. «Церковь Святой Моники, – сказал я, – и полсоверена, если довезете за двадцать минут!» Было как раз без двадцати пяти двенадцать, и я, конечно, догадался, в чем дело.

Мой кеб мчался стрелой. Я думаю, что ни разу не ехал так быстро, но, когда мы были на месте, двуколка и ландо со взмыленными лошадьми стояли у входа в церковь. Рассчитавшись с кучером, я взбежал по ступеням. В церкви не было ни души, кроме тех, за кем я следовал, да священника в облачении, который, по-видимому, в чем-то их упрекал. Все трое стояли у алтаря. Я стал бродить по боковому приделу, как будто случайно зашел в церковь. Внезапно, к моему изумлению, все трое обернулись в мою сторону, и Годфри Нортон со всех ног бросился ко мне.

«Слава Богу! – вскричал он. – Вас-то нам и нужно. Идемте! Идемте!»

«В чем дело?» – спросил я.

«Идемте, идемте, осталось всего три минуты! Иначе все будет незаконно».

³ ИннерТемпл – одна из четырех английских юридических корпораций, готовящих адвокатов. Помещается в Темпле – здании, до 1313 года принадлежавшем ордену тамплиеров и получившем от этого свое название.

Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, не успев опомниться, я уже бормотал ответы, которые мне шептали на ухо, клялся в том, чего совершенно не знал, и вообще принимал участие в бракосочетании Ирен Адлер, девицы, с Годфри Нортоном, холостяком.

Все совершилось в одну минуту, и вот уже, с одной стороны, меня благодарит джентльмен, с другой – леди, а священник, стоящий передо мной, просто сияет. Нелепое положение, в таком я еще не оказывался! Вот подумал о нем сейчас и расхохотался. По-видимому, у них не были выполнены какие-то формальности, и священник наотрез отказался совершить обряд бракосочетания без свидетеля. Мое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках первого встречного. Невеста подарила мне соверен, и я собираюсь носить эту монету на цепочке от часов в память об этом событии.

– Дело приняло неожиданный оборот, – сказал я. – Что же дальше?

– Я понял, что мои планы могут сорваться. Похоже было на то, что молодожены собираются немедленно уехать, и мне необходимо было принять самые срочные и энергичные меры. Однако в дверях церкви они расстались: он отправился в Темпл, она – к себе домой. «Я поеду в парк, как всегда, в пять часов», – сказала она, прощаясь. Больше я ничего не слышал. Они разъехались в разные стороны, а я вернулся, чтобы заняться своим делом.

– В чем оно заключается?

– Немного холодного мяса и стакан пива, – ответил Холмс, дергая колокольчик. – Я был слишком занят, не успел поесть, а сегодня вечером хлопот будет еще больше. Кстати, доктор, мне понадобится ваше содействие.

– Буду очень рад.

– Вы не будете возражать, если нам придется преступить закон?

– Ни в малейшей степени.

– И вас не пугает опасность ареста?

– Ради доброго дела я готов и на это.

– Великолепно!

– Я к вашим услугам.

– Я был уверен, что могу на вас положиться.

– Но что вы задумали?

– Когда миссис Тернер принесет ужин, я вам все объясню... Я должен кое-что обсудить с вами, – сказал он, с аппетитом принимаясь за скромную пищу, приготовленную нашей экономкой. – Времени у нас очень мало. Сейчас около пяти часов. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, вернее, миссис Нортон, возвращается со своей прогулки в семь часов. К тому времени мы должны быть у Брайени-Лодж, чтобы встретить ее возле дома.

– И что дальше?

– Остальное предоставьте мне. Я уже все подготовил. Я настаиваю только на одном: что бы ни случилось, не вмешивайтесь. Понимаете?

– Я должен сделать вид, будто я посторонний?

– Вот именно. Ничего не предпринимайте. Вероятно, возникнет какая-нибудь неприятность. Не вмешивайтесь. Кончится тем, что меня проведут в дом. Минут через пять в гостиной откроется окно. Подойдите поближе к окну.

– Хорошо.

– Вы должны наблюдать за мной, я буду у вас на виду.

– Хорошо.

– Когда я подниму руку – вот так, вы бросите в окно то, что я вам сейчас дам, и начнете кричать: «Пожар!» Вы меня поняли?

– Вполне.

– Тут нет ничего опасного, – сказал он, вынимая из кармана сверток в форме сигары. – Это обыкновенная дымовая шашка, из тех, что употребляют паяльщики, снабженная с обоих

концов капсюлями для самовоспламенения. Итак, вам предстоит сделать следующее: закричать «Пожар!», а когда ваш крик подхватят, дойти до конца улицы, а я догоню вас через десять минут. Надеюсь, вы поняли?

– Я должен сделать вид, будто я посторонний, затем подойти поближе к окну, наблюдать за вами и по сигналу бросить в окно этот предмет, потом поднять крик о пожаре и ожидать вас на углу.

– Совершенно верно.

– Можете на меня положиться.

– Отлично. Ну что ж, пожалуй, пора готовиться к новой роли, которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне, и через несколько минут ко мне вышел симпатичный, простоватый священник в широкополой черной шляпе, мешковатых брюках, с белым галстуком. Такую приятную улыбку и общее выражение благожелательного любопытства мог воспроизвести, пожалуй, только Джон Хэйр⁴. И дело не в том, что Холмс переменил костюм. Выражение его лица, манеры, даже душа, казалось, менялись при каждой новой роли, которую ему приходилось играть. Когда он стал специалистом по криминалистике, сцена потеряла прекрасного актера, а наука – тонкого мыслителя.

В четверть седьмого мы вышли из дому, и когда мы оказались на Серпентайн-авеню, до назначенного часа оставалось десять минут. Уже смеркалось, на улице зажгли фонари, и мы принялись расхаживать у Брайени-Лодж, поджидая возвращения его хозяйки. Дом был точно такой, каким я его себе представлял по краткому описанию Шерлока Холмса, но квартал, против ожидания, оказался далеко не безлюдным. На этой маленькой тихой улице было очень оживленно. На одном углу курили и смеялись какие-то оборванцы, неподалеку стоял точильщик со своим колесом, два гвардейца флиртовали с нянькой, и несколько хорошо одетых молодых людей прохаживались взад-вперед с сигарами во рту.

– Видите ли, эта свадьба значительно упрощает дело, – заметил Холмс, пока мы вышагивали перед домом. – Теперь фотография становится обоюдоострым оружием. Возможно, Ирен в равной степени не хочет, чтобы фотографию видел мистер Годфри Нортон, как наш клиент не хочет, чтобы она попала на глаза его принцессе. Вопрос в том, где нам найти фотографию.

– Ума не приложу.

– Вряд ли Ирен держит ее при себе. Карточка кабинетного формата, и спрятать ее в платье нелегко. Кроме того, Ирен знает, что король способен устроить ей западню. Это уже пытались сделать дважды. Значит, мы можем быть уверены, что с собой она фотографию не носит.

– Где же тогда она ее хранит?

– У своего банкира или у своего адвоката. Возможно и то и другое, но я сомневаюсь и в том и в другом. Женщины по природе скрытны и сами хранят свои секреты. Зачем ей посвящать в тайну кого-нибудь другого? На себя она может положиться, а где гарантия, что какой-нибудь доверенный устоит перед политическим или иным влиянием? Кроме того, не забудьте, что она хотела пустить в ход фотографию в ближайшие дни. Для этого нужно иметь ее под рукой. Фотография у нее дома.

– Но взломщики два раза перерыли весь дом.

– Чепуха! Они не умеют искать.

– А как вы будете искать?

– Вообще не буду.

– А как же иначе?

– Она сама покажет, где фотография.

⁴ Хэйр, сэр Джон – английский актер второй половины XIX века.

– Она откажется.

– Это ей не удастся. Погодите, я слышу стук колес. Это ее экипаж. Теперь в точности выполняйте мои указания.

Из-за угла показались фонари кареты, и нарядное маленькое ландо подкатило к дверям Брайени-Лодж. Когда экипаж остановился, один из бродяг, стоявших на углу, бросился было открыть дверцы в надежде заработать медяк, но его оттолкнул другой бродяга, подбежавший с тем же намерением. Завязалась жестокая драка. Масла в огонь подлили гвардейцы, взяв сторону одного из бродяг, и точильщик, который с такой же горячностью принялся защищать другого. В одно мгновение дама, вышедшая из экипажа, оказалась посреди разгоряченных, дерущихся людей, которые яростно тузили друг друга кулаками и палками. Холмс бросился в толпу, чтобы охранять даму, но, пробившись к ней, вдруг испустил крик и упал с залитым кровью лицом. Солдаты тут же бросились бежать в одну сторону, оборванцы – в другую, зато подбежало несколько прохожих более приличного вида, не принимавших участия в потасовке, чтобы защитить даму и оказать помощь раненому. Ирен Адлер – я буду по-прежнему называть ее так – взбежала по ступенькам, но на площадке обернулась; на фоне освещенной прихожей была видна ее великолепная фигура.

– Бедный джентльмен сильно ранен? – спросила она.

– Он умер, – раздался голос.

– Нет, нет, он еще жив! – крикнул кто-то. – Но он умрет, если везти его в больницу.

– Он храбрый малый! – сказала какая-то женщина. – Если бы не он, они отобрали бы у дамы кошелек и часы. Их тут целая шайка... Смотрите, он дышит!

– Неужели оставить его на улице?... Вы позволите перенести его в дом, сударыня?

– Конечно! Перенесите его в гостиную. Там удобный диван. Сюда, пожалуйста!

Медленно и торжественно Холмса внесли в Брайени-Лодж и уложили в гостиной, а я принялся наблюдать за происходящим со своего поста у окна. Лампы были зажжены, но шторы еще не опускали, так что я мог видеть лежащего на диване Холмса. Не знаю, почувствовал ли он угрызения совести, играя свою роль, но я ни разу в жизни не испытывал более глубокого стыда, чем в те минуты, когда эта прелестная женщина, в заговоре против которой я участвовал, с такой добротой и состраданием ухаживала за раненым. И все же отступить – значит самым низким образом изменить Холмсу. Скрепя сердце я достал из-под пальто дымовую шашку. «В конце концов, – подумал я, – мы не причиним ей никакого вреда, мы только помешаем ей причинить вред другому человеку».

Холмс приподнялся на диване и стал корчиться, как человек, которому не хватает воздуха. Служанка бросилась открывать окно. В то же мгновение Холмс поднял руку; по этому сигналу я бросил в комнату шашку и крикнул: «Пожар!» Едва это слово слетело с моих уст, как его подхватила вся толпа. Оборванцы и джентльмены, конюхи и служанки – все в один голос завопили: «Пожар!» Густые облака дыма клубились в комнате и вырывались через открытое окно. Я видел, как там, внутри, мечутся люди; минутой позже послышался голос Холмса, уверявшего, что это ложная тревога.

Протиснувшись сквозь толпу, я добрался до угла улицы. Через десять минут меня догнал Холмс, взял под руку, и мы покинули место бурных событий. Он шел быстрым шагом и не проронил ни слова, пока мы не свернули в одну из тихих улиц, ведущих на Эджуэр-роуд.

– Вы это ловко проделали, доктор, – заметил Холмс. – Как нельзя лучше. Все в порядке.

– Вы добыли фотографию?

– Нет, но я знаю, где она спрятана.

– А как вы это узнали?

– Она сама мне показала, как я и предсказывал.

– Я ничего не понимаю.

– А я не собираюсь делать из этого тайны, – сказал он, смеясь. – Все очень просто. Вы, наверное, догадались, что все эти зеваки на улице – мои сообщники. Я нанял их на вечер.

– Догадался.

– В руке у меня было немного красной краски. Когда началась свалка, я бросился вперед, упал, прижал руку к лицу и предстал в плачевном виде. Старый прием.

– Это я тоже понял.

– Они вносят меня в дом. Она вынуждена согласиться – что ей остается делать? Я попадаю в гостиную, в ту самую комнату, которая у меня на подозрении. Фотография где-то поблизости, либо в гостиной, либо в спальне – я и решил это выяснить. Меня укладывают на кушетку, я притворяюсь, что мне не хватает воздуха, они вынуждены открыть окно, и вы получаете возможность сделать свое дело.

– А чего вы этим добились?

– Очень многого. Когда в доме пожар, инстинкт заставляет женщину спасти то, что ей всего дороже. Чрезвычайно сильное побуждение, я не раз извлекал из него пользу, например в дарлингтоновском скандале и в деле с Арнсвортским замком. Замужняя женщина бросается к ребенку, незамужняя хватается шкатулку с драгоценностями. Мне было ясно, что для нашей леди нет ничего дороже фотографии. Она бросится спасти именно ее. Пожар был отлично разыгран. Дыма и крика было достаточно, тут бы и стальные нервы дрогнули. Она поступила именно так, как я ожидал. Фотография находится в тайнике, за выдвижной панелью, как раз над шнурком от звонка. Она мгновенно очутилась там и наполовину вытащила фотографию – я даже увидел краешек. Когда же я крикнул, что тревога ложная, она положила фотографию обратно, мельком взглянула на шашку и выбежала из комнаты. Больше я ее не видел. Я встал и, извинившись, выскользнул из дома. Мне хотелось взять фотографию, но в комнату вошел кучер и стал следить за мной, так что поневоле пришлось отложить это до другого раза. Излишняя поспешность может погубить все.

– Ну а дальше? – спросил я.

– Практически наши розыски закончены. Завтра мы вместе с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать, нанесем Ирен Адлер визит. Нас попросят подождать в гостиной, но весьма вероятно, что, выйдя к нам, она не найдет ни нас, ни фотографии. Я думаю, что его величеству будет приятно взять фотографию собственными руками.

– Когда вы намерены туда отправиться?

– В восемь часов утра. Она еще будет в постели, так что мы сможем действовать свободно. Кроме того, нельзя терять времени, потому что замужество может совершенно изменить ее образ жизни и планы. Я должен немедленно послать телеграмму королю.

Мы дошли до Бейкер-стрит и остановились у дверей. Холмс шарил в карманах, ища ключ, и в эту минуту кто-то из прохожих сказал:

– Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс!

На панели в это время было несколько человек, но приветствие, по-видимому, исходило от пробежавшего мимо стройного юноши в длинном пальто.

– Где-то я слышал этот голос, – сказал Холмс, оглядывая скудно освещенную улицу, – но никак не припомню, черт возьми, кто бы это мог быть.

III

В эту ночь я ночевал на Бейкер-стрит. Утром мы сидели за кофе с гренками, когда в комнату ворвался король Богемии.

– Вы действительно добыли фотографию? – воскликнул он, хватая Шерлока Холмса за плечи и нетерпеливо заглядывая ему в лицо.

– Нет еще.

- Но у вас есть надежда?
- Есть.
- В таком случае едем! Я сгораю от нетерпения.
- Нам нужен кеб.
- Мой экипаж у дверей.
- Это упрощает дело.

Мы сошли вниз и снова направились к Брайени-Лодж.

- Ирен Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.
- Замуж? Когда?
- Вчера.
- За кого?
- За английского адвоката по имени Нортон.
- Но она, конечно, не любит его?
- Надеюсь, что любит.
- Не понимаю.

– Потому что это избавит ваше величество от возможных неприятностей. Если эта дама любит своего мужа, значит, она не любит ваше величество. Если она не любит ваше величество, у нее нет оснований мешать планам вашего величества.

– Верно. И все же... О, как бы я хотел, чтобы она была королевской крови! Какая бы это была королева!

Он вновь погрузился в угрюмую задумчивость и молчал, пока мы не выехали на Серпентайн-авеню.

Двери Брайени-Лодж были открыты, и на лестнице стояла пожилая женщина. Она с усмешкой наблюдала, как мы выходили из экипажа.

– Мистер Шерлок Холмс? – спросила она.

– Да, я Шерлок Холмс, – ответил мой друг, окинув ее вопрошающим и удивленным взглядом.

– Так и есть! Моя хозяйка предупредила меня, что вы, вероятно, зайдете. Сегодня утром в пять часов пятнадцать минут она уехала со своим мужем с вокзала Чаринг-Кросс. Она едет на континент.

– Что?! – Шерлок Холмс отшатнулся, побледнев от огорчения и неожиданности. – Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

– Навсегда.

– А бумаги? – хрипло спросил король. – Неужели все погибло?

– Посмотрим! – Холмс прошел мимо служанки и поспешил в гостиную. Мы с королем следовали за ним. Мебель в комнате была в полнейшем беспорядке, – пустые полки, раскрытые ящики – видно, хозяйка второпях рылась в них перед отъездом.

Холмс бросился к звонку, отодвинул маленькую выдвижную панель и, засунув в тайник руку, вытащил фотографию и письмо. Это была фотография Ирен Адлер в вечернем платье, а на письме была надпись: «Мистеру Шерлоку Холмсу, эсквайру».

Мой друг разорвал конверт, и мы принялись читать письмо, датированное минувшей ночью:

«Дорогой мистер Шерлок Холмс, Вы действительно великолепно все это разыграли и обвели меня вокруг пальца. До пожарной тревоги у меня не было никаких подозрений. Но затем, когда я поняла, что сама себя выдала, я задумалась. Должна признаться, еще несколько месяцев назад меня предупредили, что король обратится к Вам, если решит пригласить сыщика. Мне дали Ваш адрес. И все же Вы застали меня врасплох и узнали все, что хотели узнать. Несмотря на мои подозрения, как я могла подумать, что Вы

явитесь в облике милого старого священника? Но Вы знаете, я сама была актрисой и привыкла носить мужской костюм. Я часто пользуюсь той свободой, которую он дает. Так вот, я приказала кучеру Джону следить за Вами, а сама побежала наверх, надела костюм для прогулок, как я его называю, и спустилась вниз как раз в тот момент, когда Вы уходили.

Я следовала за Вами до Вашего дома и убедилась, что мной действительно интересуется знаменитый Шерлок Холмс. Затем я довольно неосторожно пожелала Вам доброй ночи и поехала в Темпл к мужу.

Мы с ним решили, что, если нас преследует такой сильный противник, лучшее спасение – бегство. Поэтому, явившись завтра, Вы найдете гнездо опустевшим. Что касается фотографии, то Ваш клиент может быть спокоен: я люблю и люблю человека благороднее его. Король может поступать, как ему угодно, без помехи со стороны той, кому он причинил столько зла. Я сохраню фотографию только ради своей безопасности, чтобы иметь оружие, которое защитит меня от возможных притязаний короля. Я оставляю взамен другую фотографию, которую ему, быть может, приятно будет сохранить, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, преданной Вам

Ирен Нортон, урожденной Адлер».

– Что за женщина, что за женщина! – воскликнул король Богемии, когда мы прочитали это послание. – Разве я не говорил, как она находчива, умна и предприимчива? Разве она не была бы восхитительной королевой? Как жаль, что она не ровня мне.

– Насколько я успел узнать эту даму, мне кажется, она действительно не ровня вашему величеству, – холодно заметил Холмс. – Я сожалею, что не смог довести дело вашего величества до более удачного завершения.

– Напротив, милостивый государь! – воскликнул король. – Большей удачи трудно было ожидать. Я знаю, что ее слово нерушимо. Мне теперь ничто не грозит, фотография словно бы сгорела.

– Я рад слышать это.

– Я бесконечно обязан вам. Как мне вознаградить вас? Может быть, это кольцо...

Он снял с пальца изумрудное кольцо и протянул его на ладони Холмсу.

– У вашего величества есть нечто более ценное для меня, – сказал Холмс.

– Вам стоит только назвать...

– Эта фотография.

Король посмотрел на него с изумлением.

– Фотография Ирен?! – воскликнул он. – Разумеется, если вам угодно.

– Благодарю, ваше величество. В таком случае с этим делом покончено. Честь имею пожелать вам всего наилучшего.

Холмс поклонился и, не замечая протянутой ему руки, вместе со мной отправился домой.

Вот рассказ о том, как в королевстве Богемии чуть было не разразился скандал и как изобретательные планы мистера Шерлока Холмса были расстроены женской проницательностью. Холмс вечно подтрунивал над женским умом, но за последнее время я не слышал его шуток на этот счет. И когда он вдруг заговаривает об Ирен Адлер или о ее фотографии, то неизменно произносит почетный титул: «Та Женщина».

Союз рыжих ⁵

Как-то осенью прошлого года я зашел на минутку к моему приятелю, мистеру Шерлоку Холмсу. У него сидел какой-то пожилой джентльмен, очень полный, огненно-рыжий. Я хотел войти, но увидел, что оба они увлечены разговором, и решил удалиться. Однако Холмс втащил меня в комнату и закрыл за мной дверь.

– Вы пришли как нельзя более кстати, мой дорогой Уотсон, – приветливо проговорил он.

– Я боялся вам помешать. Мне показалось, что вы заняты.

– Да, я занят. И даже очень.

– Не лучше ли мне подождать в другой комнате?

– Нет, нет... Мистер Уилсон, – сказал он, обращаясь к толстяку, – этот джентльмен не раз оказывал мне дружескую помощь во многих моих наиболее удачных исследованиях. Не сомневаюсь, что и в вашем деле он будет мне очень полезен.

Толстяк привстал со стула и кивнул мне; его маленькие, заплывшие жиром глазки пытливо оглядели меня.

– Садитесь сюда, на диван, – сказал Холмс.

Он опустился в кресло и, как всегда в минуты задумчивости, сложил концы пальцев обеих рук вместе.

– Я знаю, мой дорогой Уотсон, – сказал он, – что вы разделяете мою любовь ко всему необычному, ко всему, что нарушает однообразие нашей будничной жизни. Не будь у вас этой любви к необыкновенным событиям, вы не стали бы с таким энтузиазмом записывать скромные мои приключения... Хотя по совести должен сказать, что иные из ваших рассказов изображают мою деятельность в несколько приукрашенном виде.

– Право же, ваши приключения всегда казались мне чрезвычайно интересными, – возразил я.

– Совсем недавно, перед тем как мисс Сазерленд задала нам свою несложную загадку, я, помнится, говорил вам, что самая смелая фантазия не в силах представить себе тех необычайных и диких случаев, какие встречаются в обыденной жизни.

– Я тогда же ответил вам, что позволяю себе усомниться в правильности вашего мнения.

– И тем не менее, доктор, вам придется признать, что я прав, ибо в противном случае я обрушу на вас такое множество удивительных фактов, что вы будете вынуждены согласиться со мной. Вот хотя бы та история, которую мне сейчас рассказал мистер Джабез Уилсон. Признаться, за всю свою жизнь я не слышал столь необычной истории. Помните, я говорил, что странными и необыкновенными оказываются скорее мелкие, чем крупные преступления, часто даже такие дела, когда возникает сомнение, совершено ли вообще правонарушение. В данном случае я не могу пока сказать, есть ли тут состав преступления, однако ход событий крайне любопытен. Будьте добры, мистер Уилсон, повторите свой рассказ. Я прошу вас об этом не только для того, чтобы мой друг, доктор Уотсон, выслушал начало рассказа, но и для того, чтобы мне самому как можно лучше познакомиться с каждой подробностью. Обычно, едва мне начинают рассказывать какой-нибудь случай, тысячи подобных же случаев возникают в моей памяти, но на этот раз я вынужден признать, что ничего похожего не слышал.

Толстый клиент с некоторой гордостью выпятил грудь, вытащил из внутреннего кармана пальто грязную, скомканную газету и разложил ее у себя на коленях. Пока он, вытянув шею, пробежал глазами столбцы объявлений, я внимательно разглядывал его, пытаюсь в подражание Шерлоку Холмсу угадать по одежде и внешности, кто он такой.

⁵ © Перевод. М. и Н. Чуковские, наследники, 2009.

К сожалению, мои наблюдения не дали почти никаких результатов. Сразу можно было заметить, что наш посетитель – самый заурядный мелкий лавочник, самодовольный, тупой и медлительный. Серые в клетку брюки висели на нем мешком, его не слишком опрятный черный сюртук был расстегнут, а на темном жилете красовалась массивная цепь накладного золота, на которой в качестве брелока болтался просверленный насквозь четырехугольный кусочек какого-то металла. Поношенный цилиндр и выцветшее бурое пальто со сморщенным бархатным воротником были брошены тут же на стуле. Одним словом, сколько я ни разглядывал этого человека, я не видел в нем ничего примечательного, кроме пламенно-рыжих волос. Было ясно, однако, что он крайне озадачен каким-то неприятным событием.

От пронизательного взгляда Шерлока Холмса не ускользнуло мое занятие, он кивнул головой и усмехнулся.

– Конечно, каждому ясно, – сказал он, – что наш гость одно время занимался физическим трудом, что он нюхает табак, что он франкмасон, что он побывал в Китае и что за последние месяцы ему приходилось много писать. Кроме этих очевидных фактов, я не могу отгадать ничего.

Мистер Джабез Уилсон выпрямился в кресле и, не отрывая указательного пальца от газеты, уставился на моего приятеля.

– Каким образом, мистер Холмс, могли вы все это узнать? – спросил он. – Откуда вы знаете, например, что я занимался физическим трудом? Да, действительно, я начинал корабельным плотником.

– Ваши руки рассказали мне об этом, мой дорогой сэръ. Ваша правая рука крупнее левой. Вы работали ею, и мускулы на ней стали крупнее.

– А нюханье табака? А франкмасонство?

– О франкмасонстве догадаться нетрудно, так как вы вопреки строгому уставу вашего общества носите галстучную булавку с изображением дуги и окружности.

– Ах да! Я и забыл про нее... Но как вы отгадали, что мне приходилось много писать?

– О чем ином может свидетельствовать ваш лоснящийся правый рукав и протертое до гладкости сукно на левом рукаве возле локтя!

– А Китай?

– Только в Китае могла быть вытатуирована та рыбка, что красуется на вашем правом запястье. Я изучил татуировки, и мне приходилось даже писать кое-что по этому предмету. Обычай окрашивать рыбью чешую нежно-розовым цветом распространен только в Китае. Увидев китайскую монету на цепочке ваших часов, я окончательно убедился, что вы были в Китае.

Мистер Джабез Уилсон громко расхохотался.

– Вот оно что! – сказал он. – Я сначала подумал, что вы бог знает какими мудреными способами отгадываете, а оказывается, это так просто.

– Я начинаю думать, Уотсон, – сказал Холмс, – что совершил ошибку, объяснив, каким образом я пришел к моим выводам. Как вам известно, «*omne ignotum pro magnifico*»⁶, и моей скромной славе грозит крушение, если я буду так откровенен... Вы нашли объявление, мистер Уилсон?

– Нашел, – ответил тот, держа толстый красный палец в середине газетного столбца. – Вот оно. С этого все и началось. Прочтите сами, сэръ.

Я взял газету и прочел:

«СОЮЗ РЫЖИХ

Во исполнение завещания покойного Иезекии Хопкинса из Лебанона, Пенсильвания (США), ОТКРЫТА новая вакансия для члена Союза. Предлагается жалованье – четыре фунта стерлингов в неделю за чисто

⁶ «Все неизвестное принимается за великое» (лат.). Тацит. «Жизнь и нравы Юлия Агриколы».

номинальную службу. Каждый рыжий не моложе двадцати одного года, находящийся в здравом уме и трезвой памяти, может оказаться пригодным для этой работы. Обращаться лично к Дункану Россу в понедельник, в одиннадцать часов, в контору Союза, Флит-стрит, Попс-корт, 7».

– Что это, черт побери, может означать?! – воскликнул я, дважды прочитав необычайное объявление. Холмс беззвучно засмеялся и весь как-то съехался в кресле, а это служило верным признаком, что он испытывает немалое удовлетворение.

– Не слишком заурядное объявление, как по-вашему, а? – сказал он. – Ну, мистер Уилсон, начните-ка сначала и расскажите нам о себе, о своем доме и о том, какую роль сыграло это объявление в вашей жизни. А вы, доктор, запишите, пожалуйста, что это за газета и от какого числа.

– «Морнинг кроникл», 27 апреля 1890 года. Ровно два месяца назад.

– Отлично. Продолжайте, мистер Уилсон.

– Как я вам уже говорил, мистер Шерлок Холмс, – сказал Джабез Уилсон, вытирая лоб, – у меня есть маленькая ссудная касса на Кобург-сквер, неподалеку от Сити. Дело у меня и прежде шло неважно, а за последние два года доходов хватало только на то, чтобы кое-как сводить концы с концами. Когда-то я держал двоих помощников, но теперь у меня только один; мне трудно было бы платить и ему, но он согласился работать на половинном жалованье – лишь бы иметь возможность изучить дело.

– Как зовут этого услужливого юношу? – спросил Шерлок Холмс.

– Его зовут Винсент Сполдинг, и он далеко не юноша. Трудно сказать, сколько ему лет. Более расторопного помощника мне не сыскать. Я отлично понимаю, что он вполне мог бы в другом месте зарабатывать вдвое больше. Но, в конце концов, раз он доволен, зачем вносить ему мысли, которые нанесут ущерб моим интересам?

– В самом деле, зачем? Вам просто повезло: у вас помощник, которому вы платите гораздо меньше, чем платят за такую же работу другие. Не часто встретишь в наше время бескорыстных служащих. Интересный у вас помощник, пожалуй, еще интереснее, чем объявление.

– Хотя должен сказать, у него есть свои недостатки! – продолжал мистер Уилсон. – Никогда не встречал человека, который так страстно увлекался бы фотографией. Щелкает аппаратом, когда нужно работать, а потом ныряет в погреб, как кролик в нору, и проявляет пластинки. Это его главный недостаток. А впрочем, он хороший работник, и мне не в чем его упрекнуть.

– Он и теперь служит у вас?

– Да, сэр. Он да девчонка четырнадцати лет, которая кое-как стряпает и подметает полы. Больше никого нет, я вдовец, и к тому же бездетный. Мы трое живем очень скромно, сэр. Крыша над головой у нас есть, долги отдаем – чего нам еще надо? Но вот это объявление выбило нас из колеи. Сегодня исполнилось как раз восемь недель с того дня, когда Сполдинг вошел в контору с этой газетой в руке и сказал:

– Жалко, что Господь не создал меня рыжим, мистер Уилсон.

– Почему? – спрашиваю я.

– Да вот посмотрите, – говорит он, – открылась новая вакансия в Союзе рыжих. Тот, кто займет ее, неплохо будет зарабатывать. Там, пожалуй, больше вакансий, чем кандидатов, и душеприказчики ломают голову, не зная, что делать с деньгами. Если бы волосы мои способны были изменить свой цвет, ни за что не упустил бы это выгодное местечко.

– А что это за Союз рыжих? – спросил я. – Дело в том, мистер Холмс, что я большой домосед, и так как мне не приходится искать клиентов – они сами приходят, – я иногда по целым неделям не переступаю порога. Вот почему я мало знаю о том, что делается на свете, и всегда рад послушать новости...

– Неужели вы никогда не слыхали о Союзе рыжих? – спросил Сполдинг у меня, широко раскрыв глаза.

– Никогда.

– Вот странно, вы ведь один из тех, кто имеет право занять вакансию.

– А много ли это может дать? – спросил я.

– Фунтов двести в год, не больше, зато работа пустяковая и не мешает человеку заниматься любым другим делом.

Понятно, я наострил уши, так как предприятие мое за последнее время давало очень мало дохода и лишние двести фунтов в год были бы очень кстати.

– Расскажите все, что вы знаете об этом Союзе, – сказал я.

– Как вы видите сами, – ответил Сполдинг, показывая мне объявление, – в Союзе рыжих имеется вакантное место, а вот и адрес, по которому вы можете обратиться за подробностями. Насколько мне известно, этот Союз основал американский миллионер Иезекия Хопкинс, большой чудак. Он сам был огненно-рыжий и благоволил ко всем рыжим на свете. Умирая, он оставил огромную сумму, и душеприказчики должны на проценты с нее подыскивать теплые местечки для тех, у кого волосы ярко-рыжего цвета. Что ни говори, платят неплохо, а работы почти никакой.

– Но ведь рыжих миллионы, – сказал я, – и каждый пожелает занять вакантное место?

– Не так много, как кажется, – ответил он. – Объявление, как видите, обращено только к лондонцам, и притом лишь ко взрослым. Этот американец родился в Лондоне, прожил здесь свою юность и хотел облагодетельствовать свой родной город. Кроме того, насколько я слышал, в Союз рыжих не имеет смысла обращаться тем лицам, у которых волосы светло-рыжие или темно-рыжие, – там требуются люди с волосами яркого, ослепительного, огненно-рыжего цвета. Если вы хотите воспользоваться этим предложением, мистер Уилсон, нужно только пройти до конторы Союза рыжих. Впрочем, есть ли вам смысл отвлекаться от основного занятия ради нескольких сотен фунтов?...

Как вы сами изволите видеть, джентльмены, волосы у меня ярко-рыжие, такого красочного, богатого оттенка, что, дойди дело до состязания рыжих, у меня, пожалуй, будет шанс, как ни у кого. Винсент Сполдинг, как человек весьма сведущий в этом деле, мог оказаться полезным, поэтому я распорядился закрыть ставни на весь день и попросил его сопровождать меня. Он обрадовался, что сегодня не придется работать, и мы, закрыв контору, отправились по адресу, указанному в объявлении.

Такого зрелища, мистер Холмс, мне больше никогда не придется увидеть! С севера, с юга, с востока и с запада в Сити устремились все люди, в волосах у которых был хоть малейший оттенок рыжего цвета. Флит-стрит была забита рыжими, а Попс-корт был похож на тачку разносчика, торгующего апельсинами. Сколько народу собралось по объявлению! Никогда я не думал, что в Англии столько рыжих. Все оттенки рыжего цвета: соломенный, оранжевый, кирпичный, лимонный, цвет шерсти ирландских сеттеров, цвет желчи, глины; правда, Сполдинг заметил, что голов настоящего – живого, яркого, огненного цвета – тут было очень немного. И все же, увидев толпу, я пришел в отчаяние и решил отказаться от предприятия, но Сполдинг и слышать об этом не хотел. Не знаю, как это ему удавалось, но он проталкивался сквозь толпу с таким усердием, что вскоре мы очутились на лестнице, ведущей в контору. По лестнице двигался двойной людской поток: одни поднимались, полные приятных надежд, другие спускались в унынии. Мы протискались вперед и скоро очутились в конторе...

– Замечательная же с вами случилась история! – сказал Холмс, когда его клиент замолчал, чтобы освежить свою память понюшкой табаку. – Пожалуйста, продолжайте.

– В конторе не было ничего, кроме пары деревянных стульев и простого соснового стола, за которым сидел маленький человечек, еще более рыжий, чем я. Он обменивался несколькими словами с каждым из претендентов и в каждом обнаруживал какой-нибудь недостаток.

Видимо, занять эту вакансию было не так-то просто. Однако когда настала наша очередь, маленький человечек оказался гораздо приветливее и, едва мы вошли, запер двери, чтобы побеседовать с нами без посторонних.

– Это мистер Джабез Уилсон, – сказал мой помощник. – Он хотел бы занять вакансию в Союзе.

– И он вполне достоин этого, поскольку отвечает всем требованиям, – ответил человечек. – Давно не случалось мне видеть такие прекрасные волосы!

Он отступил на шаг, склонил голову набок и глядел на мои волосы так долго, что мне стало неловко. Затем он внезапно кинулся вперед, схватил мою руку и горячо поздравил меня.

– Было бы преступлением медлить, – сказал он. – И все-таки, надеюсь, вы простите меня, если я приму некоторые меры предосторожности.

И он вцепился мне в волосы обеими руками и дернул так, что я взвыл от боли.

– У вас выступили слезы, – сказал он, отпуская меня. – Значит, все в порядке. Извините, приходится быть осторожными, потому что нас дважды обманули с помощью париков и один раз – с помощью краски. Я мог бы рассказать о таких проделках, которые внушили бы вам отвращение к людям.

Он подошел к окну и крикнул во все горло, что вакансия занята. Снизу донесся стон разочарования, толпа расплылась по разным направлениям, и скоро не осталось ни одного рыжего, кроме меня и человека, который со мной договаривался.

– Меня зовут мистер Дункан Росс, – сказал он, – и я тоже получаю пенсию из фонда, который оставил нам наш великодушный благодетель. Вы женаты, мистер Уилсон? У вас есть семья?

Я ответил, что я вдовец и детей у меня нет. Лицо его вытянулось.

– Да, это – серьезнейшее препятствие! Очень, очень жаль, что вы не женаты. Фонд создан не только для поддержания рыжих, но и должен способствовать увеличению их числа. Какая неудача, что вы оказались холостяком!

Должен сказать, мистер Холмс, что при этих словах я опечалился, так как стал опасаться, что меня не возьмут; но, подумав несколько минут, Росс заявил, что все обойдется.

– Ради кого-нибудь другого мы не стали бы отступать от правил, но человеку с такими волосами можно пойти навстречу. Когда вы могли бы приступить к исполнению ваших обязанностей?

– Право, не знаю, ведь у меня еще собственное предприятие... – ответил я.

– Не беспокойтесь, мистер Уилсон! – сказал Винсент Сполдинг. – С работой я справлюсь и без вас.

– В какие часы я буду занят? – спросил я.

– От десяти до двух.

Так как в ссудных кассах главная работа приходится на вечерние часы, особенно по четвергам и по пятницам, накануне получки, я и решил, мистер Холмс, что недурно заработать кое-что в утренние часы. Помощник у меня – человек надежный и вполне может меня заменить.

– Эти часы мне подходят, – сказал я. – А какое вы платите жалованье?

– Четыре фунта в неделю.

– А в чем заключается работа?

– Работа чисто номинальная.

– Что вы называете чисто номинальной работой?

– Вы должны безотлучно находиться в нашей конторе или по крайней мере в здании, где она помещается. Выходить нельзя – потеряете место. Завещатель особенно настаивает на точном выполнении этого пункта. Если вы хоть раз покинете контору в рабочие часы, будет считаться, что вы не исполнили наших требований.

– Если речь идет всего о четырех часах в сутки, мне, конечно, и в голову не придет уходить из конторы, – сказал я.

– Имейте это в виду, – повторил мистер Дункан Росс. – Потом мы никаких извинений не примем. Никакие болезни, никакие дела не могут служить оправданием. Вы должны безотлучно находиться в конторе или потеряете службу.

– А в чем же заключается работа?

– Вам придется переписывать «Британскую энциклопедию». Первый том – в этом шкафу. Чернила, перья, бумагу и промокашку вы достанете сами; мы предоставляем стол и стул. Не могли бы вы приступить к работе завтра же?

– Конечно, могу, – ответил я.

– В таком случае до свидания, мистер Джабез Уилсон. И позвольте еще раз поздравить вас с получением такого хорошего места.

Он поклонился. Я вышел из комнаты и отправился домой вместе с помощником, безотчетно радуясь необыкновенной удаче. Эта история весь день не выходила у меня из головы, но к вечеру я несколько упал духом; я почти убедил себя, что все это дело – просто мошенничество, хотя никак не догадывался, в чем может заключаться цель подобной затеи. Казалось почти невероятным, что кто-то мог оставить такое завещание и что люди согласны платить такие деньги за переписку «Британской энциклопедии». Винсент Сполдинг изо всех сил старался подбодрить меня, но, ложась спать, я твердо решил отказаться от этого дела. Однако утром я подумал, что все-таки стоит сходить туда. Купив чернил на пенни, захватив гусиное перо и семь больших листов бумаги, я отправился в Попс-корт. К моему удивлению, там все было в порядке. Я очень обрадовался. Стол был приготовлен для работы, и мистер Дункан Росс ждал меня. Он велел мне начать с буквы «А» и вышел. Однако время от времени он заходил, чтобы посмотреть, работаю ли я. В два часа он попрощался со мной, похвалив за то, что я успел так много переписать, и запер дверь конторы.

Так шло изо дня в день, мистер Холмс. В субботу мистер Росс выложил на стол четыре золотых соверена – плату за неделю. Прошла вторая неделя, потом третья. Каждое утро я приходил туда ровно к десяти и уходил ровно в два. Со временем мистер Дункан Росс начал заходить в контору все реже и реже, а потом и вовсе перестал навещать. Тем не менее я, понятно, не осмеливался выйти из комнаты даже на минуту, так как он мог прийти в любой момент, а я не хотел рисковать такой выгодной службой.

Так прошло восемь недель; я переписал статьи об аббатах, об артиллерии, об архитектуре, об Аттике и надеялся в скором времени приступить к букве «Б». Я изрядно потратился на бумагу, и исписанные мной листы едва помещались на полке. Но вдруг все кончилось.

– Кончилось?

– Да, сэр. Сегодня утром. Я пришел на работу, как всегда, к десяти часам, но дверь оказалась запертой на замок, а к двери был прибит листок плотной бумаги. Вот, посмотрите сами.

Он протянул нам этот листок. Там было написано:

СОЮЗ РЫЖИХ РАСПУЩЕН

9 октября 1890 года

Мы с Шерлоком Холмсом долго разглядывали эту краткую записку, потом перевели глаза на унылое лицо Джабеза Уилсона; смешная сторона происшествия заслонила от нас все остальное, и мы расхохотались.

– Не вижу ничего смешного! – крикнул наш клиент, вскочив с кресла и покраснев до корней жгучих волос. – Если вместо того, чтобы помочь мне, вы собираетесь смеяться надо мной, я обращусь к кому-нибудь другому!

– Нет, нет! – воскликнул Холмс, снова усаживая его в кресло. – Мне ни за что не хотелось бы отказываться от вашего дела. Оно вдохновляет меня своей новизной. Простите меня, но

согласитесь, в нем все же есть что-то забавное... Что же вы предприняли, найдя эту записку на дверях?

– Я был потрясен, сэр. Я не знал, что делать. Я обошел соседние конторы, но никто ничего не знал. Наконец я отправился к хозяину дома – он жил в нижнем этаже – и спросил, что случилось с Союзом рыжих. Он ответил, что никогда не слышал о такой организации. Тогда я осведомился о мистере Дункане Россе. Он сказал, что впервые слышит это имя.

– Я имею в виду джентльмена, который снимал у вас квартиру номер четыре, – сказал я.

– Рыжего?

– Да.

– Так его зовут Уильям Моррис! Он стряпчий, снимал у меня помещение временно, пока не подыскал другое. Он вчера выехал.

– Где его можно найти?

– В новой конторе. Он где-то оставил свой адрес, вот он: Кинг-Эдуард-стрит, 17, близ собора Святого Павла.

Я отправился по этому адресу, мистер Холмс, но там оказалась протезная мастерская, и никто не слышал ни о мистере Уильяме Моррисе, ни о мистере Дункане Россе.

– Что же вы предприняли тогда? – спросил Холмс.

– Я вернулся домой на Сакс-Кобург-сквер и посоветовался со своим помощником. Но он ничем не мог помочь. Надо, говорит, подождать, мне, вероятно, сообщат что-нибудь по почте. Но меня это никак не устраивает, мистер Холмс. Я не хочу сдаваться без боя. Я слышал, что вы даете советы бедным людям, попавшим в трудное положение, и отправился прямо к вам.

– И правильно поступили, – сказал Холмс. – Замечательный у вас случай, и я счастлив, что имею возможность им заняться. Из того, что вы рассказали, я заключаю, что дело это гораздо серьезнее, чем может показаться с первого взгляда.

– Уж чего серьезнее! – сказал мистер Джабез Уилсон. – Я лишился четырех фунтов в неделю.

– Ну вы-то лично вряд ли можете жаловаться на этот необычайный Союз, – сказал Холмс. – Напротив, вы ведь заработали тридцать фунтов, не говоря уже о том, что приобрели глубокие познания о предметах, начинающихся на букву «А». Так что, в сущности, вы ничего не потеряли.

– Не спорю, все это так, сэр. Но мне все-таки хотелось бы разыскать их, узнать, кто они такие и чего ради они сыграли со мной эту шутку, если только это шутка. Да, забава обошлась им дороговато: они заплатили за нее тридцать два фунта.

– Мы попытаемся все выяснить. Но сначала разрешите мне задать вам несколько вопросов, мистер Уилсон. Давно ли служит у вас этот помощник... тот, что показал вам объявление?

– К тому времени он прослужил у меня около месяца.

– Где вы нашли его?

– Он пришел по объявлению, которое я дал в газете.

– Он один откликнулся на ваше объявление?

– Нет, человек десять.

– Почему вы выбрали именно его?

– Потому что он проворный и не запросил много.

– Вас прельстила возможность платить ему половинное жалованье?

– Да.

– Каков он из себя, этот Винсент Сполдинг?

– Маленький, коренастый, очень живой. Никакой растительности на лице, хотя ему под тридцать. На лбу у него белое пятнышко – ожог кислотой.

Холмс выпрямился. Он был очень взволнован.

– Я так и думал! – сказал он. – А вы не замечали у него в ушах дырочек для серег?

– Заметил, сэр. Он объяснил, что уши ему проколола какая-то цыганка, когда он был ребенком.

– Гм! – произнес Холмс и откинулся на спинку кресла в глубоком раздумье. – Он до сих пор у вас?

– Да, сэр, я только что видел его.

– Он хорошо справлялся с делами, когда вас не было в конторе?

– Не могу пожаловаться, сэр. Впрочем, по утрам в ссудной кассе дел немного.

– Отлично, мистер Уилсон. Через день или два я буду иметь удовольствие кое-что сообщить вам. Сегодня суббота... Надеюсь, в понедельник мы все будем знать...

– Ну, Уотсон, – сказал Холмс, когда наш посетитель ушел, – что вы обо всем этом думаете?

– Ничего не думаю, – ответил я откровенно. – Дело это представляется мне совершенно таинственным.

– Общее правило таково, – сказал Холмс, – чем страннее случай, тем меньше в нем оказывается таинственного. Как раз заурядные, бесцветные преступления разгадать труднее всего, подобно тому как труднее разыскать в толпе человека с заурядными чертами лица. Но с этим случаем медлить я не могу.

– Что вы собираетесь делать? – спросил я.

– Курить, – ответил он. – Это задача как раз на три трубки. Я прошу вас минут пятьдесят не разговаривать со мной.

Он скрючился в кресле, подтянув худые колени к ястребиному носу, и долго сидел в такой позе, закрыв глаза и выставив вперед черную глиняную трубку, похожую на клюв какой-то странной птицы. Я уж подумал было, что он заснул, да и сам начал дремать, но тут он вскочил, словно человек, принявший твердое решение, и положил трубку на камин.

– Сегодня в Сент-Джеймс-Холле играет Сарасате, – сказал он. – Что вы думаете об этом, Уотсон? Могут ваши пациенты обойтись без вас в течение нескольких часов?

– Сегодня я свободен. Моя практика вообще отнимает у меня не слишком много времени.

– В таком случае надевайте шляпу и идем. Мне нужно в Сити, а где-нибудь по дороге перекусим. В программе концерта много немецкой музыки, мне она гораздо более по сердцу, чем французская или итальянская. Немецкая музыка богата глубокими мыслями, а мне как раз необходимо кое о чем поразмыслить.

Мы доехали подземкой до Олдерсгета, а оттуда прошли пешком до Сакс-Кобург-сквер, где совершились события, о которых нам рассказывали утром.

Сакс-Кобург-сквер – маленькая сонная площадь с жалкими потугами на аристократический стиль. Четыре ряда грязноватых двухэтажных кирпичных домов глядят окнами на крохотный садик, заросший сорной травой, среди которой несколько блеклых лавровых кустов ведут тяжкую борьбу с насыщенным копотью воздухом. Три позолоченных шара и коричневая вывеска на углу с надписью «Джабез Уилсон», выведенной белыми буквами, указывали, что здесь и находится контора нашего рыжего клиента.

Шерлок Холмс остановился перед дверью и, склонив голову набок, устремил на нее глаза, ярко блестевшие из-под полуприкрытых век. Затем он медленно прошелся по улице, внимательно вглядываясь в дома. Перед ссудной кассой он раза три с силой стукнул тростью по мостовой, затем подошел к двери и постучал. Дверь тотчас же распахнул расторопный, чисто выбритый молодой человек и попросил нас войти.

– Благодарю вас, – сказал Холмс. – Я хотел только спросить, как пройти отсюда на Стрэнд.

– Третий поворот направо, четвертый налево, – быстро ответил помощник мистера Уилсона и захлопнул дверь.

– Ловкий малый! – заметил Холмс, когда мы снова зашагали по улице. – Я считаю, что по ловкости он занимает четвертое место в Лондоне, а по храбрости, пожалуй, даже третье. Я о нем кое-что знаю.

– Видимо, – сказал я, – помощник мистера Уилсона играет какую-то роль в этом Союзе рыжих. Уверен, вы спросили у него дорогу лишь затем, чтобы взглянуть на него.

– Не на него.

– На что же?

– На его колени.

– И что вы увидели?

– То, что и ожидал.

– А зачем вы стучали по мостовой?

– Милейший доктор, сейчас надо наблюдать, а не разговаривать. Мы разведчики в неприятельском лагере. Нам удалось кое-что узнать о Сакс-Кобург-сквер. Теперь обследуем улицы, которые примыкают к ней с другой стороны.

Разница между Сакс-Кобург-сквер и тем, что мы увидели, когда свернули за угол, была столь же велика, как разница между картиной и ее оборотной стороной. За углом тянулась одна из главных артерий города, соединяющая Сити с севером и западом. Эта большая улица была вся забита экипажами, движущимися двумя встречными потоками, а на тротуарах чернели толпы спешащих пешеходов. Глядя на ряды роскошных магазинов и великолепных контор, трудно было представить себе, что позади этих самых домов находится убогая, безлюдная площадь.

– Позвольте мне осмотреться, – сказал Холмс, остановившись на углу и внимательно разглядывая каждый дом один за другим. – Я хочу запомнить, в каком порядке расположены здания. Изучение Лондона – моя страсть... Так-так, сначала табачный магазин Мортимера, затем газетная лавчонка, затем кобургское отделение Городского и Пригородного банка, за ним вегетарианский ресторан, затем каретное депо Мак-Фарлейна. А там уже следующий квартал... Ну, доктор, наша работа окончена! Теперь мы можем немного и поразвлечься: бутерброд, чашка кофе – и в страну скрипок, где все сладость, нега и гармония, где нет рыжих клиентов, досаждающих нам головоломками.

Мой друг страстно увлекался музыкой и был не только очень способным исполнителем, но и незаурядным композитором. Весь вечер просидел он в кресле, вполне счастливый, слегка двигая длинными тонкими пальцами в такт музыке; его мягко улыбающееся лицо, его влажные, затуманенные глаза ничем не напоминали о Холмсе-ищейке, о хитроумном, безжалостном Холмсе, готовом в любую минуту преследовать нарушителей закона. Удивительный характер этого человека слагался из двух начал. Мне часто приходило в голову, что его потрясающая проницательность родилась в борьбе с поэтической задумчивостью, составлявшей основную черту характера этого человека. Он постоянно переходил от полнейшей расслабленности к необычайной энергии, и я хорошо знал, что он никогда не бывает более твердым, чем в те дни, когда с бездумным спокойствием отдается своим импровизациям и нотам. Но внезапно охотничья страсть охватывала его, свойственная ему блистательная сила мышления возрастала до степени интуиции, и люди, незнакомые с его методом, начинали думать, что перед ними не человек, а какое-то сверхъестественное существо. Наблюдая за ним на концерте в Сент-Джеймс-Холле, я видел, с какой полнотой он отдается музыке, и понял, что тем, за кем он охотится, будет плохо.

– Вы, доктор, собираетесь, конечно, домой, – сказал он, когда концерт кончился.

– Домой, понятно.

– А мне предстоит еще одно дело, оно отнимет у меня часа три-четыре. Это происшествие на Кобург-сквер – серьезная штука.

– Серьезная?

– Там готовится крупное преступление. Правда, у меня есть основания думать, что мы успеем предотвратить его. Но все усложняется из-за того, что сегодня суббота. Кстати, вечером мне может понадобиться ваша помощь.

– В каком часу?

– Часов в десять, не раньше.

– Ровно в десять я буду на Бейкер-стрит.

– Отлично. Имейте в виду, доктор, дело будет опасное. Суньте себе в карман свой армейский револьвер.

Он помахал мне рукой, круто повернулся и мгновенно исчез в толпе.

Я не считаю себя глупее других, но, когда я имею дело с Шерлоком Холмсом, меня угнетает тяжелое сознание собственной тупости. Ведь вот я слышал то же самое, что слышал он, видел то же самое, что видел он, однако он знает, очевидно, не только что случилось, но и то, что должно случиться, тогда как мне все это дело по-прежнему представлялось непонятной нелепостью.

По дороге домой в Кенсингтон я снова припомнил и весь необычайный рассказ рыжего переписчика «Британской энциклопедии», и наше посещение Сакс-Кобург-сквер, и зловещие слова, которые Холмс сказал мне при прощании. Зачем эта ночная экспедиция и почему я должен прийти вооруженным? Куда мы поедem, что нам предстоит делать? Холмс, правда, намекнул, что помощник владельца ссудной кассы – опасная личность, способная на большие преступления. Но как я ни пытался разгадать эти загадки, ничего у меня не вышло, и я решил ждать ночи, которая должна была разъяснить мне все.

В четверть десятого я вышел из дому и, пройдя Гайд-парк и Оксфорд-стрит, очутился на Бейкер-стрит. У подъезда стояли два кеба, и, войдя в прихожую, я услышал наверху голоса. Я застал у Холмса двух человек, он оживленно разговаривал с ними. Одного из них я знал – это был Питер Джонс, агент полиции; другой был длинный, тощий, угрюмый мужчина в сверкающем цилиндре, в удручающе безукоризненном фраке.

– Вот мы и в сборе! – сказал Холмс, застегивая свою гороховую куртку и беря с полки охотничий хлыст с тяжелой рукоятью. – Уотсон, вы, кажется, знакомы с мистером Джонсом из Скотленд-Ярда? Позвольте представить вас мистеру Мерриуэзеру. Мистер Мерриуэзер примет участие в нашем ночном приключении.

– Как видите, доктор, мы с мистером Холмсом снова охотимся вместе, – сказал Джонс с обычным своим важным и снисходительным видом. – Никто так блестяще не начинает охоту, как он. Но для того чтобы затравить зверя, ему нужна помощь старого гончего пса.

– Боюсь, что мы подстрелим не зверя, а утку, – угрюмо сказал мистер Мерриуэзер.

– Можете положиться на мистера Холмса, сэр, – покровительственно проговорил агент полиции. – У него своя собственная методика, которая, позволю себе заметить, несколько отвлеченна и фантастична, но тем не менее дает неплохие результаты. Нужно признать, что бывали случаи, как, например, в деле об убийстве Шолто и истории с драгоценностями Агры, когда он оказывался прав, а полиция ошибалась.

– Раз это вы говорите, мистер Джонс, значит, так оно и есть, – уважительно произнес незнакомец. – И все ж, признаться, жаль, что мне сегодня придется лишиться обычного роббера. Это первый субботний вечер за двадцать семь лет, который я проведу без карт.

– В сегодняшней игре ставка покрупнее, чем в ваших карточных играх, – сказал Шерлок Холмс, – да и сама игра увлекательнее. Ставка, мистер Мерриуэзер, равна тридцати тысячам фунтов стерлингов. А ваша ставка, Джонс, – человек, которого вы давно хотите поймать.

– Да, Джон Клей, убийца, вор, взломщик, фальшивомонетчик, – сказал Джонс. – Он еще молод, мистер Мерриуэзер, но уже искуснейший преступник; ни на кого другого в Лондоне я не надел бы наручников с такой охотой, как на него. Исключительная личность этот юный Джон Клей. Его дед был герцог, сам он учился в Итоне и в Оксфорде. Мозг его так же изошрен,

как его пальцы, и, хотя мы на каждом шагу натыкаемся на его след, он до сих пор неуловим. На этой неделе он совершает кражу со взломом в Шотландии, а на следующей уже собирает деньги на постройку детского приюта в Корнуэлле. Я гоняюсь за ним уже несколько лет, а еще ни разу не видел его.

– Сегодня ночью я буду иметь удовольствие представить его вам. Мне тоже приходилось раза два наблюдать подвиги мистера Джона Клея, и я вполне согласен с вами, что это искуснейший вор в стране... Однако уже одиннадцатый час, пора двигаться в путь. Вы двое садитесь в первый кеб, а мы с Уотсоном поедem во втором.

Шерлок Холмс во время нашей долгой поездки был не слишком общителен: он сидел, откинувшись, и насвистывал мелодии, которые слышал сегодня на концерте. Мы колесили по бесконечному лабиринту освещенных газом улиц, пока наконец не добрались до Фаррингтон-стрит.

– Теперь мы совсем близко, – сказал мой приятель. – Этот Мерриуэзер – директор банка и лично заинтересован во всем деле. Джонс тоже нам пригодится. Он славный малый, хотя ничего не смыслит в своей профессии. Впрочем, у него есть одно несомненное достоинство: он отважен, как бульдог, и прилипчив, как рак. Если уж схватит кого-нибудь своей клешней, так не выпустит... Ну вот мы и приехали, они уже тут.

Мы остановились на той же людной и оживленной улице, где были утром. Расплатившись с извозчиками и следуя за мистером Мерриуэзером, мы вошли в какой-то узкий коридор и юркнули в боковую дверцу, которую он отпер. За дверцей оказался другой коридор, очень короткий, и в конце его массивные железные двери. Открыв их, мы спустились по каменным ступеням винтовой лестницы и подошли к еще одним дверям, столь же внушительным. Мистер Мерриуэзер остановился, зажег фонарь и повел нас по темному, пахнущему землей коридору. Миновав еще одну дверь, мы очутились в обширном подвале, заставленном корзинами и тяжелыми ящиками.

– Сверху проникнуть сюда не так-то просто, – заметил Холмс, подняв фонарь и оглядев потолок.

– Снизу тоже, – сказал мистер Мерриуэзер, стукнув тростью по плитам, которыми был выложен пол. – Черт побери, звук такой, будто там пустота! – воскликнул он с изумлением.

– Я вынужден просить вас не шуметь, – сердито сказал Холмс. – Из-за вас вся экспедиция может закончиться провалом. Будьте любезны, присядьте на какой-нибудь ящик и не мешайте.

Важный мистер Мерриуэзер с оскорбленным видом взгромоздился на корзину, а Холмс опустился на колени и с помощью фонаря и лупы принялся изучать щели между плитами. Через несколько секунд, очевидно удовлетворенный результатами своего исследования, он поднялся и спрятал лупу в карман.

– У нас впереди по крайней мере час, – заметил он. – Они вряд ли примутся за дело прежде, чем почтенный ростовщик заснет. Вот тогда они не станут терять ни минуты, потому что чем раньше они управятся, тем больше времени у них останется, чтобы скрыться... Мы находимся, доктор – как вы, без сомнения, уже догадались, – в хранилище городского отделения одного из богатейших лондонских банков. Мистер Мерриуэзер – председатель правления банка; он объяснит нам, почему наиболее дерзкие преступники именно в настоящее время с особым интересом приглядываются к этому хранилищу.

– Мы храним здесь наше французское золото, – шепотом сказал директор. – Нас уже не раз предупреждали, что будет совершена попытка похитить его.

– Ваше французское золото?

– Да. Несколько месяцев назад нам понадобились оборотные средства, и мы заняли тридцать тысяч наполеондоров у Французского банка. Впоследствии необходимость в средствах отпала, и стало известно, что нам даже не пришлось распаковать деньги, и они до сих пор лежат здесь. В корзине, на которой я сижу, – две тысячи наполеондоров, они переложены листами

фольги. Редко случается, чтобы в одном отделении хранилось такое количество золота, и директора, естественно, беспокоятся.

– У них есть все основания для беспокойства, – заметил Холмс. – Ну, нам пора приготовиться. Я полагаю, что в течение ближайшего часа все будет кончено. Придется, мистер Мериуэзер, прикрыть этот фонарь чем-нибудь темным...

– И сидеть в темноте?

– Боюсь, что так. Я захватил колоду карт, и, поскольку нас здесь четверо, мы могли бы сыграть один роббер. Но я вижу, что враг подготовился не на шутку, поэтому оставить свет было бы рискованно. Нам нужно занять свои места. Они люди дерзкие, и, хотя мы застанем их врасплох, они все же могут причинить нам немало неприятностей, если мы не будем осторожны. Я стану за этой корзиной, а вы спрячетесь за теми. Когда я направлю на грабителей луч света, хватайте их. Если они начнут стрельбу, Вотсон, стреляйте без колебания.

Я зарядил револьвер и положил его на крышку деревянного ящика, а сам притаился за ним. Холмс закрыл дверцу фонаря, и мы оказались в крошечной тьме. Правда, запах нагретого металла напоминал, что фонарь не погашен и что свет может вспыхнуть в любое мгновение. Нервы мои от ожидания были напряжены до предела, я был подавлен тьмой и холодной сыростью подполья.

– Для отступления у них только один путь – обратно, через дом, на Сакс-Кобург-сквер, – прошептал Холмс. – Надеюсь, вы сделали то, о чем я просил вас, Джонс?

– У парадного входа инспектор и два полисмана.

– Значит, мы заткнули все дыры. Теперь остается только молчать и ждать.

Как медленно тянулось время! Позже я узнал, что прошел всего час с четвертью, но тогда мне казалось, что ночь кончается и наверху рассветает. Я боялся шевельнуться, хотя ноги у меня затекли и ныли от боли, нервы были натянуты, а слух так обострился, что я отличал глубокие, приглушенные вздохи грузного Джонса от легкого, свистящего дыхания директора банка. Со своего места из-за ящика я мог видеть часть пола, и вдруг там, внизу, я заметил мерцание света.

Сначала это была слабая искра. Вскоре искра эта превратилась в желтую полосу. Потом в полу неслышно образовалась щель и в середине освещенного пространства появилась рука, белая, почти женственная, которая как будто пыталась нащупать какой-то предмет. С минуту эта рука, шевеля пальцами, торчала из пола. Затем она исчезла так же внезапно, как возникла, и все опять погрузилось во тьму; лишь через узенькую щель между плитами пробивался слабый свет.

Однако через мгновение одна из широких белых плит с резким скрипом перевернулась, и открылось квадратное отверстие, из которого хлынул свет фонаря. Оттуда выглянуло гладко выбритое юное лицо; неизвестный зорко осмотрелся по сторонам, потом оперся обеими руками о края отверстия и стал подтягиваться; сначала показались плечи, потом туловище, а вот он уже занес колено на пол. Через секунду незнакомец стоял во весь рост и помогал влезть своему товарищу, такому же маленькому и гибкому, с бледным лицом и с вихрами ярко-рыжих волос.

– Все в порядке, – прошептал он. – Зубило и мешки у тебя?... А, черт!.. Прыгай, Арчи, прыгай, я за себя постою.

Шерлок Холмс выскочил из-за укрытия и схватил его за шиворот. Второй вор юркнул в нору; Джонс пытался его задержать, но, видимо, безуспешно. Я слышал треск рвущейся материи. Блеснул ствол револьвера, но Холмс охотничьим хлыстом стегнул противника по руке, и револьвер со звоном упал на каменный пол.

– Бесполезно, Джон Клей, – сказал Холмс корректно. – Вы попались.

– Вижу, – ответил тот совершенно спокойно. – Но приятелю моему удалось ускользнуть, вы поймали только полу его пиджака.

– Три человека поджидают его за дверями, – сказал Холмс.

– Ах, вот как? Чисто сработано! Поздравляю вас.

– А я – вас. Ваша выдумка насчет рыжих вполне оригинальна и удачна.

– Сейчас увидите своего приятеля, – сказал Джонс. – Проворно он, однако, ныряет в норы, не то что я. А теперь я надену на вас наручники.

– Уберите свои грязные руки, пожалуйста! Не трогайте меня! – сказал ему наш пленник после того, как ему надели наручники. – Вам, может быть, неизвестно, что во мне течет королевская кровь. Будьте любезны называть меня «сэр» и говорить «пожалуйста».

– Отлично, – сказал Джонс, усмехаясь. – Пожалуйста, сэр, поднимитесь вверх и соблаговолите сесть в кеб, который отвезет вашу светлость в полицию.

– Вот так-то лучше, – спокойно сказал Джон Клей.

Величаво кивнув нам головой, он безмятежно удалился под охраной сыщика.

– Мистер Холмс, – сказал Мерриуэзер, выводя нас из хранилища, – я, право, не знаю, как наш банк мог бы отблагодарить вас за эту услугу. Вам удалось предотвратить крупнейшее, насколько я знаю, ограбление банка.

– У меня были свои собственные счета с мистером Джоном Клеем, – сказал Холмс. – На сегодняшнем деле я понес небольшие расходы, и банк, безусловно, возместит их мне. Что до остального, то я уже вознагражден тем, что испытал единственное в своем роде приключение и услышал замечательную повесть о Союзе рыжих...

– Видите ли, Уотсон, – начал Шерлок Холмс, когда мы сидели с ним утром на Бейкер-стрит за стаканом виски с содовой, – мне с самого начала было ясно, что единственная цель этого фантастического объявления о Союзе рыжих и переписывания «Британской энциклопедии» – ежедневно удалять из дому на несколько часов не слишком умного владельца ссудной кассы. Способ, который они выбрали, конечно, курьезен, однако благодаря этому способу они добились своего. Весь план, без сомнения, подсказан вдохновенному воображению Клея цветом волос его сообщника. Четыре фунта в неделю – хорошая приманка для Уилсона, а что значат четыре фунта для них, если они рассчитывали заполучить тысячи! Они поместили в газете объявление, один мошенник снял временно контору, другой мошенник уговорил своего хозяина пойти туда, и оба получили возможность каждое утро пользоваться его отсутствием. Как только я услышал, что помощник довольствуется половинным жалованьем, я понял, что для этого есть основательные причины.

– Но как же вы отгадали их замысел?

– Будь в доме женщины, я заподозрил бы обыкновенную интрижку. Но женщины нет, и это предположение отпадает. Предприятие нашего рыжего клиента – ничтожное, да и в квартире у него нет ничего такого, ради чего стоило бы затевать столь сложную игру. Следовательно, они имели в виду нечто находящееся вне дома. Но что? И тут я вспомнил о том, что помощник занимается фотографией и постоянно ныряет в погреб. Погреб! Вот и ключ к этой запутанной истории. Я навел справки об этом человеке и понял, что имею дело с самым хладнокровным и дерзким преступником в Лондоне. Итак, он что-то делал в погребе, что-то очень сложное, ведь ему приходилось работать там по несколько часов в день в течение двух месяцев. Что же он делал? Только одно: рыл подкоп в другое здание. Вот к каким выводам я пришел, когда мы отправились познакомиться с ситуацией на месте. Вы очень удивились, когда я постучал тростью по мостовой. А между тем я хотел узнать, куда прокладывается подкоп – перед домом или на задворках. Впереди его не было. Тогда я позвонил в лавку. Как и следовало ожидать, дверь открыл помощник. У нас с ним и прежде бывали кое-какие стычки, но мы никогда не видали друг друга в лицо. Да и на этот раз я не смотрел ему в лицо. Я хотел видеть его брюки. Вы могли бы и сами заметить, как они у него были грязны, помяты и протерты в коленях. Это свидетельствовало о том, что он долгие часы копал землю. Оставалось выяснить,

куда вел подкоп. Я свернул за угол, увидел вывеску Городского и Пригородного банка и понял, что задача решена. Когда после концерта вы отправились домой, я поехал в Скотленд-Ярд, а оттуда к председателю правления банка. Результаты вам известны.

– А как вы узнали, что они попытаются совершить ограбление именно этой ночью? – спросил я.

– Когда они закрыли контору Союза рыжих. Это означало, что их больше не заботит, дома мистер Джабез Уилсон или нет, – другими словами, подкоп был готов. Очевидно, что они не хотели терять времени, так как, во-первых, подкоп могли обнаружить, а во-вторых, золото могло быть перевезено в другое место. Самым удобным днем оказалась суббота, потому что до понедельника золота никто бы не хватился и они имели лишние сутки, чтобы скрыться. Так я и пришел к выводу, что попытка ограбления будет совершена ближайшей ночью.

– Ваши рассуждения безукоризненны! – воскликнул я с непритворным восхищением. – Такая длинная цепь обстоятельств, и каждое звено безупречно.

– Этот случай спас меня от угнетающей скуки, – проговорил Шерлок Холмс, зевая. – Увы, я чувствую, что скука снова начинает одолевать меня! Вся моя жизнь – сплошное усилие избежать тоскливого однообразия будней. Маленькие загадки, которые я порой разгадываю, помогают мне в этом.

– Вы истинный благодетель человечества, – сказал я.

Холмс пожал плечами:

– Пожалуй, я действительно приношу кое-какую пользу. «L’homme c’est rien – l’oeuvre c’est tout» ⁷, – как выразился Гюстав Флобер в письме к Жорж Санд.

⁷ «Человек – ничто, произведение – все» (фр.).

Установление личности ⁸

– Мой дорогой друг, жизнь несравненно причудливее, чем все, что способно создать воображение человеческое, – сказал Шерлок Холмс, когда мы с ним сидели у камина в его квартире на Бейкер-стрит. – Нам и в голову не пришли бы многие вещи, которые в действительности представляют собой нечто совершенно банальное. Если бы мы с вами могли, взявшись за руки, вылететь из окна и, витая над этим огромным городом, приподнять крыши и заглянуть внутрь домов, то по сравнению с открывшимися нам необычайными совпадениями, замыслами, недоразумениями, непостижимыми событиями, которые, прокладывая себе путь сквозь многие поколения, приводят к совершенно невероятным результатам, вся изящная словесность с ее условностями и заранее предрешенными развязками показалась бы нам плоской и тривиальной.

– И все же вы меня не убедили, – отвечал я. – Дела, о которых мы читаем в газетах, как правило, представлены в достаточно откровенном и грубом виде. Натурализм в полицейских отчетах доведен до крайних пределов, но это отнюдь не значит, что они хоть сколько-нибудь привлекательны или художественны.

– Для того чтобы добиться подлинно реалистического эффекта, необходим тщательный отбор, известная сдержанность, – заметил Холмс. – А этого как раз и не хватает в полицейских отчетах, где гораздо больше места отводится пошлым сентенциям мирового судьи, нежели подробностям, в которых для внимательного наблюдателя и содержится существо дела. Поверьте, нет ничего более неестественного, чем банальность.

Я улыбнулся и покачал головой:

– Понятно, почему вы так думаете. Разумеется, находясь в положении неофициального консультанта и помощника вконец запутавшихся в своих делах обитателей трех континентов, вы постоянно имеете дело со всевозможными странными и фантастическими явлениями. Но давайте устроим практическое испытание, посмотрим, например, что написано здесь, – сказал я, поднимая с пола утреннюю газету. – Возьмем первый попавшийся заголовок: «Жестокое обращение мужа с женой». Далее следует полстолбца текста, но я и не читая уверен, что все это хорошо знакомо. Здесь, без сомнения, фигурирует другая женщина, пьянство, колотушки, синяки, полная сочувствия сестра или квартирная хозяйка. Даже бульварный писака не смог бы придумать ничего грубее.

– Боюсь, что ваш пример неудачен, как и вся ваша аргументация, – сказал Холмс, заглядывая в газету. – Это – дело о разводе Дандеса, и случилось так, что я занимался выяснением некоторых мелких обстоятельств, связанных с ним. Муж был трезвенником, никакой другой женщины не было, а жалоба заключалась в том, что он взял привычку после еды вынимать искусственную челюсть и швырять ею в жену, что, согласитесь, едва ли придет в голову среднему новеллисту. Возьмите понюшку табаку, доктор, и признайтесь, что я положил вас на обе лопатки с вашим примером.

Он протянул мне старинную золотую табакерку с большим аметистом на крышке. Великолепие этой вещицы настолько не вязалось с простыми и скромными привычками моего друга, что я не мог удержаться от замечания по этому поводу.

– Да, я совсем забыл, что мы с вами уже несколько недель не виделись, – сказал он. – Это небольшой сувенир от короля Богемии в благодарность за мою помощь в деле с письмами Ирен Адлер.

– А кольцо? – спросил я, взглянув на великолепный бриллиант, блестевший у него на пальце.

⁸ © Перевод. Н. Войтинская, наследники, 2009.

– Подарок голландской королевской фамилии; но это дело настолько деликатное, что я не имею права довериться даже вам, хотя вы любезно взяли на себя труд описать некоторые из моих скромных достижений.

– А сейчас у вас есть на руках какие-нибудь дела? – с интересом спросил я.

– Штук десять-двенадцать, но ни одного интересного. То есть все они по-своему важные, но для меня интереса не представляют. Видите ли, я обнаружил, что именно незначительные дела дают простор для наблюдений, для тонкого анализа причин и следствий, которые единственно и составляют всю прелесть расследования. Крупные преступления, как правило, очень просты, ибо мотивы серьезных преступлений большей частью очевидны. А среди этих дел ничего интересного нет, если не считать одной весьма запутанной истории, происшедшей в Марселе. Не исключено, однако, что не пройдет и нескольких минут, как у меня будет дело позанятнее, ибо, мне кажется, я вижу одну из моих клиенток.

Говоря это, он встал с кресла и, подойдя к окну, смотрел на тихую, серую лондонскую улицу. Взглянув через его плечо, я увидел на противоположной стороне крупную женщину в тяжелом меховом боа, с большим мохнатым красным пером на кокетливо сдвинутой набок широкополой шляпе. Из-под этих пышных доспехов она нерешительно поглядывала на наши окна, то и дело порываясь вперед и нервно теребя застёжку перчатки.

Внезапно, как пловец, бросающийся в воду, она кинулась через улицу, и мы услышали резкий звонок.

– Знакомые симптомы, – сказал Холмс, швыряя в камин окурки. – Нерешительность у дверей всегда свидетельствует о сердечных делах. Она хочет попросить совета, но боится: дело, очевидно, слишком щекотливое. Но и здесь бывают разные оттенки. Если женщину глубоко оскорбили, она уже не колеблется и, как правило, обрывает звонок. В данном случае тоже можно предположить любовную историю, однако эта девица не столько рассержена, сколько встревожена или огорчена. А вот и она. Сейчас все наши сомнения будут разрешены.

В эту минуту в дверь постучали, и мальчик в форменной куртке с пуговицами доложил о прибытии мисс Мэри Сазерлэнд, между тем как сама эта дама возвышалась позади его маленькой черной фигурки, словно торговый корабль в полной оснастке, идущий вслед за крохотным лодманским ботом. Шерлок Холмс приветствовал гостью с присущей ему непринужденной учтивостью, затем закрыл дверь и, усадив ее в кресло, оглядел пристальным и вместе с тем характерным для него рассеянным взглядом.

– Вы не находите, – сказал он, – что при вашей близорукости утомительно так много писать на машинке?

– Вначале я уставала, но теперь печатаю слепым методом, – ответила она. Затем, вдруг вникнув в смысл его слов, она вздрогнула и со страхом взглянула на Холмса. На ее широком добродушном лице выразилось крайнее изумление. – Вы меня знаете, мистер Холмс?! – воскликнула она. – Иначе откуда вам все это известно?

– Не важно, – засмеялся Холмс. – Все знать – моя профессия. Быть может, я приучился видеть то, чего другие не замечают. В противном случае зачем вам было бы приходить ко мне за советом?

– Я пришла потому, что слышала о вас от миссис Этеридж, мужа которой вы так быстро отыскивали, когда все, и даже полиция, считали его погибшим. О, мистер Холмс, если бы вы так же помогли и мне! Я не богата, но все же имею ренту в сто фунтов в год и, кроме того, зарабатываю перепиской на машинке, и я готова отдать все, только бы узнать, что случилось с мистером Госмером Эйнджелом.

– Почему вы так торопились бежать ко мне за советом? – спросил Шерлок Холмс, сложив кончики пальцев и глядя в потолок.

На простоватой физиономии мисс Мэри Сазерлэнд снова появился испуг.

– Да, я действительно прямо-таки вылетела из дома, – сказала она. – Меня разозлило равнодушие, с каким мистер Уиндибенк, то есть мой отец, отнесся к этому делу. Он не хотел идти ни в полицию, ни к вам, ничего не желает делать, только знает твердить, что ничего страшного не случилось, вот я и не вытерпела, кое-как оделась и прямо к вам.

– Ваш отец? – спросил Холмс. – Скорее, ваш отчим. Ведь у вас разные фамилии.

– Да, отчим. Я называю его отцом, хотя это смешно – он всего на пять лет и два месяца старше меня.

– А ваша матушка жива?

– О да, мама жива и здорова. Не очень-то я была довольна, когда она вышла замуж, и так скоро после смерти папы, причем он лет на пятнадцать ее моложе. У папы была паяльная мастерская на Тоттенхем-Корт-роуд – прибыльное дельце, и мама продолжала вести его с помощью старшего мастера мистера Харди. Но мистер Уиндибенк заставил ее продать мастерскую: ему, видите ли, не к лицу – он коммивояжер по продаже вин. Они получили четыре тысячи семьсот фунтов вместе с процентами, хотя отец, будь он в живых, выручил бы гораздо больше.

Я думал, что Шерлоку Холмсу надоест этот бессвязный рассказ, но он, напротив, слушал с величайшим вниманием.

– И ваш личный доход идет с этой суммы? – спросил он.

– О нет, сэр! У меня свое состояние, мне оставил наследство дядя Нэд из Окленда. Капитал в новозеландских бумагах, четыре с половиной процента годовых. Всего две с половиной тысячи фунтов, но я могу получать только проценты.

– Все это очень интересно, – сказал Холмс. – Получая сто фунтов в год и прирабатывая сверх того, вы, конечно, имеете возможность путешествовать и позволять себе другие развлечения. Я считаю, что на доход в шестьдесят фунтов одинокая дама может жить вполне безбедно.

– Я могла бы обойтись меньшим, мистер Холмс, но вы ведь сами понимаете, что я не хочу быть обузой дома и, пока живу с ними, отдаю деньги в семью. Разумеется, это только временно. Мистер Уиндибенк каждый квартал получает мои проценты и отдает их маме, а я отлично живу перепиской на машинке. Два пенса за страницу, и частенько мне удается писать по пятнадцать – двадцать страниц в день.

– Вы очень ясно обрисовали мне все обстоятельства, – сказал Холмс. – Позвольте представить вам моего друга, доктора Уотсона; при нем вы можете говорить откровенно, как наедине со мной. А теперь, будьте любезны, расскажите подробно о ваших отношениях с мистером Госмером Эйнджелом.

Мисс Сазерлэнд покраснела и стала нервно тереть край своего жакета.

– Я познакомилась с ним на балу газопроводчиков. Папе всегда присылали билеты, а теперь они вспомнили о нас и прислали билеты маме. Мистер Уиндибенк не хотел, чтобы мы шли на бал. Он не хочет, чтобы мы где-нибудь бывали. А когда я завожу речь о каком-нибудь пикнике воскресной школы, он приходит в бешенство. Но на этот раз я решила пойти во что бы то ни стало, потому что какое он имеет право не пускать меня? Незачем водить компанию с подобными людьми, говорит он, а ведь там собираются все папины друзья. И еще он сказал, будто мне не в чем идти, когда у меня есть совсем еще не надетое красное бархатное платье. Больше возражать ему было нечего, и он уехал во Францию по делам фирмы, а мы с мамой и мистером Харди, нашим бывшим мастером, пошли на бал. Там я и познакомилась с мистером Госмером Эйнджелом.

– Полагаю, что, вернувшись из Франции, мистер Уиндибенк был очень недоволен тем, что вы пошли на бал? – спросил Холмс.

– Нет, он ничуть не рассердился. Он засмеялся, пожал плечами и сказал: «Что женщине ни запрети, она все равно сделает по-своему».

– Понимаю. Значит, на балу газопроводчиков вы и познакомились с джентльменом по имени Госмер Эйнджел?

– Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он пришел справиться, благополучно ли мы добрались до дому, и после этого мы, то есть я два раза была с ним на прогулке, а затем вернулся отец, и мистер Госмер Эйнджел уже не мог нас навещать.

– Не мог? Почему?

– Видите ли, отец не любит гостей и вечно твердит, что женщина должна довольствоваться своим семейным кругом. А я на это говорила маме: «Да, женщина должна иметь свой собственный круг, но у меня-то его пока что нет!»

– Ну а мистер Госмер Эйнджел? Он не делал попыток с вами увидеться?

– Через неделю отец снова собирался во Францию, и Госмер написал мне, что до отъезда отца нам лучше не встречаться. Он предложил мне пока переписываться и писал каждый день. Утром я сама брала письма из ящика, и отец ничего не знал.

– К тому времени вы уже обручились с этим джентльменом?

– Да, мистер Холмс. Мы обручились сразу после первой же прогулки. Госмер... мистер Эйнджел... служит кассиром в конторе на Леднхолл-стрит и...

– В какой конторе?

– В том-то и беда, мистер Холмс, что я не знаю.

– А где он живет?

– Он сказал, что ночует в конторе.

– И вы не знаете его адреса?

– Нет, я знаю только, что контора на Леднхолл-стрит.

– Куда же вы адресовали ваши письма?

– В почтовое отделение Леднхолл-стрит, до востребования. Он сказал, что на адрес конторы писать не надо, сослуживцы будут смеяться над ним, если узнают, что письма от дамы. Тогда я предложила писать свои письма на машинке, как он и сам делал, а он не захотел. Сказал, что письма, написанные моей собственной рукой, дороги ему, а когда они напечатаны, ему кажется, что между нами что-то чужое. Видите, мистер Холмс, как он меня любил и как был внимателен к мелочам.

– Это кое о чем говорит. Я всегда придерживался мнения, что мелочи существеннее всего, – сказал Холмс. – Может быть, вы припомните еще какие-нибудь мелочи, касающиеся мистера Госмера Эйнджела?

– Он был очень застенчив, мистер Холмс. Он охотнее гулял со мной вечером, чем днем, не любил привлекать к себе внимание. Он был очень сдержан и учтив. Даже голос у него был тихий-тихий. Он рассказывал, что в детстве часто болел ангиной и воспалением гланд и у него ослабли голосовые связки, потому он и говорит шепотом. Он хорошо одевался, очень аккуратно, хотя и просто, а вот глаза у него были слабые, как у меня, и поэтому он носил темные очки.

– Ну а что произошло, когда ваш отчим, мистер Уиндибенк, опять уехал во Францию?

– Мистер Госмер Эйнджел пришел к нам и предложил мне обвенчаться, пока не вернулся отец. Он был необычайно взволнован и заставил меня поклясться на Библии, что я всегда и во всем буду ему верна. Мама сказала, что он правильно сделал, – это, мол, служит доказательством его любви. Мама с самого начала очень хорошо к нему относилась, он ей нравился даже больше, чем мне. Потом решили, что лучше отпраздновать свадьбу еще до конца недели. Я им говорю, как же без отца, а они оба стали твердить, чтоб я об этом не думала, что отцу можно сообщить и после, а мама сказала, что берется все уладить сама. Мне это не очень понравилось, мистер Холмс. Конечно, смешно просить согласия отца, когда он всего на несколько лет старше меня; но я ничего не хотела делать тайком и поэтому написала ему в Бордо – там французское отделение его фирмы, – но письмо вернулось обратно в день моей свадьбы.

– Письмо его не застало?

– Да, сэр, он как раз перед тем выехал в Англию.

– Да, неудачно! Значит, свадьба была назначена на пятницу? Она должна была происходить в церкви?

– Да, но очень скромно. Мы должны были обвенчаться в церкви Святого Спасителя возле Кингс-Кросс, а затем позавтракать в отеле «Сент-Пэнкрес». Госмер приехал за нами в двухколке, но так как нас было трое, он усадил нас с мамой, а сам взял кеб, который как раз оказался на улице. Мы доехали до церкви первыми и стали ждать. Потом подъехал кеб, но он не выходил. Тогда кучер слез с козел и заглянул внутрь, но там никого не оказалось! Кучер не мог понять, куда он делся, – он собственными глазами видел, как тот сел в кеб. Это случилось в пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я так и не знаю, что с ним произошло.

– Мне кажется, он обошелся с вами самым бессовестным образом, – сказал Шерлок Холмс.

– О нет, сэр! Он добрый и хороший, он не мог меня бросить. Он все утро твердил, что я должна быть ему верна, что бы ни случилось. Даже если случится что-нибудь непредвиденное, я должна всегда помнить, что дала ему слово и что рано или поздно он вернется и я должна буду выполнить обещание. Как-то странно было слышать это перед самой свадьбой, но то, что случилось потом, придает смысл его словам.

– Безусловно. Значит, вы полагаете, что с ним случилось какое-нибудь несчастье?

– Да, сэр, и я думаю, что он предчувствовал какую-то опасность, иначе он бы не говорил таких странных вещей. И мне кажется, что его опасения оправдались.

– Но вы не знаете, что бы это могло быть?

– Нет.

– Еще один вопрос. Как отнеслась к этому ваша матушка?

– Она очень рассердилась, сказала, чтобы я и не заикалась об этой истории.

– А ваш отец? Вы рассказали ему, что случилось?

– Да. Он считает, что произошло какое-то несчастье, но что Госмер вернется. Какой смысл везти меня в церковь и скрыться, говорит он. Если бы он занял у меня деньги или женился и перевел на свое имя мое состояние, тогда можно было бы объяснить его поведение, но Госмер очень щепетилен насчет денег и ни разу не взял у меня ни шиллинга. Что могло случиться? Почему он не напишет? Я с ума схожу, ночью не могу уснуть. – Она достала из муфты платок и горько заплакала.

– Я займусь вашим делом, – сказал Холмс, вставая, – и не сомневаюсь, что мы чего-нибудь добьемся. Не думайте ни о чем, не волнуйтесь, а главное, постарайтесь забыть о Госмере Эйнджеле, как будто его и не было.

– Значит, я никогда больше его не увижу?

– Боюсь, что так.

– Но что с ним случилось?

– Предоставьте это дело мне. Мне хотелось бы иметь точное описание его внешности, а также все его письма.

– В субботу я поместила в газете «Кроникл» объявление о его исчезновении, – сказала она. – Вот вырезка и вот четыре его письма.

– Благодарю вас. Ваш адрес?

– Кэмберуэлл, Лайон-плейс, 31.

– Адреса мистера Эйнджела вы не знаете. Где служит ваш отец?

– Фирма «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит – это крупнейшие импортеры кларета.

– Благодарю вас. Вы очень ясно изложили свое дело. Оставьте письма у меня и помните мой совет. Забудьте об этом происшествии раз и навсегда.

– Благодарю вас, мистер Холмс, но это невозможно. Я останусь верна Госмеру. Я буду его ждать.

Несмотря на нелепую шляпу и простоватую физиономию, посетительница невольно внушала уважение своим благородством и верностью. Она положила на стол бумаги и ушла, обещав прийти в случае надобности.

Несколько минут Шерлок Холмс сидел молча, сложив кончики пальцев, вытянув ноги и устремив глаза в потолок. Затем он взял с полки старую глиняную трубку, которая всегда служила ему советчиком, раскурил ее и долго сидел, откинувшись на спинку кресла и утопая в густых облаках голубого дыма. На лице его изображалось полнейшее равнодушие.

– Занятое существо эта девица, – сказал он наконец. – Гораздо занятнее, чем ее история, кстати, достаточно избитая. Если вы заглянете в мою картотеку, вы найдете немало аналогичных случаев, например Андоверское дело 1877 года. Нечто подобное произошло и в Гааге в прошлом году. В общем, старая история, хотя в ней имеются некоторые новые детали. Однако сама девица дает богатейший материал для наблюдений.

– Вы, очевидно, усмотрели много такого, что для меня осталось невидимым, – заметил я.

– Не невидимым, а незамеченным, Уотсон. Вы не знали, на что обращать внимание, и упустили все существенное. Я никак не могу внушить вам, какое значение могут иметь рукав, ноготь на большом пальце или шнурок от ботинок. Интересно, что вы можете сказать на основании внешности этой девицы? Опишите мне ее.

– Ну, на ней была серо-голубая соломенная шляпа с большими полями и с кирпично-красным пером. Черный жакет с отделкой из черного стекляруса. Платье коричневое, скорее даже темно-кофейного оттенка, с полоской алого бархата у шеи и на рукавах. Серые перчатки, протертые на указательном пальце правой руки. Ботинок я не разглядел. В ушах золотые сережки в виде маленьких круглых подвесок. В общем, это девица вполне состоятельная, хотя и несколько вульгарная, добродушная и беспечная.

Шерлок Холмс тихонько захлопал в ладоши и усмехнулся.

– Превосходно, Уотсон, вы делаете успехи. Правда, вы упустили все существенные детали, зато хорошо усвоили метод и у вас тонкое чувство цвета. Никогда не полагайтесь на общее впечатление, друг мой, сосредоточьте внимание на мелочах. Я всегда сначала смотрю на рукава женщины. Когда имеешь дело с мужчиной, пожалуй, лучше начинать с колен брюк. Как вы заметили, у этой девицы рукава были обшиты бархатом, а это материал, который легко протирается и поэтому хорошо сохраняет следы. Двойная линия немного выше запястья, в том месте, где машинистка касается рукой стола, видна великолепно. Ручная швейная машина оставляет такой же след, но только на левой руке, и притом на наружной стороне запястья, а у мисс Сазерлэнд след проходил через все запястье. Затем я посмотрел на ее лицо и, увидев на переносице следы пенсне, сделал замечание насчет близорукости и работы на пишущей машинке, что ее очень удивило.

– Меня это тоже удивило.

– Но это же совершенно очевидно! Я посмотрел на ее обувь и очень удивился, заметив, что на ней разные ботинки; на одном носок был узорчатый, на другом – совсем гладкий. Далее, один ботинок был застегнут только на две нижние пуговицы из пяти, другой – на первую, третью и пятую пуговицы. Когда молодая девушка, в общем аккуратно одетая, выходит из дому в разных, застегнутых не на все пуговицы ботинках, то не требуется особой проницательности, чтобы сказать, что она очень спешила.

– А что вы еще заметили? – с интересом спросил я, как всегда восхищаясь проницательностью моего друга.

– Я заметил, между прочим, что перед уходом из дому, уже совсем одетая, она что-то писала. Вы обратили внимание, что правая перчатка у нее порвана на указательном пальце, но не разглядели, что и перчатка и палец испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала

второпях и слишком глубоко обмакнула перо. И это, по всей вероятности, было сегодня утром, иначе пятна не были бы так заметны. Все это очень любопытно, хотя довольно элементарно. Но вернемся к делу, Уотсон. Не прочтете ли вы мне описание внешности мистера Госмера Эйнджела, данное в объявлении?

Я поднес газетную вырезку к свету и прочитал: «Пропал без вести утром 14-го джентльмен по имени Госмер Эйнджел. Рост – пять футов семь дюймов, крепкого сложения, смуглый, черноволосый, небольшая лысина на макушке; густые черные бакенбарды и усы; темные очки, легкий дефект речи. Одет в черный сюртук на шелковой подкладке, черный жилет, в кармане часы с золотой цепочкой, серые твидовые брюки, коричневые гетры поверх штиблет с резинками по бокам. Служил в конторе на Леднхолл-стрит. Всякому, кто сообщит...» и так далее и тому подобное.

– Этого достаточно. Что касается писем, – сказал Холмс, пробегая их глазами, – они очень банальны и ничего не дают для характеристики мистера Эйнджела, разве только что он упоминает Бальзака. Однако есть одно обстоятельство, которое вас, конечно, поразит.

– Они напечатаны на машинке, – заметил я.

– Главное, что и подпись тоже напечатана на машинке. Посмотрите на аккуратненькое «Госмер Эйнджел» внизу. Есть дата, но нет адреса отправителя, кроме Леднхолл-стрит, а это весьма неопределенно. Но важна именно подпись, и ее мы можем считать доказательством.

– Доказательством чего?

– Милый друг, неужели вы не понимаете, какое значение имеет эта подпись?

– По правде говоря, нет. Может быть, он хотел оставить за собой возможность отрицать подлинность подписи в случае предъявления иска за нарушение обещания жениться.

– Нет, суть не в том. Чтобы решить этот вопрос, я напишу два письма: одно – фирме в Сити, другое – отчиму молодой девушки, мистеру Уиндибенку, и попрошу его зайти к нам завтра в шесть часов вечера. Попробуем вести переговоры с мужской частью семейства. Пока мы не получим ответа на эти письма, мы решительно ничего не можем предпринять и потому отложим это дело.

Зная о тонкой проницательности моего друга и о его необычайной энергии, я был уверен, что раз он так спокойно относится к раскрытию этой странной тайны, значит, у него есть на то веские основания. Мне был известен только один случай, когда он потерпел неудачу, – история с королем Богемии и с фотографией Ирен Адлер. Однако я помнил о таинственном «Знаке четырех» и о необыкновенных обстоятельствах «Этюда в багровых тонах» и давно проникся убеждением, что уж если он не сможет распутать какую-нибудь загадку, стало быть, она совершенно неразрешима.

Холмс все еще курил свою черную глиняную трубку, когда я ушел, нисколько не сомневаясь, что к моему возвращению на следующий вечер в его руках уже будут все нити дела об исчезновении жениха мисс Мэри Сазерлэнд.

Назавтра я целый день провел у постели тяжело больного пациента. Только около шести часов я наконец освободился, вскочил в двуколку и поехал на Бейкер-стрит, боясь, как бы не опоздать к развязке этой маленькой драмы. Однако Холмса я застал дремлющим в кресле. Огромное количество бутылок, пробирок и едкий запах соляной кислоты свидетельствовали о том, что он посвятил весь день столь любезным его сердцу химическим опытам.

– Ну что, нашли, в чем дело? – спросил я, входя в комнату.

– Да, это был бисульфат бария.

– Нет-нет, я спрашиваю об этой таинственной истории.

– Ах вот оно что! Я думал о соли, над которой работал. А в этой истории ничего таинственного нет. Впрочем, я уже вчера говорил, что некоторые детали довольно любопытны. Жаль только, что этого мерзавца нельзя привлечь к суду.

– Но кто же этот субъект и зачем он покинул мисс Сазерлэнд?

Холмс раскрыл было рот, чтобы ответить, но в эту минуту в коридоре послышались тяжелые шаги и в дверь постучали.

– Это отчим девицы, мистер Джеймс Уиндибенк, – сказал Холмс. – Он сообщил мне, что будет в шесть часов. Войдите!

Вошел человек лет тридцати, среднего роста, плотный, бритый, смуглый, с вежливыми вкрадчивыми манерами и необычайно острым, пронизательным взглядом серых глаз. Он вопросительно посмотрел на Холмса, затем на меня, положил свой цилиндр на буфет и с легким поклоном уселся на ближайший стул.

– Добрый вечер, мистер Джеймс Уиндибенк, – сказал Холмс. – Полагаю, что это письмо на машинке, в котором вы обещаете прийти ко мне в шесть часов вечера, написано вами?

– Да, сэр. Простите, я немного запоздал, но, видите ли, я не всегда располагаю своим временем. Мне очень жаль, что мисс Сазерлэнд побеспокоила вас этим дельцем: по-моему, лучше не посвящать посторонних в семейные неприятности. Я решительно возражал против ее намерения обратиться к вам, но вы, наверное, заметили, какая она нервная и импульсивная, и, уж если она что-нибудь задумала, переубедить ее нелегко. Разумеется, я ничего не имею против вас лично, поскольку вы не связаны с государственной полицией; но все-таки неприятно, когда семейное горе становится общим достоянием. Кроме того, зачем понапрасну тратить деньги? Вы все равно не разыщете этого Госмера Эйнджела.

– Напротив, – спокойно возразил Холмс, – я имею все основания полагать, что мне удастся найти мистера Госмера Эйнджела.

Мистер Уиндибенк вздрогнул и уронил перчатку.

– Очень рад это слышать, – сказал он.

– Обратили ли вы внимание, что любая пишущая машинка обладает индивидуальными чертами в такой же мере, как почерк человека? – сказал Холмс. – Если исключить совершенно новые машинки, то не найти и двух, которые печатали бы абсолютно одинаково. Одни буквы изнашиваются сильнее других, некоторые буквы изнашиваются только с одной стороны. Заметьте, например, мистер Уиндибенк, что в вашей записке буква «е» расплывчата, а у буквы «г» нет хвостика. Есть еще четырнадцать характерных примет, но эти просто бросаются в глаза.

– В нашей конторе на этой машинке пишутся все письма, и шрифт, без сомнения, немного стерся, – ответил наш посетитель, устремив на Холмса пронизательный взгляд.

– А теперь, мистер Уиндибенк, я покажу вам нечто особенно интересное, – продолжал Холмс. – Я собираюсь в ближайшее время написать небольшую работу на тему «Пишущие машинки и преступления». Этот вопрос интересует меня уже давно. Вот четыре письма, написанные пропавшим. Все они отпечатаны на машинке. Посмотрите: в них все «е» расплываются и у всех «г» нет хвостиков, а если воспользоваться моей лупой, можно также обнаружить и остальные четырнадцать признаков, о которых я упоминал.

Мистер Уиндибенк вскочил со стула и взял свою шляпу.

– Я не могу тратить время на нелепую болтовню, мистер Холмс, – сказал он. – Если вы сможете задержать этого человека, схватите его и известите меня.

– Разумеется, – сказал Холмс, подходя к двери и поворачивая ключ в замке. – В таком случае извещаю вас, что я его задержал.

– Как! Где? – вскричал Уиндибенк, смертельно побледнев и озираясь, как крыса, попавшая в крысоловку.

– Не стоит, право же, не стоит, – учтиво проговорил Холмс. – Вам теперь никак не отвертеться, мистер Уиндибенк. Все это слишком ясно, и вы сделали мне прескверный комплимент, сказав, что я не смогу решить такую простую задачу. Садитесь, и давайте потолкуем.

Наш посетитель упал на стул. Лицо его исказилось, на лбу выступил пот.

– Это... это – неподсудное дело, – пробормотал он.

– Боюсь, что вы правы, но, между нами говоря, Уиндибенк, с таким жестоким, эгоистичным и бессердечным мошенничеством я еще не сталкивался. Я сейчас попробую рассказать, как развивались события, а если я в чем-нибудь ошибусь, вы меня поправите.

Уиндибенк сидел съездившись, низко опустив голову. Он был совершенно уничтожен. Холмс положил ноги на решетку камина, откинулся назад и, заложив руки в карманы, начал рассказывать скорее себе самому, чем нам:

– Человек женится на женщине много старше его самого, позарившись на ее деньги; он пользуется также доходом своей падчерицы, поскольку она живет с ними. Для людей их круга это весьма солидная сумма, и потерять ее – ощутимый удар. Ради таких денег стоит потрудиться. Падчерица мила, добродушна, но сердце ее жаждет любви, и совершенно очевидно, что при ее приятной наружности и порядочном доходе она недолго останется в девицах. Замужество ее, однако, означает потерю годового дохода в сто фунтов. Что же делает отчим, дабы это предотвратить? Он требует, чтобы она сидела дома, запрещает ей встречаться с людьми ее возраста. Скоро он убеждается, что этих мер недостаточно. Девица начинает упрямиться, настаивать на своих правах и, наконец, заявляет, что хочет посетить некий бал. Что же делает тогда ее изобретательный отчим? Он замышляет план, который делает больше чести его уму, нежели сердцу. С ведома своей жены и при ее содействии он изменяет свою внешность, скрывает за темными очками свои проницательные глаза, наклеивает усы и пышные бакенбарды, приглушает свой звонкий голос до вкрадчивого шепота и, пользуясь близорукостью девицы, появляется в качестве мистера Госмера Эйнджела и отстраняет других поклонников своим настойчивым ухаживанием.

– Это была шутка, – простонал наш посетитель. – Мы не думали, что она так увлечется.

– Возможно. Однако, как бы там ни было, молодая девушка искренне увлеклась. Она знала, что отчим во Франции, и потому не могла ничего заподозрить. Она была польщена вниманием этого джентльмена, а шумное одобрение со стороны матери еще более усилило ее чувство. Отлично понимая, что реального результата можно добиться только решительными действиями, мистер Эйнджел зачастил в дом. Начались свидания, последовало обручение, которое должно было помешать молодой девушке отдать свое сердце другому. Но все время обманывать невозможно. Мнимые поездки во Францию довольно обременительны. Оставался один выход: довести дело до такой драматической развязки, чтобы в душе молодой девушки остался неизгладимый след и она на какое-то время сделалась равнодушной к ухаживаниям других поклонников. Отсюда клятва верности на Библии, намеки на возможность неожиданных происшествий в день свадьбы. Джеймс Уиндибенк хотел, чтобы мисс Сазерлэнд была крепко связана с Госмером Эйнджелом и пребывала в полном неведении относительно его судьбы. Тогда, по его расчету, она по меньшей мере лет десять сторонилась бы мужчин. Он довез ее до дверей церкви, но дальше идти не мог и потому прибегнул к старой уловке: вошел в карету через одни дверцы, а вышел через другие. Я думаю, что события разворачивались именно так, мистер Уиндибенк?

Наш посетитель успел тем временем кое-как овладеть собой; он встал со стула. Холодная усмешка блуждала на его бледном лице.

– Может быть, так, а может быть, и нет, мистер Холмс, – сказал он. – Но если вы так умны, вам следовало бы знать, что в настоящий момент закон нарушаете именно вы. Я ничего противозаконного не сделал, вы же, заперев меня в этой комнате, совершаете насилие над личностью, а это преследуется законом.

– Да, закон, как вы говорите, в вашем случае бессилен, – сказал Холмс, отпирая и распахивая настежь дверь, – однако вы заслуживаете самого тяжкого наказания. Будь у этой молодой девушки брат или друг, ему следовало бы хорошенько отстегать вас хлыстом. – Увидев наглую усмешку Уиндибенка, он вспыхнул. – Это не входит в мои обязанности, но, клянусь Богом, я доставлю себе удовольствие.

Он шагнул, чтобы снять со стены охотничий хлыст, но не успел протянуть руку, как на лестнице послышался дикий топот, тяжелая входная дверь с шумом захлопнулась, и мы увидели в окно, как мистер Уиндибенк со всех ног мчится по улице.

– Беспардонный мерзавец! – рассмеялся Холмс, откидываясь на спинку кресла. – Этот молодчик будет катиться от преступления к преступлению, пока не кончит на виселице. Да, дельце в некоторых отношениях было не лишено интереса.

– Я не вполне уловил ход ваших рассуждений, – заметил я.

– Разумеется, с самого начала было ясно, что этот мистер Госмер Эйнджел имел какую-то причину для своего странного поведения; так же очевидно, что единственно, кому это происшествие могло быть на руку, – отчим. Тот факт, что жених и отчим никогда не встречались, а, напротив, один всегда появлялся в отсутствие другого, также что-нибудь да значил. Темные очки, странный голос и пышные бакенбарды подсказывали мысль о переодевании. Мои подозрения подтвердились тем, что подпись на письмах была напечатана на машинке. Очевидно, мисс Сазерлэнд хорошо знала почерк Уиндибенка. Как видите, все эти отдельные факты, а также и многие другие, менее значительные детали били в одну точку.

– А как вы их проверили?

– Напав на след, было уже нетрудно найти доказательства. Я знаю фирму, в которой служит этот человек. Я взял описание внешности пропавшего, данное в объявлении, и, устранив из него все, что могло быть отнесено за счет переодевания – бакенбарды, очки, голос, – послал приметы фирме с просьбой сообщить, кто из их коммивояжеров похож на этот портрет. Еще раньше я заметил особенности пишущей машинки и написал Уиндибенку по служебному адресу, приглашая его зайти сюда. Как я и ожидал, ответ его был отпечатан на машинке, шрифт которой обнаруживал те же мелкие, но характерные дефекты. Той же почтой я получил письмо от фирмы «Вестхауз и Марбэнк» на Фенчерч-стрит. Мне сообщили, что по всем приметам это должен быть их служащий Джеймс Уиндибенк. Вот и все!

– А как же быть с мисс Сазерлэнд?

– Если я раскрою ей секрет, она не поверит. Вспомните старую персидскую поговорку: «Опасно отнимать у тигрицы тигренка, а у женщины ее заблуждение»⁹. У Хафиза столько же мудрости, как у Горация, и столько же знания жизни.

⁹ Цитата принадлежит, видимо, самому Конан Дойлу.

Тайна Боскомбской долины ¹⁰

Однажды утром, когда мы с женой сидели за завтраком, служанка принесла телеграмму. Телеграмма была от Шерлока Холмса, в ней говорилось:

Найдется ли у Вас пара свободных дней? Только что получил запада вызов связи трагедией Боскомбской долине. Буду рад если Вы сможете поехать со мной. Природа воздух там превосходны. Отбываю Паддингтонского 11.15.

– Ну что, дорогой? – спросила жена, приветливо глядя на меня. – Поедешь?

– Даже не знаю, что сказать. У меня в эти дни довольно много пациентов.

– О, Анструтер прекрасно заменит тебя. Ты последнее время немного бледен. Думаю, смена обстановки пойдет тебе на пользу. К тому же тебя ведь всегда так интересовали расследования мистера Шерлока Холмса.

– С моей стороны было бы черной неблагодарностью не интересоваться ими, учитывая то, что подарило мне одно из них, – многозначительно ответил я. – Но коли ехать, то надо немедленно собираться; в моем распоряжении всего полтора часа.

Если опыт бивуачной жизни в Афганистане меня чему-то и научил, так это умению в любой момент быстро снарядиться в путь. Путешественником я был неприспособленным и легким на подъем, поэтому задолго до назначенного срока трясся со своим скромным саквояжем в кебе по направлению к Паддингтонскому вокзалу. Шерлок Холмс уже мерил шагами перрон, его сухопарая фигура казалась еще более высокой и тощей из-за длиннополого серого дорожного плаща и облегающего голову суконного кепи.

– Я очень рад, что вы пришли, Уотсон, – сказал он. – Для меня весьма важно, чтобы рядом был человек, на которого я могу полностью положиться. Местные помощники обычно либо бесполезны, либо только мешают. Если вы займете два места у окна, я схожу за билетами.

В купе нас оказалось только двое, остальные места пустовали, но Холмс завалил их огромным количеством газет. Как только поезд тронулся, он начал просматривать статьи, иногда во что-то внимательно вчитываясь, иногда делая пометки, иногда отвлекаясь и впадая в задумчивость. Этому занятию Холмс предавался, пока мы не проехали Рэдинг. Тут он вдруг скатал газеты в гигантский рулон и зашвырнул его в багажную сетку.

– Вы что-нибудь слышали уже об этом деле? – спросил мой друг.

– Ни слова. Я несколько дней не заглядывал в газеты.

– В лондонских изданиях подробных отчетов нет, я только что все их просмотрел, надеясь узнать детали. Из того, что удалось выяснить, можно сделать вывод, что это одно из тех простых дел, которые на поверку оказываются чрезвычайно сложными.

– Звучит довольно парадоксально.

– Однако это действительно так. Специфические особенности всегда дают ключ к разгадке. Чем более бесцветна и заурядна картина преступления, тем труднее изобличить преступника. В данном случае, впрочем, выдвинуты чрезвычайно серьезные обвинения против сына убитого.

– Значит, речь идет об убийстве?

– Да, так предполагается. Но я ничему не поверю, пока не увижу все собственными глазами. Объясню вам в нескольких словах суть дела, насколько я сам пока уразумел ее.

Боскомбская долина – сельская местность неподалеку от Россы, в Херфордшире. Крупнейший тамошний землевладелец – некий мистер Джон Тернер, сколотивший свое состояние в Австралии и вернувшийся на родину несколько лет назад. Одну из своих ферм, а именно ферму в Хезерли, он сдал в аренду мистеру Чарлзу Маккарти, тоже жившему раньше в Австра-

¹⁰ © Перевод. И. Дорониной, 2005.

лии. Поскольку они были знакомы друг с другом еще по колониям ¹¹, нет ничего удивительного в том, что по возвращении они поселились рядом друг с другом. Тернер был явно богаче, поэтому мистер Маккарти стал его арендатором, однако, судя по всему, отношения между ними строились на принципах равенства: много времени они проводили вместе. У Маккарти был сын, восемнадцатилетний парень, а у Тернера – единственная дочь того же возраста; а вот жены у обоих умерли. Похоже, эти джентльмены сторонились общества своих английских соседей и вели уединенную жизнь, хотя оба Маккарти любили спорт, и их часто видели на скачках, проводившихся в окрестностях. Маккарти держал двух слуг – мужчину и девушку. У Тернера весьма многочисленная челядь – не менее полудюжины человек. Вот все, что мне удалось узнать об их семьях. А теперь факты.

Третьего июня, то есть в прошлый понедельник, Маккарти вышел из своего дома в Хезерли около трех часов дня и отправился к Боскомбскому пруду, который представляет собой небольшое озерцо, образовавшееся в результате разлива речки, протекающей через Боскомбскую долину. Утром, когда они со слугой ездили в Росс, мистер Маккарти сказал ему, что торопится, поскольку на три часа у него назначена важная встреча. Вот с этой-то встречи он и не вернулся живым.

От дома в Хезерли до Боскомбского пруда – четверть мили; на этом отрезке его видели два человека. Старуха, чье имя не называется, и Уильям Краудер, егерь мистера Тернера. Оба свидетеля утверждают, что мистер Маккарти был один. Однако егерь добавил, что через несколько минут после того, как повстречался с мистером Маккарти, он заметил его сына, мистера Джеймса Маккарти, который шел в том же направлении, держа под мышкой ружье. Насколько он помнит, фигура отца к тому времени еще виднелась вдали, и сын последовал за ним. Егерю, естественно, ничего и в голову не пришло до тех пор, пока вечером он не услышал о трагедии.

Обоих Маккарти видели и после того, как Уильям Краудер потерял их из виду. По берегам Боскомбского пруда растет густой лес, близко подступающий к воде; их разделяет лишь узкая полоса травы и осоки. Четырнадцатилетняя девочка Пейшенс Моран, дочь сторожа Боскомбского поместья Тернера, как раз собирала цветы на опушке. Она утверждает, что видела на берегу у самого озера мистера Маккарти и его сына, и ей показалось, что они сильно ссорились. Девочка даже слышала, что старший мистер Маккарти отчитывал сына в весьма крепких выражениях, а младший замахнулся на отца, словно собираясь ударить. Перепугавшись, девочка припустила домой и рассказала матери, что оба мистера Маккарти ссорятся возле Боскомбского пруда и, видимо, дело у них дойдет до драки. Не успела Пейшенс все это выложить, как в их сторожку прибежал молодой Маккарти, сообщил, что нашел отца мертвым в лесу, и попросил о помощи. Он страшно волновался. Ни ружья, ни шляпы при нем не было, а правая рука и рукав были испачканы в крови. Бросившись за ним, Мораны нашли тело его отца распростертым на траве у воды. На голове виднелись следы от нескольких ударов, нанесенных каким-то тяжелым тупым орудием. Такие раны вполне могли быть нанесены прикладом ружья его сына, которое валялось в траве в нескольких шагах от трупa. Ввиду всех этих обстоятельств молодого человека вскоре арестовали, уже во вторник ему предъявили обвинение в преднамеренном убийстве, а в среду он предстал перед судом магистратов в Россе, который передал дело на рассмотрение очередного выездного заседания суда присяжных графства. Таковы основные факты, почерпнутые мной из отчетов коронера и следователей полиции.

– Трудно представить себе более изобличающие обстоятельства, – заметил я. – Если когда-либо косвенные улики так безоговорочно указывали на преступника, так это именно в этом деле.

¹¹ До создания федерации в 1900 году Австралия состояла из шести самостоятельных колоний (провинций).

– Косвенные улики – очень хитрая вещь, – задумчиво ответил Холмс. – Порой они со всей очевидностью указывают на одно, но стоит чуть сместить точку обзора, и увидишь, что столь же непреложно они могут указывать на нечто совершенно другое. Следует тем не менее признать, что все свидетельствует против этого юноши. Не исключено, что он действительно преступник. Тем не менее среди соседей есть несколько человек, в том числе мисс Тернер, дочь землевладельца, убежденные в его невиновности. Они пригласили Лестрейда, которого вы должны помнить по «Этюду в багровых тонах», чтобы он провел независимое расследование. А Лестрейд, озадаченный подобной просьбой при бесспорности улик, обратился ко мне. Вот почему два немолодых джентльмена и мчатся теперь на запад со скоростью пятьдесят миль в час, вместо того чтобы спокойно переваривать дома свой завтрак.

– Боюсь, факты настолько очевидны, – заметил я, – что славы вы на этом деле не стяжаете.

– Нет ничего более обманчивого, чем очевидные факты, – рассмеялся Холмс. – Кроме того, не исключено, что мы случайно наткнемся на другие очевидные факты, не показавшиеся таковыми мистеру Лестрейду. Вы меня хорошо знаете, поэтому не сочтете хвастуном, но говорю вам: я либо подтверждаю, либо опровергну его гипотезу средствами, коими он совершенно не владеет и коих даже не в состоянии понять. Вот вам навскидку один пример: я могу с уверенностью сказать, что окно в вашей спальне расположено справа от зеркала. Думаете, мистер Лестрейд заметил бы столь очевидную вещь?

– Но как, черт возьми, вы...

– Мой дорогой друг, я ведь тоже очень хорошо вас знаю. Мне известно, как свойственна вам военная аккуратность. Вы бреетесь каждое утро. В это время года бреетесь при солнечном свете, а поскольку по мере удаления от правой щеки чистота бритья уменьшается, а ближе к левому уху на скуле и вовсе осталась щетина, мне ясно, что эта часть лица освещена у вас хуже, чем правая. Я не могу представить себе, чтобы такой человек, как вы, привыкший делать все с особой тщательностью, глядя на себя в зеркало при равномерном освещении, остался бы доволен подобным результатом. Привожу этот факт как заурядный пример того, как полезны наблюдательность и логическое мышление. В этом и заключается мой метод. Весьма вероятно, он сослужит свою службу и в ожидающем нас деле. Во время следствия всплыло несколько незначительных обстоятельств; они заслуживают того, чтобы над ними поразмыслить.

– И что это за обстоятельства?

– Арест произошел не сразу, а по возвращении молодого человека на ферму Хезерли. Когда инспектор полиции объявил молодому Маккарти, что он арестован, тот ответил, что не удивлен и заслужил это. Подобное замечание, разумеется, рассеяло последние сомнения, даже если у кого-то из следователей они еще оставались.

– Фактически это было признание, – вставил я.

– Отнюдь нет, поскольку за этим последовало отрицание своей вины.

– Учитывая всю цепь изобличающих фактов, такое заключительное замечание выглядело по меньшей мере сомнительно.

– Напротив, – возразил Холмс. – Это самый яркий проблеск, какой я вижу пока в сгущении туч. Каким бы невиновным ни был сей молодой человек, он не настолько безумен, чтобы не понимать, что атмосфера вокруг него сгустилась до черноты. Вот если бы он удивился своему аресту или притворился оскорбленным, это показалось бы мне в высшей степени подозрительным, потому что в сложившихся обстоятельствах удивление или гнев неестественны. Однако для человека лукавящего это действительно лучший способ поведения. Подозреваемый трезво отдает себе отчет в реальной ситуации, и это говорит либо о его невиновности, либо о том, что у молодого Маккарти незаурядная выдержка и твердый характер. Замечание о том, будто он «заслужил это», тоже нельзя счесть нелогичным, если вспомнить, что в этот момент молодой человек стоял рядом с трупом отца, по отношению к которому нарушил в тот день свой сыновний долг, вступив с ним в ссору, и даже, если верить показаниям девочки – а они весьма

важны, — посмел поднять на него руку. Угрызения совести и искреннее раскаяние, о которых свидетельствует его высказывание, с моей точки зрения, говорят, скорее о здравости ума, чем о виновности молодого человека.

Я покачал головой и заметил:

— Многих отправили на виселицу на основании куда менее веских улик.

— Это правда. Но многих повесили по ошибке.

— А что говорит о случившемся сам молодой человек?

— Боюсь, то, что он говорит, не слишком оправдывает ожидания его защитников, хотя есть пара фактов, внушающих надежду. О них вы можете прочесть здесь. — Холмс выудил из кипы газет местную, херфордширскую, и, перевернув первую страницу, указал мне колонку, где излагались показания обвиняемого. Устроившись в уголке купе, я внимательно прочел следующее:

Далее был вызван мистер Джеймс Маккарти, единственный сын убитого, который показал следующее: «Я уезжал в Бристоль на три дня и вернулся домой только в понедельник утром третьего марта. Когда я приехал, отца не было дома, служанка сообщила мне, что он поехал в Росс с Джоном Коббом, нашим конюхом. Вскоре после этого я услышал скрип колес его двуколки и, выглянув в окно, увидел, что отец быстро удаляется со двора. Куда он направлялся, я не знал. Тогда, взяв ружье, я отправился к Боскомбскому пруду, чтобы проверить садок для кроликов, устроенный на его дальнем берегу. По дороге я встретил Уильяма Краудера, егеря, как он правильно сообщил в своих показаниях; однако он ошибается, считая, что я следовал за отцом. Я понятия не имел, что тот идет впереди меня. Находясь ярдах в ста от пруда, я услышал клич: „Коу!“; служивший условным сигналом между мной и отцом. Тогда я прибавил шагу и увидел, что отец стоит на берегу пруда. Он очень удивился моему появлению и довольно грубо спросил, что мне нужно. Разговор между нами привел к ссоре, едва ли не к драке, потому что отец был человеком крутого нрава. Видя, что он теряет контроль над собой, я счел за благо удалиться и вернуться на ферму. Но, не пройдя и полутора сотен ярдов, услышал душераздирающий крик у себя за спиной, он-то и заставил меня броситься назад. Отца я нашел лежащим на земле при последнем издыхании, с проломленной головой. Отбросив ружье, я приподнял его голову, но он умер почти сразу. Несколько минут я стоял возле отца на коленях, потом побежал за помощью к дому сторожа мистера Тернера, поскольку этот дом находился ближе всего. Когда раньше я примчался на крик, возле отца никого не было, и я понятия не имею, откуда появились раны на его голове. Отца нельзя было назвать всеобщим любимцем, поскольку он был человеком холодным и неприветливым, но врагов, желавших ему смерти, у него, насколько мне известно, не было. Большие я ничего об этом деле не знаю».

Коронер: Ваш отец успел что-нибудь сказать вам перед смертью?

Свидетель: Он пробормотал что-то нечленораздельное, мне кажется, я разобрал лишь слово «крыса».

Коронер: Что это могло означать, по-вашему?

Свидетель: Для меня это было полной бессмыслицей. Я подумал, что он бредит.

Коронер: Из-за чего вы поссорились с отцом?

Свидетель: Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос.

Коронер: Боюсь, я вынужден настаивать.

Свидетель: Я не могу сказать вам этого. Но заверяю вас, что это не имело никакого отношения к чудовищной трагедии, которая воспоследовала.

Коронер: Это решать не вам, а суду. Думаю, излишне напоминать вам, что отказ отвечать на вопрос сильно осложнит ваше положение в ходе дальнейших судебных разбирательств, которые более чем вероятны.

Свидетель: И все же я отказываюсь отвечать.

Коронер: Я правильно понял: клич «Коу!» был условным знаком между вами и отцом?

Свидетель: Да.

Коронер: Почему же ваш отец издал его раньше, чем увидел вас, и даже до того, как узнал, что вы вернулись из Бристоля?

Свидетель (весьма смущенно): Не знаю.

Член жюри: Когда вы услышали крик и, вернувшись, нашли своего отца смертельно раненым, вы не увидели поблизости ничего подозрительного?

Свидетель: Ничего определенного.

Коронер: Что вы хотите этим сказать?

Свидетель: Вырвавшись на открытое место, я был так взволнован и испуган, что не видел ничего, кроме отца. Тем не менее, когда я бежал к нему, у меня мелькнуло смутное ощущение, будто слева от меня что-то лежало на земле. Что-то, как мне показалось, серое, то ли пальто, то ли, может быть, плед. А когда я встал с коленей и оглянулся, ничего уже не было.

Коронер: Вы полагаете, что предмет исчез до того, как вы побежали за помощью?

Свидетель: Да.

Коронер: Вы не можете сказать, что именно это было?

Свидетель: Нет, но ощущение, будто что-то там лежало, было отчетливым.

Коронер: Как далеко от тела?

Свидетель: Ярдах в двенадцати.

Коронер: А от кромки леса?

Свидетель: Примерно на таком же расстоянии.

Коронер: Значит, если кто-то забрал этот предмет, то сделал он это в двенадцати ярдах от вас?

Свидетель: Да, но у меня за спиной.

На этом допрос свидетеля закончен.

– По заключительным репликам коронера видно, что он весьма сурово настроен по отношению к молодому Маккарти, – сказал я, дочитав колонку. – Он обращает внимание – и не без оснований – на нелогичность того факта, что отец якобы позвал сына до того, как увидел его, а также на отказ молодого человека ответить на вопрос о причинах их ссоры и невразумительность последних слов жертвы в передаче подозреваемого. Все это, как справедливо замечает коронер, весьма веско свидетельствует против сына.

Холмс тихо засмеялся каким-то своим мыслям и вытянулся на мягком сиденье.

– И вы, и коронер исходите из того, что молодой человек придумывает себе оправдания. При этом вы попеременно то приписываете ему слишком буйное воображение, то вовсе отказываете в воображении. Если он не может придумать для ссоры с отцом причину, которая расположила бы к нему жюри, значит, он начисто лишен воображения. Если же он откуда-то из своего подсознания выуживает такие утрированные детали, как «крыса», которую упоминает умирающий, или исчезнувший предмет одежды, значит, оно у него слишком буйное. Нет, сэр, я стану рассматривать дело исходя из того, что молодой человек говорит правду, и посмотрим,

к чему приведет нас эта гипотеза. А теперь я займусь своим карманным Петrarкой, и о деле больше ни слова, пока мы не окажемся на месте событий. Обед у нас в Суиндоне, мы прибываем туда через двадцать минут.

Было почти четыре часа, когда, миновав прекрасную долину Страуд и переехав через широкий сверкающий Северн, мы очутились наконец в симпатичном провинциальном городке Росс. Тощий, напоминающий хорька мужчина, шустрый и хитроватый на вид, ждал нас на перроне. Несмотря на светло-коричневый пыльник и кожаные, плотно облегающие брюки, которые он надел, видимо, для того, чтобы соответствовать деревенскому антуражу, я без труда узнал в нем Лестрейда из Скотленд-Ярда. Он повез нас в гостиницу «Херфорд армз», где для нас забронировали комнату.

– Я вызвал экипаж, – сообщил Лестрейд, когда мы сидели за чашкой чая. – Зная вашу деятельную натуру, Холмс, я догадываюсь, что вы не успокоитесь, пока не окажетесь на месте преступления.

– Это очень любезно с вашей стороны, но излишне, – ответил Холмс. – Все полностью зависит от атмосферного давления.

Лестрейд был озадачен.

– Я не совсем понимаю вас, – сказал он.

– Что показывает барометр? Ага, вижу – двадцать девять ¹². Полное отсутствие ветра и облаков. У меня с собой полная пачка сигарет, которые надо выкурить, а диван здесь гораздо лучше, чем та мерзость, коей обычно обставляют провинциальные гостиничные номера. Не думаю, что сегодня вечером мне понадобится экипаж.

Лестрейд снисходительно рассмеялся.

– Не сомневаюсь, что по газетам вы уже составили свое представление. Дело простое, как дважды два, причем чем глубже в него вникаешь, тем проще оно становится. Однако нельзя же отказать в просьбе даме, тем более такой уверенной в своей правоте. Она наслышана о вас и непременно желает знать ваше мнение, сколько я ни повторял ей, что в этом деле нет ничего такого, что можете сделать вы и чего бы я уже не сделал. Ага! Вот и она сама, это ее экипаж.

Не успел Лестрейд сказать это, как в комнату решительно вбежала самая очаровательная девушка, какую мне случалось видеть. Ее фиалковые глаза сверкали, рот был слегка приоткрыт, на щеках алел румянец – волнение и тревога возобладали над предписанной воспитанием сдержанностью.

– О, мистер Шерлок Холмс! – воскликнула она, переводя взгляд с одного из нас на другого, но женская интуиция быстро подсказала ей, кто здесь знаменитый сыщик. – Я так рада, что вы приехали, и примчалась сюда, чтобы сказать вам это. Я не сомневаюсь, что Джеймс невиновен. Я в этом уверена и хочу, чтобы вы, прежде чем приступить к делу, тоже это знали. Не сомневайтесь и вы в этом ни минуты. Мы с Джеймсом знакомы с детства, мне известны все его недостатки, как никому другому, но при всем том сердце у него такое доброе, что он и мухи не обидит. Для любого, кто по-настоящему знает его, это обвинение – просто абсурд.

– Надеюсь, нам удастся оправдать его, мисс Тернер, – сказал Шерлок Холмс. – Обещаю вам: я сделаю все, что в моих силах.

– Вы ведь уже читали показания и, наверное, составили предварительное мнение? Не находите ли вы, что у обвинения есть слабые места, некоторые несоответствия? Вам самому не кажется, что Джеймс невиновен?

– Я нахожу это весьма вероятным.

– Слава Богу! – воскликнула девушка, вскинув голову и презрительно взглянув на Лестрейда. – Вы слышали?! Мистер Холмс дает мне надежду.

Лестрейд пожал плечами:

¹² Показание барометра указывало на вероятность дождя.

– Боюсь, мой коллега поторопился с выводами.

– Но он прав. О! Я знаю, что он прав. Джеймс не делал этого. А что касается причины его ссоры с отцом, так я убеждена: Джеймс отказался отвечать коронеру, поскольку здесь замешана я.

– Каким образом? – живо заинтересовался Холмс.

– Сейчас не время что-либо скрывать. У Джеймса были из-за меня серьезные расхождения с отцом. Мистер Маккарти очень хотел, чтобы мы поженились. Мы с Джеймсом всегда любили друг друга, но только как брат и сестра. Конечно, он еще молод, неопытен, мало знает о жизни и... и... в общем, он, естественно, не собирался ничего такого делать. Поэтому они ссорились, и в этот раз, не сомневаюсь, ссора была вызвана тем же.

– А ваш отец? – спросил Холмс. – Он поощрял этот союз?

– Нет, он был решительно против. Кроме мистера Маккарти, никто его не хотел. – Под одним из знаменитых пронзительно-вопрошающих взглядов Холмса ее свежее личико вспыхнуло.

– Благодарю вас за эту информацию, – сказал Холмс. – Я смогу встретиться с вашим отцом, если заеду завтра?

– Боюсь, доктор никого не пустит к нему.

– Доктор?

– Да, разве вы не слышали? У моего бедного отца и прежде здоровье было не слишком крепким, а это происшествие окончательно подорвало его. Отца уложили в постель, и доктор Уиллоуз говорит, что он совсем плох, его нервной системе нанесен страшный удар. Мистер Маккарти был единственным остававшимся в живых человеком, который знал отца еще по старым временам в Виктории ¹³.

– Ха! В Виктории! Это важно.

– Да, они работали на тамошних приисках.

– Вот именно; на золотых приисках, где, насколько я понимаю, мистер Тернер и сколотил свое состояние.

– Да, конечно.

– Благодарю вас, мисс Тернер. Вы мне очень существенно помогли.

– Пожалуйста, сообщите мне, если у вас завтра появятся какие-нибудь новости. Вы, конечно, поедете в тюрьму повидаться с Джеймсом? Ах, мистер Холмс, прошу вас, скажите ему, что я не сомневаюсь в его невиновности.

– Непременно, мисс Тернер.

– Теперь мне пора возвращаться, папа очень плохо себя чувствует и скучает, когда я ухожу из дома. До свидания, и да поможет вам Бог. – Она выбежала из комнаты так же стремительно, как вбежала в нее, и вскоре мы услышали, что колеса ее экипажа затарахтели по улице.

– Мне стыдно за вас, Холмс, – с достоинством произнес Лестрейнд после долгой паузы. – Зачем вы подали девушке надежду, которую вам же самому придется отнять? Я человек не слишком сердобольный, и то считаю это жестоким поступком.

– Ошибаетесь: мне, похоже, уже ясно, как оправдать Джеймса Маккарти, – возразил Холмс. – У вас есть разрешение на его посещение в тюрьме?

– Да, но только для нас с вами.

– Тогда я меняю свое решение. Мы еще успеваем на поезд, чтобы отправиться в Херфорд сегодня же?

– Вне всяких сомнений.

– Тогда давайте так и сделаем. Уотсон, боюсь, вам придется поскучать, но я буду отсутствовать всего часа два.

¹³ Самый маленький штат в Австралии.

Я проводил их на вокзал, потом погулял по улицам и, наконец, вернувшись в гостиницу, улегся на диван и постарался развлечь себя каким-то бульварным романом в желтой обложке. Худосочный сюжет романа был настолько ничтожен по сравнению с тайной, разгадку которой мы искали, что мысли мои постоянно отвлекались от него и обращались к реальности. В конце концов я швырнул книгу в другой конец комнаты и предался осмыслению событий дня. Предположим, что история, рассказанная несчастным молодым человеком, – чистая правда. Тогда что за дьявольское происшествие, какая абсолютно непредвиденная и невероятная катастрофа произошла между тем моментом, когда он ушел от отца, и тем, когда, привлеченный криком, прибежал обратно на поляну? Это должно было быть нечто убийственно-ужасное. Что же это было? Неужели характер ран ничего не подскажет моей медицинской интуиции? Позвонив в колокольчик, я попросил принести местную еженедельную газету со стенографическим отчетом обо всех этапах расследования. Патологоанатом утверждал, что задняя треть левой теменной кости и левая половина затылочной кости были раздроблены сильным ударом тяжелого тупого орудия. Я нашел указанные участки на собственной голове и понял, что такие удары могли быть нанесены только сзади. Поскольку в момент ссоры подозреваемый стоял лицом к отцу, это отчасти говорило в его пользу, однако не слишком убедительно: старик мог в какой-то момент повернуться к сыну спиной. Тем не менее стоило обратить на это внимание Холмса. Далее, это странное предсмертное упоминание о крысе. Что оно означало? Едва ли это был бред. Человек, умирающий от внезапного удара по голове, обычно не бредит. Нет, скорее он пытался объяснить, как произошла трагедия. Но к чему относилось это слово? Я ломал голову, чтобы найти какое-нибудь правдоподобное объяснение. А еще этот серый предмет одежды, предположительно пальто, которое видел молодой Маккарти. Если это правда, то убийца, должно быть, обронил его, убегая, и у него хватило наглости вернуться за ним в тот момент, когда всего в двенадцати шагах от того места, спиной к нему, на коленях стоял сын убитого. Господи, какой клубок тайн и невероятных событий! Меня ничуть не удивляло мнение Лестрейда, но я безоговорочно доверял интуиции Шерлока Холмса, а посему не терял надежды, поскольку каждый новый факт, похоже, укреплял его уверенность в невиновности молодого Маккарти.

Шерлок Холмс вернулся поздно и один – Лестрейд остановился где-то в городе.

– Атмосферное давление остается очень высоким, – заметил он, опускаясь на стул. – Весьма важно, чтобы не пошел дождь, прежде чем мы доберемся до места преступления. С другой стороны, для такой работы человек должен иметь ясную голову и быть в отличной форме. Не хочу приступать к ней усталый после долгой дороги. Я виделся с молодым Маккарти.

– И что вы узнали от него?

– Ничего.

– Неужели он ничего не прояснил?

– Совершенно ничего. В какой-то момент мне казалось, что он знает, кто убил его отца, но выгораживает его или ее, однако теперь я уверен: молодой Маккарти в таком же неведении, как и все остальные. Юноша не слишком сообразителен, но на вид вполне добропорядочен, думаю, и по сути своей он человек неиспорченный.

– Однако вкуса ему явно недостает, – заметил я, – если он действительно не хотел жениться на такой очаровательной молодой даме, как мисс Тернер.

– А вот сейчас сами узнаете. Этот парень безумно, отчаянно влюблен в нее, но года два назад, когда он был фактически еще мальчиком, и до того, как он по-настоящему узнал ее, когда мисс Тернер вернулась, проведя пять лет в пансионе, этот идиот попался в сети одной бристольской официантки и зарегистрировал с ней брак! Об этом не ведает ни одна живая душа, но можете себе представить, как сводили его с ума упреки отца. Ведь молодой Маккарти согласился бы остаться без глаза, лишь бы жениться на мисс Тернер, но понимал, что это абсолютно невозможно. Поэтому-то он и размахивал в бешенстве руками, когда во время послед-

ней встречи отец снова стал понуждать его сделать предложение мисс Тернер. Вместе с тем собственных средств к существованию юноша не имел, а отец, который, по всеобщему мнению, был человеком чрезвычайно тяжелым, лишил бы его последней поддержки, узнай он правду. Эти последние три дня в Бристоле парень как раз и провел со своей женой-официанткой, а отец злился из-за того, что не ведал, где он пропадает. Обратите внимание на этот момент. Он важен. Однако нет худа без добра: официантка, прочтя в газетах, что ее муж попал в беду и ему, вероятно, грозит виселица, отеклась от него и сообщила письмом, что у нее в Бермудских доках давно уже есть другой муж; поэтому между ними все кончено. Полагаю, эта новость вознаградила Маккарти за все его страдания.

– Но если он невиновен, кто же это сделал?

– Вот именно! Кто? Я бы обратил ваше особое внимание на два обстоятельства. Во-первых, старый Маккарти назначил с кем-то встречу возле пруда, во-вторых, этим кем-то не был его сын, находившийся в отъезде, и отец не знал, когда он вернется. На этих ключевых моментах зиждется все дело. А теперь поговорим о Джордже Мередите, оставив менее важные вещи на завтра.

Как и предсказывал Холмс, дождь не пошел, настало ясное солнечное утро. Лестрейд в экипаже заехал за нами в девять часов, и мы отправились осматривать ферму Хезерли и Боскомбский пруд.

– Сегодня выяснилась важная новость, – сообщил по дороге Лестрейд. – Говорят, мистер Тернер настолько плох, что его жизнь висит на волоске.

– Наверное, он человек весьма почтенного возраста? – спросил Холмс.

– Ему около шестидесяти, но он надорвал свой организм, работая за границей, и в последние годы его здоровье постепенно ухудшалось. А это дело и вовсе доконало его. Он был старым другом Маккарти и, должен добавить, благодетелем, потому что, как мне удалось выяснить, ферму Хезерли Тернер отдал ему в аренду бесплатно.

– Что вы говорите? Это интересно, – заметил Холмс.

– О да! Тернер помогал ему и разными другими способами. Здесь все говорят о его редкой доброте и щедрости по отношению к покойному.

– Вот как! А не кажется ли вам несколько необычным то, что этот Маккарти, похоже весьма стесненный в средствах и столь многим обязанный Тернеру, имел смелость говорить о женитьбе своего сына на дочери Тернера, наследнице всего его состояния, причем говорить так безапелляционно, будто вопрос состоял лишь в том, чтобы его сын сделал предложение, а все остальное устроилось бы само собой? Это тем более странно, что, как известно, Тернер решительно возражал против этого брака. Так сказала его дочь. Это не наводит вас ни на какие мысли?

– Умозаключениями и предположениями мы уже занимались предостаточно. – Лестрейд подмигнул мне. – Я считаю, Холмс, что довольно трудно работать с фактами, развивая при этом теории и фантазии.

– Вы правы, – с наигранной скромностью ответил Холмс, – вам действительно трудно работать с фактами.

– Тем не менее один факт, которого вы упорно не желаете признавать, я ухватил, – с горячностью возразил Лестрейд.

– И что же это за факт?

– Что Маккарти-старший принял смерть от руки Маккарти-младшего, а все теории, противоречащие этому факту, не более чем пустые фантазии.

– Фантазии все же лучше, чем туман в голове, – рассмеялся Холмс. – А вот и ферма Хезерли, если не ошибаюсь, вон там, слева.

– Да, так и есть.

Это был широко раскинувшийся, по виду весьма комфортабельный двухэтажный дом под шиферной крышей, с серыми стенами, кое-где покрытыми большими желтыми пятнами лишайника. Опушенные жалюзи и трубы, из которых не поднимался дым, придавали ему такой мрачный вид, будто дом был придавлен горем. Мы позвонили в дверь, и по просьбе Холмса служанка показала нам сапоги, в которых был ее хозяин в момент смерти, а также пару ботинок его сына, правда, не тех, в каких он ходил на пруд. Тщательно измерив обувь вдоль и поперек семью или восемью разными способами, Холмс пожелал, чтобы его проводили во двор, откуда мы все отправились по извилистой дороге к Боскомбскому пруду.

Взяв след, Шерлок Холмс совершенно преобразался. Те, кто видел на Бейкер-стрит бесстрастного мыслителя и логика, в такие моменты не узнали бы его. Лицо Холмса то вспыхивало, то мрачнело. Брови были почти сведены в одну решительную черную линию, а из-под нее сталью сверкали глаза. Голова была склонена, плечи опущены, губы плотно сжаты, вены на длинной жилистой шее натянуты, как жесткая бечева. Ноздри трепетали, как у хищника, почуявшего добычу, а интеллект был полностью сосредоточен на деле, над которым он работал. Посторонние вопросы и реплики Холмс пропускал мимо ушей или в лучшем случае отзывался на них короткими сердитыми замечаниями. Быстро и бесшумно он прошел по тропе, бежавшей через луг и дальше вдоль кромки леса – к Боскомбскому пруду. Земля на берегу, как, впрочем, и повсюду вокруг, была мокрой, заболоченной; на тропинке и на ее поросших невысокой травой обочинах отпечатались следы множества ног. Шерлок Холмс шел быстро, иногда останавливался как вкопанный, а один раз сделал небольшую петлю, немного углубившись в луг. Мы с Лестрейдом следовали за ним: сыщик равнодушно и высокомерно, я же наблюдал за своим приятелем с огромным интересом, убежденный в том, что любое его действие направлено к определенной конечной цели.

Боскомбский пруд, представляющий собой окаймленную осокой и камышами водную гладь шириной ярдов в пятьдесят, расположен на границе между фермой Хезерли и частным парком богатого мистера Тернера. Над лесом, обрамлявшим пруд на дальнем берегу, возвышались красные остроконечные крыши бельведеров – там находилась усадьба богатого землевладельца. Со стороны фермы лес был густым, между ним и прибрежными водорослями тянулась поросшая травой полоса мокрой земли шириной в двадцать шагов. Лестрейд показал место, где нашли тело. Земля здесь была настолько пропитана влагой, что даже я отчетливо различил оставшуюся вмятину. Холмс же, как было видно по напряженному выражению его лица и пытливому взгляду, прочел по этой примятой траве и многое другое. Он обежал это место, как собака, взявшая след, и, вернувшись, спросил у нашего спутника:

– Зачем вы лазали в воду?

– Шарил по дну граблями. Думал, нет ли там орудия убийства или еще каких-нибудь улик. Но как, скажите на милость, вы узнали...

– Фу ты, некогда мне сейчас объяснять. Здесь повсюду отпечатки вашей левой ноги, которую вы весьма характерно выворачиваете. Их даже слепой крот заметил бы, а вот тут, в камышах, они исчезают. Ах, насколько все было бы проще, если бы я оказался на месте прежде, чем это стадо буйволов все здесь затоптало. Вот сюда подошли те, кто явился со сторожем, они уничтожили все следы в радиусе шести-восьми футов от тела. Но вот здесь сохранились три отдельных отпечатка одной и той же ноги. – Он достал лупу и, чтобы лучше рассмотреть их, лег на свой водонепроницаемый плащ, продолжая разговаривать скорее с самим собой, чем с нами. – Вот это следы молодого Маккарти. Два раза он здесь прошел и один раз быстро пробежал, подошвы глубже впечатались в землю, а каблуков почти не видно. Это подтверждает его рассказ: юноша побежал, когда увидел, что отец лежит на земле. А вот следы его отца, он расхаживал взад-вперед. А это что? О, это отпечаток основания приклада: сын опирался на ружье, пока слушал отца. А это? Так-так! Что это у нас здесь? Кто-то крался на цыпочках, да,

на цыпочках! Тупоносые, совершенно необычные ботинки! Пришли, ушли, снова пришли – разумеется, за пальто. Так, посмотрим, откуда они явились.

Холмс метался туда-сюда, то терял, то снова находил след, пока мы не очутились у входа в лес, в тени большой березы – самого крупного из близстоящих деревьев. Холмс прошел довольно далеко вдоль леса в обе стороны, потом еще раз лег на землю и издал тихий довольный возглас. Лежал он так долго: переворачивал опавшие листья, ворошил сухие ветки, собирал в конверт что-то, что мне представлялось просто пылью, изучал с помощью лупы не только землю, но и ствол дерева на всю доступную высоту. Среди мха валялся зазубренный камень, его Холмс тоже внимательнейшим образом осмотрел и спрятал. Потом он углубился по тропе в лес, пока не дошел до дороги, где следы терялись.

– Это чрезвычайно интересное дело, – заметил он, возвращаясь к своей обычной манере. – Полагаю, вон тот серый дом справа принадлежит сторожу. Пойду-ка я побеседую с Мораном и, быть может, напишу записку. После этого можно отправляться обедать. Возвращайтесь к кебу, я скоро присоединюсь к вам.

Не прошло и десяти минут, как мы уже ехали обратно в Росс, Холмс вез с собой камень, подобранный в лесу.

– Лестрейд, это может заинтересовать вас, – сказал он, протягивая ему камень. – Убийца орудовал вот этим.

– Не вижу следов.

– А их и нет.

– Почему же вы решили, что это орудие убийства?

– Под камнем росла трава. Он пролежал там всего несколько дней. Никаких других отпечатков этого камня на земле поблизости нет. Выпуклости соответствуют характеру нанесенных ран. И нигде нет никаких иных предметов, которые могли бы послужить орудием.

– А убийца?

– Это высокий мужчина, левша, хромот на правую ногу, носит ботинки на толстой подошве и серый плащ, курит индийские сигары, пользуется мундштуком для сигар, и в кармане у него тупой перочинный нож. Есть еще кое-какие приметы, но этих для поиска вполне достаточно.

Лестрейд расхохотался.

– Боюсь, вам не удалось рассеять мой скептицизм. Теории – это, конечно, прекрасно, но нам предстоит иметь дело с упрямыми британскими присяжными, едва ли они убедят их.

– *Nous verrons*, как говорят французы, это мы еще посмотрим, – заверил его Холмс. – Вы действуйте своими методами, а я буду действовать своими. Во второй половине дня я буду сегодня занят и, вероятно, вечерним поездом уеду в Лондон.

– Оставив дело незавершенным?

– Почему же незавершенным – завершенным.

– Но тайна?...

– Она раскрыта.

– Тогда скажите, кто преступник.

– Тот самый джентльмен, которого я описал вам.

– Но кто он?

– Его будет нетрудно найти. Не так уж много здесь живет народу.

Лестрейд пожал плечами:

– Я человек практичный и не собираюсь обходить всю округу в поисках джентльмена-левши с покалеченной ногой. Меня просто засмеют в Скотленд-Ярде.

– Дело ваше, – спокойно согласился Холмс. – Я просто хотел дать вам шанс. Вот и ваш дом. До свидания. Перед отъездом я черкну вам несколько строк.

Оставив Лестрейда в его пансионе, мы отправились в гостиницу, где нас уже ждал обед. Холмс молчал, погруженный в свои мысли, выражение лица у него было страдальческим, как у человека, попавшего в очень неприятную историю.

– Послушайте, Уотсон, – сказал он, когда со стола убрали. – Пожалуйста, посидите со мной и позвольте мне произнести перед вами небольшой монолог. Я не совсем понимаю, что мне делать, и был бы весьма признателен вам за совет. Выкурите сигару и дайте мне выговориться.

– Сделайте милость, прошу вас.

– Итак. В рассказе молодого Маккарти есть два обстоятельства, которые сразу же обратили на себя и ваше, и мое внимание, хотя я истолковал их в его пользу, а вы – напротив. Первое – то, что, по словам юноши, отец крикнул «Коу!» до того, как увидел его. Второе – необычное упоминание умирающего о какой-то крысе. Как вы помните, он пробормотал несколько слов, но сын разобрал лишь одно. От двух этих обстоятельств мы и должны отталкиваться. Для начала будем исходить из того, что парень говорит чистую правду.

– И что нам дает в таком случае это «Коу!»?

– Совершенно очевидно, что оно предназначалось не сыну. Ведь Маккарти считал, что сын в Бристоле. То, что юноша на самом деле оказался в пределах слышимости, – чистая случайность. Это «Коу!» должно было привлечь внимание того, с кем Маккарти назначил встречу. Но «Коу!» – сугубо австралийский клич, им австралийцы пользуются только между собой. Значит, скорее всего, человек, которого Маккарти ожидал возле Боскомбского пруда, тоже когда-то жил в Австралии.

– А крыса?

Шерлок Холмс вынул из кармана сложенную бумагу и расправил ее на столе.

– Это карта провинции Виктория. Вчера я затребовал ее телеграфом из Бристоля. – Он прикрыл ладонью одну часть карты и сказал: – Читайте.

– «АРЭТ», – прочел я.

Холмс убрал ладонь.

– А теперь?

– «БАЛЛАРЭТ»¹⁴.

– Правильно. Именно это слово и произнес умирающий, но сын уловил лишь последний слог¹⁵. А Маккарти пытался сообщить ему имя убийцы: такой-то и такой-то из Балларэта.

– Потрясающе! – воскликнул я.

– Элементарно. Как видите, я значительно сузил район поиска. Наличие серого предмета одежды, если верить показаниям молодого Маккарти, третья реальная улика. Вместо какой-то туманно-расплывчатой личности мы получили теперь вполне определенного жителя австралийского Балларэта в сером пальто.

– Верно.

– К тому же этот человек должен быть из местных, поскольку к пруду можно подойти либо со стороны фермы, либо со стороны усадьбы; и там и там едва ли бродят посторонние.

– И в самом деле.

– Далее – наша сегодняшняя экспедиция. В результате осмотра места преступления я выяснил кое-какие детали, касающиеся личности убийцы, которые сообщил этому кретину Лестрейду.

– Но как вам удалось выяснить их?

– Вам ведь знаком мой метод. Он зиждется на сопоставлении всех, даже кажущихся незначительными, улик.

¹⁴ Третий по величине город австралийской провинции Виктория.

¹⁵ A rat – крыса (англ.). – Примеч. пер.

– Да, я знаю, что рост вы приблизительно вычислили по ширине шага. Форму обуви тоже определили по следам.

– И это, должен заметить, оказалась весьма своеобразная обувь.

– Но хромота?...

– Отпечаток его правой ноги везде менее четкий, чем левой. На нее он не так сильно наступает. Почему? Потому что хромот.

– Ну а то, что он левша?

– Вас ведь самого удивил характер ран, описанный в отчете патологоанатома. Удар был нанесен сзади, но пришелся на левую часть головы. Как это случилось бы, если бы убийца не был левшой? Пока отец с сыном разговаривали, он стоял за деревом и даже курил там. Я нашел пепел от сигары и по нему – благодаря своим особым знаниям в области сигарных пеплов – определил, что это была индийская сигара. Как вам известно, эту проблему я изучал специально и даже написал небольшую монографию о пепле ста сорока разновидностей трубочного, сигарного и папиросного табака. Найдя кучку пепла, я осмотрел землю вокруг и заметил окурок во мху, куда он его отбросил. Этот сорт индийских сигар производят в Роттердаме.

– А мундштук?

– Конец сигары явно не брали в рот, следовательно, куривший пользовался мундштуком. Кончик был срезан, не оторван, но срез оказался неровным, отсюда я сделал вывод о тупом перочинном ноже.

– Холмс, вы накрыли этого человека сетью, из-под которой ему не выбраться, и спасли невинного человека с таким же успехом, как если бы перерезали веревку, на которой его собирались повесить. Теперь и я вижу, на кого указывают все эти улики. Преступник – это...

– Мистер Джон Тернер, – объявил швейцар, открывая дверь в нашу гостиную и пропуская посетителя.

Вошедший представлял собой странную, но весьма примечательную личность. Медленная прихрамывающая походка и опущенные плечи производили впечатление старческой немощи, но грубоватое, резко очерченное, суровое лицо и непропорционально мощные конечности свидетельствовали о том, что человек этот обладает незаурядной силой как мускулов, так и характера. Спутанная борода, седеющие волосы и косматые, нависающие над глазами брови придавали его облику достоинство и властность, однако лицо было пепельно-серым, а губы и крылья носа имели синеватый оттенок. Мне сразу стало ясно, что он страдает какой-то хронической смертельной болезнью.

– Прошу вас, садитесь на диван, – любезно пригласил Холмс. – Вы получили мою записку?

– Да, мне принес ее сторож. Вы написали, что хотели бы встретиться здесь, чтобы избежать скандала.

– Я боялся, что люди начнут судачить, если я сам приду в усадьбу.

– А зачем вы хотели встретиться со мной? – Взгляд, устремленный на моего приятеля, выражал усталость и отчаяние, словно Тернер уже знал ответ на свой вопрос.

– Да, – подтвердил Холмс, отвечая не столько на слова, сколько на этот взгляд. – Так и есть. Я знаю все о мистере Маккарти.

Старик закрыл лицо руками и воскликнул:

– Господи, помоги мне! Но, поверьте, я бы не допустил, чтобы молодой человек погиб из-за меня. Даю вам слово, если бы дело в ассизах ¹⁶ обернулось против него, я бы откровенно рассказал обо всем.

– Рад слышать это от вас, – угрюмо обронил Холмс.

¹⁶ Ассизы – выездные сессии суда присяжных.

– Я бы и сразу все рассказал, если бы не моя дорогая девочка. Это разобьет ей сердце – она не переживет, если меня арестуют.

– До этого может и не дойти, – возразил Холмс.

– Что?!

– Я ведь лицо неофициальное. Насколько я понимаю, своим присутствием здесь я обязан именно вашей дочери, а посему действую в ее интересах. Тем не менее молодого Маккарти необходимо спасти.

– Я умираю, – сказал старик. – У меня застарелый диабет. Мой врач говорит, что я не протяну и месяца. Однако мне хотелось бы умереть под собственной крышей, а не в тюрьме.

Холмс встал, пересел к столу, где лежала стопка бумаги, и взял перо.

– Просто расскажите мне правду, – предложил он. – Я зафиксирую факты, вы подпишете, а Уотсон заверит ваши показания как свидетель. Тогда я предъявлю их в самом крайнем случае, чтобы спасти молодого Маккарти. Обещаю, что не воспользуюсь ими без крайней необходимости.

– Это хорошо, – ответил старик. – Сам я до суда присяжных, может, и не доживу, так что для меня это не имеет никакого значения, но я хотел бы избавить Алису от подобного удара. А теперь я вам все объясню; история долгая, но рассказ много времени не займет.

Вы не знали покойного, этого Маккарти. Он был самым дьяволом во плоти. Поверьте мне. Упаси вас Бог от людей, подобных ему. Двадцать лет он держал меня в своих когтях и погубил мою жизнь. Сначала я поведаю вам, как попал в зависимость от него.

Это случилось в начале шестидесятых, на приисках. Я был тогда молодым парнем, горячим и бесшабашным, готовым на любую авантюру; попал в дурную компанию, пристрастился к выпивке, участок, выделенный мне под разработку, оказался пустым, я начал бродяжничать – словом, стал тем, кого здесь называют разбойниками с большой дороги. Нас было шестеро, мы вели вольную, разгульную жизнь, время от времени совершали налеты на станции или оставляли повозки на дороге, ведущей к приискам. Черный Джек из Балларэта – таким меня тогда наградили прозвищем, а банду нашу до сих пор помнят в провинции как знаменитую балларэтскую банду.

Однажды в Мельбурн из Балларэта отправился конвой с грузом золота, мы устроили засаду и напали на него. Охранников было шестеро, нас – тоже, так что предприятие носило рискованный характер, но мы первым же залпом уложили четверых из шести всадников. Однако и трое из наших были убиты, прежде чем мы успели унести награбленное добро. Я приставил пистолет к голове кучера, которым оказался этот самый Маккарти. Господи, лучше бы я убил его тогда, но я его пощадил, хотя видел, как он уставился на меня своими маленькими злобными глазками – словно хотел получше запомнить. Мы сбежали с золотом, разбогатели таким образом и, не вызвав подозрений, вернулись в Англию. Здесь я порвал с бывшими приятелями и решил начать спокойную и достойную жизнь. Купил это поместье, в тот момент выставленное на продажу, и взял за правило тратить деньги на добрые дела, чтобы хоть отчасти возместить то зло, вследствие которого они мне достались. Я женился, правда, жена моя умерла молодой, но успела оставить мне мою дорогую маленькую Алису. Даже когда дочка была еще младенцем, ее крохотная ручка, казалось, вела меня по верному жизненному пути. Словом, я перевернул страницу прежней жизни и изо всех сил старался забыть о ней. Все шло хорошо, пока Маккарти не схватил меня за горло.

Отправившись однажды по делам в город, я встретил его на Риджент-стрит, он был, можно сказать, гол и бос.

– А вот и мы, Джек, – сказал он, тронув меня за плечо. – Теперь мы станем твоей семьей. Нас двое: я и мой сын, тебе придется о нас позаботиться. И попробуй только отказаться – это ведь законопослушная старая добрая Англия, тут всегда найдется поблизости полицейский.

И вот они явились в Уэст-Кантри, отделаться от них оказалось невозможно; с тех пор они и жили на моих лучших землях, не платя ни гроша за аренду. Я не знал ни минуты покоя и забвения; стоило мне оглянуться – за плечом всегда злорадно скалилась его коварная физиономия. Дело осложнилось, когда подросла Алиса, ибо он быстро уразумел, что я куда больше боюсь, как бы о моем прошлом не узнала она, чем полиция. Чего бы ни пожелал Маккарти, я предоставлял ему это, я давал ему все без вопросов – землю, деньги, дома, пока в конце концов он не потребовал то, что отдать ему я не мог. Он потребовал Алису.

Его сын подрос, как и моя дочь, а поскольку здоровье у меня было слабое, он задумал, чтобы его парень унаследовал все мое состояние. Но здесь я оставался тверд. Я ни за что не позволил бы его проклятому роду смешаться с моим; не то чтобы мне не нравился сам парень, но в его жилах текла кровь отца, и этого было для меня достаточно. Маккарти угрожал. Я готов был к самому худшему. Мы договорились встретиться у пруда на полпути между нашими домами и все обсудить.

Но, придя на место, я увидел, что он толкует о чем-то с сыном, и спрятался за деревом, решив подождать, когда он останется один. Однако по мере того, как я слушал его, все, что было во мне черного и злобного, поднималось из глубин души на поверхность. Маккарти понуждал своего сына жениться на моей дочери, при этом ему было совершенно наплевать на то, что она сама об этом думает, будто речь шла об уличной шлюхе. Я пришел в бешенство при мысли, что та, которая была для меня дороже всего на свете, может, как и я сам, оказаться во власти такого человека. Неужели мне не суждено разорвать эти оковы? Я уже знал, что умираю. Несмотря на ясность ума и силу, еще остававшуюся во мне, судьба моя была предрешена. Но мое доброе имя и моя девочка! И то и другое я мог спасти, лишь заткнув его поганую глотку. И я сделал это, мистер Холмс. И если бы пришлось, сделал бы снова. Сколько бы я ни грешил, большую часть жизни я провел, испытывая угрызения совести и пытаюсь искупить вину. Я терпел все, но мысль о том, что моя девочка угодит в те же сети, в которых бился я сам, была невыносима. Я свалил его одним ударом, чувствуя не больше раскаяния, чем безжалостное дикое животное. Крик Маккарти услышал его сын, но я успел скрыться в лесу, хотя мне пришлось вернуться и подобрать пальто, которое обронил, убегая. Вот вам, джентльмены, правдивая история о том, что произошло.

– Не мне судить вас, – сказал Холмс, когда старик подписывал свои показания. – Молю Бога, чтобы никто из нас никогда не оказался перед лицом такого искушения.

– Мне поздно молиться, сэр. Что вы намерены теперь делать?

– Учитывая состояние вашего здоровья, ничего. Вы ведь сами понимаете, что вам вскоре предстоит ответить перед судом куда более высоким, чем суд присяжных. Я сохраню ваши показания; только если Маккарти осудят, мне придется предъявить их. Если же нет, их никогда не увидит ни один смертный; и ваша тайна, умрете ли вы или будете живы, останется между нами.

– Тогда прощайте! – торжественно сказал старик. – И пусть мысль об утешении, которое вы даровали моей душе на пороге вечности, облегчит и ваш смертный час, когда он настанет. – Сдрогааясь всем телом, он неверной походкой медленно вышел из комнаты.

– Да поможет нам Бог! – воскликнул Холмс после долгой паузы. – Почему судьба так жестоко играет жалкими беспомощными червями, подобными нам всем? Никогда не слышал ничего более душераздирающего, и мне остается лишь, перефразируя Бакстера, сказать: «Если бы не милость Божия, шел бы так и Шерлок Холмс».

Джеймс Маккарти был оправдан выездным судом присяжных под давлением множества опровергающих его вину доказательств, представленных Холмсом. Старый Тернер прожил еще семь месяцев после той памятной встречи, но теперь его уже нет в живых. Есть все основания полагать, что сын и дочь наших героев будут жить вместе счастливо, ничего не ведая о черной туче, покрывающей прошлое их отцов.

Пять апельсиновых зернышек ¹⁷

Когда я просматриваю свои заметки о Шерлоке Холмсе за период с 1882-го по 1890 год, я нахожу так много интересных и необычных дел, что просто не знаю, какие выбрать. Правда, некоторые из них уже были описаны в печати, а другие не дали Холмсу возможности выказать те удивительные способности, которыми он обладал в столь высокой степени и которые я поставил себе целью охарактеризовать в настоящих записках. Кое-какие из этих дел не поддавались даже его анализу и в пересказе явили бы собой повести без развязки, тогда как иные были распутаны лишь частично и объяснение их основывалось скорее на предположениях и догадках, нежели на излюбленных им строго логических доказательствах. В числе этих последних имеется, однако, случай, детали которого столь любопытны, а результаты столь неожиданны, что мне хотелось бы рассказать о нем, хотя с ним связаны такие обстоятельства, которые никогда не были и, по всей вероятности, никогда не будут полностью выяснены.

Под 1887 годом значится длинный список более или менее интересных дел. Все они записаны мной. Вот некоторые из них: «Пэредол Чэмбер», Общество Нищих-Любителей, имевших роскошный клуб в подвальном помещении большого мебельного магазина; факты, связанные с гибелью британского парусника «Софи Эндерсон»; удивительные приключения Грайса Петерсона на острове Юффа и, наконец, Кэмберуэллское дело об отравлении. В последнем случае Шерлок Холмс, заводя часы покойника, убедился, что часы были заведены всего за два часа перед этим. Отсюда он заключил, что умерший лег спать приблизительно в это самое время, – вывод, имевший огромное значение для раскрытия преступления. Все эти дела я, может быть, опишу когда-нибудь позже, но ни одно из них не обладает такими своеобразными чертами, как те необычайные события, которые я намерен сейчас изложить.

Стоял конец сентября, и осенние бури свирепствовали с неслыханной яростью. Целый день завывал ветер, и дождь так громко барабанил в окна, что даже здесь, в самом сердце Лондона, этого огромного творения рук человеческих, мы невольно отвлекались на миг от привычной повседневности и ощущали присутствие грозных сил разбушевавшейся стихии, которые, подобно запертым в клетку диким зверям, рычат на смертных, укрывшихся за решетками цивилизации. К вечеру буря разыгралась сильнее; ветер в трубе плакал и всхлипывал, как ребенок.

Шерлок Холмс мрачно сидел у камина и приводил в порядок свою картотеку, а я, расположившись напротив, так углубился в чтение превосходных морских рассказов Кларка Рассела, что мне стало казаться, будто этот шторм застиг меня в океане, а шум дождя – не что иное, как рокот морских волн. Моя жена гостила у тетки, и я на несколько дней устроился в нашей старой квартире на Бейкер-стрит.

– Послушайте, кажется, звонят, – сказал я, взглянув на Холмса. – Кто может прийти сегодня? Кто-нибудь из ваших друзей?

– Кроме вас, друзей у меня нет, – ответил Холмс. – А в гости ко мне никто не ходит.

– Может быть, клиент?

– Если так, дело должно быть очень серьезное. Что может заставить человека выйти на улицу в такую погоду и в такой поздний час? Но скорее всего это какая-нибудь кумушка, приятельница нашей хозяйки.

Однако Холмс ошибся, потому что в прихожей послышались шаги и кто-то постучал в нашу дверь. Холмс протянул свою длинную руку и повернул лампу от себя так, чтобы свет падал на пустое кресло, предназначенное для посетителя.

– Войдите! – сказал он.

¹⁷ © Перевод. Н. Войтинская, наследники, 2009.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, изящно одетый, с некоторой изысканностью в манерах. Зонт, с которого ручьем текла вода, и блестящий от сырости длинный непромокаемый плащ свидетельствовали о непогоде. Вошедший тревожно огляделся, и при свете лампы я увидел, что лицо его бледно, а глаза распухли, как у человека, подавленного тяжким горем.

– Дайте мне ваш плащ и ваш зонт, – сказал Холмс. – Я повешу их здесь, на крючок, и они быстро высохнут. Я вижу, вы приехали с юго-запада.

– Да, из Хоршема.

– Смесь глины и мела на носках ваших ботинок очень характерна для тех мест.

– Я пришел к вам за советом.

– Советовать просто.

– И за помощью.

– А вот это не всегда так просто.

– Я слышал о вас, мистер Холмс. Я слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его во время скандала в клубе Тэнкервилл.

– А-а, помню. Его ложно обвинили в шулерстве.

– Он сказал, что вы можете раскрыть любую тайну.

– Ну, он преувеличивает.

– По его словам, вы никогда не знали неудач.

– У меня было четыре неудачи. Три раза меня перехитрили мужчины и один раз женщина.

– Но это ничто по сравнению с числом ваших побед.

– Да, обычно я добивался успеха.

– В таком случае надеюсь, что вы добьетесь успеха и в моем деле.

– Прошу вас придвинуть кресло ближе к камину и рассказать подробности дела.

– Дело это необыкновенное.

– Других у меня и не бывает. Я – последняя инстанция.

– И все же, сэр, я сомневаюсь, чтобы вам когда-либо приходилось слышать о таких непостижимых и таинственных событиях, как те, которые произошли в моей семье.

– Вы меня чрезвычайно заинтересовали, – сказал Холмс. – Пожалуйста, изложите нам по порядку основные факты, а потом я спрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне наиболее важными.

Молодой человек придвинул кресло и протянул мокрые ноги к пылающему камину.

– Меня зовут Джон Опеншо, – сказал он. – Но насколько я понимаю, мои личные дела мало связаны с этими ужасными событиями. Это дело перешло ко мне по наследству, и поэтому, чтобы дать вам представление о нем, я должен вернуться к самому началу всей истории. У моего деда было два сына: мой дядя Элайес и мой отец Джозеф. Мой отец владел небольшой фабрикой в Ковентри, которую он расширил, когда появились велосипеды. У него был патент на нервущиеся шины «Опеншо», и дело шло так успешно, что он смог продать свою фабрику и удалиться на покой вполне обеспеченным человеком.

Мой дядя Элайес в молодые годы эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, говорят, дела его шли блестяще. Во время войны он сражался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и дослужился до чина полковника. Когда Ли сложил оружие, мой дядя возвратился на свою плантацию, где прожил три или четыре года. В 1869-м или 1870 году он вернулся в Европу и приобрел небольшое поместье в Сассексе, близ Хоршема. В Соединенных Штатах он нажил значительное состояние и покинул Америку, потому что ненавидел негров и был недоволен политикой республиканской партии, предоставившей им избирательное право. Дядя был странный человек: он был жесток, вспыльчив, в гневе изрыгал страшные ругательства и был очень нелюдим. Сомневаюсь, чтобы за все годы, прожитые близ Хоршема, он хоть раз побывал в городе. Дом его стоял в саду, среди лугов, и там он совершал

прогулки, хотя часто неделями не выходил из своей комнаты. Он много пил и курил, избегал всякого общества, в том числе даже родного брата. Ко мне он, пожалуй, даже привязался, хотя впервые мы встретились, когда мне было лет двенадцать. Это произошло в 1878 году, через восемь или девять лет после его приезда в Англию. Он упросил моего отца отпустить меня жить к нему и был ко мне по-своему очень добр. Когда он бывал трезв, он любил играть со мной в триктрак и в шашки. Он поручил мне присматривать за прислугой и вести все дела с торговцами, так что в шестнадцать лет я стал полным хозяином в доме. У меня хранились все ключи, и я мог ходить куда угодно и делать все, что мне вздумается, при одном условии: не нарушать уединения дяди. Впрочем, было еще одно странное правило: дядя никому не разрешал заходить в запертый чулан на чердаке. Из мальчишеского любопытства я подглядывал в замочную скважину, но ни разу не увидел ничего, кроме старых сундуков и узлов.

Однажды – это было в марте 1883 года – на столе возле прибора дяди оказалось письмо с иностранной маркой. Дядя почти никогда не получал писем, потому что за покупки он всегда платил наличными, а друзей у него не было.

«Из Индии, – сказал он, взяв письмо. – Почтовый штемпель Пондишери! Что бы это могло быть?»

Дядя поспешно разорвал конверт, и из него высыпались на тарелку пять сухих зернышек апельсина. Я было рассмеялся, но улыбка застыла у меня на губах, когда я взглянул на дядю. Нижняя губа у него отвисла, глаза вылезли из орбит, лицо посерело; он смотрел на конверт, который все еще держал в дрожащей руке.

«Три „К“! – воскликнул он, а затем: – Боже мой, Боже мой! Вот расплата за мои грехи!»

«Что это, дядя?» – спросил я.

«Смерть», – сказал он, встал из-за стола и ушел к себе, оставив меня в недоумении и ужасе.

Я взял конверт и увидел, что на внутренней стороне клапана, возле полосы клея, красными чернилами была три раза написана буква «К». В конверте не было ничего, кроме пяти сухих зернышек апельсина. Почему дядя так испугался?

Я вышел из-за стола и взбежал по лестнице вверх. Навстречу спускался дядя. В одной руке у него был старый, заржавленный ключ, должно быть, от чердака, а в другой – небольшая медная шкатулка.

«Пусть они делают что хотят, я им еще покажу! – проговорил он, сопровождая свои слова проклятием. – Вели Мэри затопить камин в моей комнате и пошли в Хоршем за адвокатом Фордхэмом».

Я выполнил его приказания, и, когда приехал адвокат, меня позвали в комнату дяди. Пламя ярко пылало, а в камине лежала куча черного пушистого пепла, по-видимому, от сожженных бумаг. Рядом с камином стояла открытая пустая шкатулка. Взглянув на нее, я невольно вздрогнул, так как заметил на внутренней стороне крышки три буквы «К» – точно такие же, как на конверте.

«Я хочу, Джон, чтобы ты был свидетелем при составлении завещания, – сказал дядя. – Я оставляю свое поместье моему брату, твоему отцу, от которого оно, несомненно, перейдет к тебе. Если ты сможешь спокойно владеть им, отлично! Если же ты убедишься, что это невозможно, то послушайся моего совета, мой мальчик, и передай поместье своему злейшему врагу. Мне очень жаль, что приходится оставлять тебе такое сомнительное наследство, но я не знаю, какой оборот примут дела. Будь добр, подпиши бумагу там, где тебе укажет мистер Фордхэм».

Я подписал бумагу, как мне велели, и адвокат взял ее с собой. Этот странный случай произвел на меня, как вы понимаете, очень глубокое впечатление, и я все время думал о нем, тщетно пытаюсь найти разгадку. Я не мог отделаться от смутного чувства страха, хотя оно приглушалось, по мере того как шло время и ничто не нарушало привычного течения нашей жизни. Правда, я заметил перемену в дяде. Он пил больше прежнего и стал еще более нелюдимым.

Большую часть времени он сидел в своей комнате, закрыв дверь на ключ, но иногда, словно в каком-то пьяном бреду, выскакивал из дому и принимался бегать по саду с револьвером в руке, крича, что никого не боится и не позволит ни человеку, ни дьяволу держать его взаперти, как овцу в загоне. Однако когда эти приступы проходили, он снова запирался в своей комнате на ключ и на засовы, как человек, охваченный безумным страхом. При этом лицо его даже в холодные дни блестело от влаги, как будто он только что окунул его в таз с водой.

Чтобы покончить с этой историей, мистер Холмс, и не злоупотреблять вашим терпением, добавлю только, что однажды ночью он совершил одну из своих пьяных вылазок и больше не вернулся. Отправившись на поиски, мы нашли его в маленьком, заросшем тиной пруду в глубине сада. Он лежал ничком. На теле не обнаружили никаких признаков насилия, а пруд был не более двух футов глубиной. Поэтому присяжные, принимая во внимание чудачества дяди, сочли причиной его смерти самоубийство. Но я знал, как его пугала самая мысль о смерти, и не мог убедить себя, что он сознательно лишил себя жизни. Как бы то ни было, на этом дело кончилось, и мой отец вступил во владение поместьем и четырнадцатью тысячами фунтов, которые лежали на его текущем счете в банке...

– Простите, – перебил его Холмс. – Ваше сообщение в высшей степени интересно. Назовите, пожалуйста, дату получения вашим дядей письма и дату его предполагаемого самоубийства.

– Письмо пришло десятого марта 1883 года. Он умер через семь недель, в ночь на второе мая.

– Благодарю вас. Пожалуйста, продолжайте.

– Когда отец вступил во владение хоршемской усадьбой, он по моему настоянию тщательно осмотрел чердак. Мы нашли там медную шкатулку. Все ее содержимое было уничтожено. На внутренней стороне крышки была приклеена бумажка с тремя буквами «К» и надписью внизу: «Письма, записи, расписки и реестр». Как мы полагаем, эти слова указывали на содержание бумаг, уничтоженных полковником Опеншо. Кроме этого, на чердаке не было ничего существенного, если не считать множества разрозненных бумаг и записных книжек того времени, когда дядя жил в Америке. Некоторые из них относились ко времени войны и свидетельствовали о том, что дядя хорошо выполнял свой долг и заслужил репутацию храброго солдата. Другие бумаги относились к периоду реконструкции Южных штатов и по большей части касались политики, так как дядя, очевидно, играл большую роль в оппозиции «саквояжникам» – политическим деятелям, присланным с Севера.

Так вот, в начале 1884 года отец поселился в Хоршеме, и до января 1885 года все шло как нельзя лучше. Четвертого января, когда мы сидели за завтраком, отец внезапно вскрикнул от изумления. В одной руке он держал только что вскрытый конверт, а на ладони другой руки – пять сухих апельсиновых зернышек. Он всегда высмеивал мои, как он выражался, небылицы насчет полковника, а теперь, получив такое же послание, очень удивился и встревожился.

«Что бы это могло значить, Джон?» – пробормотал он.

У меня дрогнуло сердце.

«Это три буквы „К“», – ответил я.

Отец заглянул внутрь конверта.

«Да, те же самые буквы! – вскричал он. – Но над ними что-то написано».

«Положите бумаги на солнечные часы», – прочитал я, заглянув ему через плечо.

«Какие бумаги? Какие солнечные часы?» – спросил он.

«Солнечные часы в саду, других здесь нет. А бумаги, должно быть, те, которые уничтожены».

«Черт возьми! – сказал он, овладев собой. – Мы живем в цивилизованной стране. Здесь не место подобной чепухе. Откуда это письмо?»

«Из Данди», – ответил я, взглянув на почтовую марку.

«Чья-нибудь нелепая шутка, – сказал он. – Какое мне дело до солнечных часов и каких-то бумаг? Стоит ли обращать внимание на всякий вздор!»

«Я бы заявил в полицию», – сказал я.

«Чтобы меня подняли на смех? И не подумаю».

«Тогда позвольте мне это сделать».

«Ни в коем случае. Я не хочу поднимать шум из-за пустяков».

Уговаривать отца было бесполезно: он был очень упрям. Меня охватили тяжелые предчувствия.

На третий день после получения письма отец поехал навестить своего старого друга майора Фрибоди, который командует одним из фортов Портсдаун-Хилл. Я был рад, что он уехал: мне казалось, что вне дома он подвергается меньшей опасности. Но я ошибся. На второй день после его отъезда я получил от майора телеграмму с просьбой немедленно приехать. Отец свалился в один из глубоких меловых карьеров, которыми изобилует местность, и лежал без чувств, с проломленным черепом. Я поспешил к нему, но он умер, не приходя в сознание. Повидимому, он возвращался из Фэрема в сумерки, а так как местность была ему незнакома и меловые карьеры ничем не огорожены, дознание не колеблясь вынесло вердикт: «Смерть от несчастного случая».

Я тщательно изучил обстоятельства его смерти, но не мог обнаружить ничего, что указывало бы на убийство. Отца не ограбили, на его теле не было никаких признаков насилия, дознание не обнаружило никаких следов, на дорогах не было замечено никаких подозрительных лиц. Но нужно ли говорить, что я потерял покой и был почти уверен, что отцу подстроили ловушку.

При таких мрачных обстоятельствах я вступил в права наследства. Вы спросите меня, почему я не отказался от него? Отвечу: я был убежден, что все наши несчастья каким-то образом связаны с давними событиями в жизни моего дяди и что опасность будет угрожать мне, где бы я ни находился.

Мой бедный отец скончался в январе 85-го года; с тех пор прошло два года и восемь месяцев. Все это время я мирно прожил в Хоршеме и начал уже надеяться, что это проклятие не тяготеет над нашей семьей после гибели старшего поколения. Однако я слишком рано успокоился: вчера утром меня постиг такой же удар, какой постиг моего отца.

Молодой человек вынул из жилетного кармана смятый конверт и, повернувшись к столу, высыпал на него пять маленьких сухих зернышек апельсина.

– Вот конверт, – продолжал он. – Почтовый штемпель – Лондон-восточный. Внутри те же слова, которые были в письме, полученном моим отцом: три буквы «К», а затем «Положите бумаги на солнечные часы».

– Что вы предприняли? – спросил Холмс.

– Ничего.

– Ничего?

– По правде говоря, – проговорил он, закрыв лицо тонкими белыми руками, – я почувствовал себя беспомощным, как жалкий кролик, к которому подползает змея. Повидимому, надо мной тяготеет какой-то непреодолимый рок, от которого не спасут никакие предосторожности.

– Что вы говорите! – воскликнул Шерлок Холмс. – Нужно действовать, иначе вы погибли. Только энергичные меры могут вас спасти. Не время предаваться отчаянию.

– Я заявил в полицию.

– Ну и что же?

– Инспектор выслушал мой рассказ с улыбкой. Я убежден, что он считает эти письма чьей-то злой шуткой, а причиной смерти моих родных, как установило дознание, – несчастный случай, никак не связанный с этими предупреждениями.

Холмс потряс кулаками.

– Невероятная тупость! – воскликнул он.

– Впрочем, ко мне приставили полицейского, который постоянно дежурит в моем доме.

– Он пришел с вами сейчас?

– Нет, ему приказано находиться в доме.

Холмс снова потряс кулаками.

– Раз уж вы пришли ко мне, почему вы не пришли сразу? – спросил он.

– Я не знал... Я только сегодня поделился моими опасениями с майором Прендергастом, и он посоветовал мне обратиться к вам.

– Ведь прошло уже два дня, как вы получили письмо. Почему же вы не начали действовать? У вас есть еще какие-нибудь данные, кроме тех, которые вы нам сообщили? Какие-нибудь важные подробности, которые могли бы нам помочь?

– Есть одна вещь, – сказал Джон Опеншо. Он пошарил в кармане, достал лист выцветшей голубой бумаги и положил его на стол. – Помнится, что в тот день, когда дядя жег документы, я заметил, что необгоревшие края бумаг, лежавших среди пепла, были такого же цвета. Этот лист я нашел на полу в комнате дяди. Очевидно, он случайно отлетел в сторону и таким образом уцелел. Кроме упоминания о зернышках, я не вижу в этой бумаге ничего, что могло бы нам помочь. Я думаю, что это страница из какого-то дневника. Почерк, несомненно, дядин.

Холмс передвинул лампу, и мы оба нагнулись над листком бумаги. Судя по неровным краям, он был вырван из записной книжки. Наверху была надпись: «Март 1869 года», а внизу следующие загадочные заметки:

«4-го. Гудзон явился. Прежние убеждения.

7-го. Зернышки посланы Мак-Коули, Парамору и Джону Свейну из Сент-Огастина.

9-го. Мак-Коули убрался.

10-го. Джон Свейн убрался.

12-го. *Побывали* у Парамора. Все в порядке».

– Благодарю вас, – сказал Холмс, складывая бумагу и возвращая ее нашему посетителю. – Теперь нельзя терять ни минуты. Мы даже не можем тратить время на обсуждение того, что вы мне рассказали. Вам нужно немедленно вернуться домой и действовать.

– Что я должен сделать?

– Нужно сделать только одно, и притом немедленно. Положите бумагу, которую вы нам показали, в описанную вами медную шкатулку. Приложите записку и в ней сообщите, что все остальные бумаги сожжены вашим дядей и остался только этот лист. Изложите это по возможности убедительно. Сделав это, немедленно поставьте шкатулку на солнечные часы, как вам было велено. Понимаете?

– Вполне.

– Не думайте сейчас о возмездии или о чем-либо подобном. Я полагаю, что преступников можно будет покарать законным путем; но ведь нам еще предстоит сплести свою сеть, тогда как их сеть уже сплетена. Прежде всего надо предотвратить грозящую вам опасность, а потом уже раскрыть тайну и наказать виновных.

– Благодарю вас, – сказал молодой человек, вставая и надевая плащ. – Вы вдохнули в меня жизнь и надежду. Я последую вашему совету.

– Не теряйте ни минуты. И главное, будьте осторожны – нет сомнения, что вам угрожает страшная опасность. Как вы едете домой?

– Поездом, с вокзала Ватерлоо.

– Сейчас еще нет девяти часов. На улицах оченьлюдно, так что, надеюсь, вы будете в безопасности. И все же остерегайтесь.

– У меня есть оружие.

– Это хорошо. Завтра я примусь за ваше дело.

– Значит, я увижу вас в Хоршеме?

– Нет, нити вашего дела в Лондоне. Я буду искать их здесь.

– В таком случае я приеду к вам дня через два и сообщу, что случилось со шкатулкой и с бумагами. Я в точности выполню все ваши советы.

Он пожал нам руки и ушел.

Ветер по-прежнему завывал, а в окна стучал дождь. Казалось, этот странный, жуткий рассказ навеян обезумевшей стихией, занесен к нам, как морская трава заносится бурей.

Шерлок Холмс некоторое время сидел молча, опустив голову и устремив взгляд на красное пламя камина. Затем он закурил трубку и, откинувшись в кресле, стал следить за голубыми кольцами дыма, которые вились под потолком.

– Я думаю, Уотсон, что у нас еще не было такого фантастического дела, – проговорил он наконец.

– Пожалуй, если не считать «Знака четырех».

– Да, пожалуй... И все же мне кажется, что этому Джону Опеншо грозит еще большая опасность, чем Шолто.

– Но вы составили себе какое-нибудь представление об этой опасности? – спросил я.

– Об этом не может быть двух мнений, – ответил он.

– В чем же загадка? Кто этот «К. К. К.» и почему он преследует эту несчастную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза, оперся на подлокотники кресла и соединил кончики пальцев.

– Идеальный мыслитель, – заметил он, – рассмотрев со всех сторон единичный факт, может проследить не только всю цепь событий, результатом которых он является, но также и все вытекающие из него последствия. Подобно тому как Кювье мог правильно описать целое животное, глядя на одну его кость, наблюдатель, досконально изучивший одно звено в цепи событий, должен быть в состоянии точно установить все остальные звенья, и предшествующие и последующие. Мы еще не поняли многих вещей, которые можно постичь только разумом. Посредством умозаключений можно решить такие задачи, которые ставили в тупик всех, кто искал их решения с помощью своих чувств. Однако чтобы довести это искусство до совершенства, мыслитель должен иметь возможность использовать все известные ему факты, а это само по себе предполагает, как вы легко убедитесь, исчерпывающие познания во всех областях науки, что даже в наши времена бесплатного образования и энциклопедий – качество весьма редкое. Значительно легче представить себе человека, изучившего все, что может оказаться полезным для его деятельности, и к этому я со своей стороны как раз и стремился. Если память мне не изменяет, вы в ранние дни нашей дружбы очень точно определили границы моих познаний.

– Да, это был любопытный документ, – засмеялся я. – Помнится, что ваши сведения по философии, астрономии и политике равнялись нулю. Познания в ботанике были отрывочные, в геологии – глубокие, поскольку дело касается пятен грязи из любой местности в окрестности пятидесяти миль от Лондона; в химии – оригинальные; в анатомии – бессистемные; в уголовной и судебной хронике – исключительные. Кроме того, там говорилось, что вы скрипач, боксер, фехтовальщик, адвокат, злостный кокаинист и курильщик. Таковы были главные пункты моего анализа.

Последний пункт заставил Холмса усмехнуться.

– Что ж, я говорю сейчас, как говорил и тогда, что человек должен обставить чердак своего мозга всем, что ему может понадобиться, остальную же утварь сложить в чулан при своей библиотеке, чтобы в случае надобности она всегда была под рукой. Для такого дела, какое было предложено нам сегодня вечером, мы, конечно, должны подтянуть все свои резервы. Дайте мне, пожалуйста, том Американской энциклопедии на букву «К». Он стоит на полке рядом с вами. Благодарю вас. Теперь обсудим все обстоятельства и посмотрим, какой можно сделать

из них вывод. Прежде всего весьма вероятно, что у полковника Опеншо были очень серьезные причины покинуть Америку. В его годы люди не склонны менять все свои привычки и добровольно отказываться от прелестного климата Флориды ради уединенной жизни в английском провинциальном городке. Его крайнее пристрастие к одиночеству в Англии наводит на мысль, что он боялся кого-то или чего-то, и, следовательно, мы можем принять как рабочую гипотезу, что именно страх перед кем-то или чем-то выгнал его из Америки. О том, чего именно он боялся, мы можем судить лишь на основании зловещих писем, которые были получены им и его наследниками. Вы заметили, какие почтовые марки были на этих письмах?

– Первое письмо из Пондишери, второе – из Данди, третье – из Лондона.

– Из восточной части Лондона! Какой вы можете сделать отсюда вывод?

– Это все морские порты. Очевидно, отправитель находился на борту корабля.

– Великолепно. У нас уже есть ключ к загадке. Вероятно, весьма вероятно, что отправитель находился на борту корабля. А теперь рассмотрим еще один пункт. В случае когда письмо было послано из Пондишери, между угрозой и ее выполнением прошло семь недель; в случае же, когда письмо было из Данди, прошло всего три-четыре дня. Это вас наводит на какую-нибудь мысль?

– В первом случае надо было проехать большее расстояние.

– Но ведь письмо тоже должно было пройти большее расстояние.

– Тогда я не понимаю.

– Остается предположить, что судно, на котором находится этот человек – или эти люди, – парусник. Похоже на то, что они всегда посылали свое странное предупреждение или знак перед тем, как отправиться на выполнение своей цели. Вы видите, как быстро действие последовало за знаком, посланным из Данди. Если бы они ехали из Пондишери пароходом, они прибыли бы почти одновременно с письмом. Но в действительности прошло семь недель. Я думаю, что семь недель составляют разницу между скоростью почтового парохода, доставившего письмо, и скоростью парусника, доставившего автора письма.

– Это возможно.

– Более того. Это вероятно. Теперь вы видите, что дело не терпит отлагательства, и понимаете, почему я настаивал, чтобы молодой Опеншо был осторожен. Катастрофа каждый раз происходила к концу срока, который нужен был отправителям письма, чтобы приехать на паруснике. Но ведь это письмо послано из Лондона, и поэтому мы не можем рассчитывать на отсрочку.

– Боже мой! – воскликнул я. – Что же значит это беспощадное преследование?

– Очевидно, бумаги, которые в свое время увез Опеншо, чрезвычайно важны для человека или для людей, находящихся на паруснике. Совершенно очевидно, что он там не один. Один человек не мог бы совершить два убийства таким образом, чтобы ввести в заблуждение дознание. В этом деле, по-видимому, участвовало несколько человек, притом люди изобретательные и решительные. Свои бумаги они твердо решили получить независимо от того, в чьих руках они находятся. Таким образом, вы видите, что «К. К. К.» не инициалы одного человека, а знак целого общества.

– Но какого общества?

– Вы никогда не слышали о ку-клукс-клане? – сказал Шерлок Холмс, наклоняясь ко мне и понижая голос.

– Никогда.

Холмс перелистал страницы книги, лежавшей у него на коленях.

– Вот что здесь говорится: «Ку-клукс-клан. Название основано на сходстве с своеобразным звуком взводимого ружейного затвора. Это внушающее страх тайное общество было учреждено бывшими солдатами армии южан после Гражданской войны; вскоре были образованы местные отделения в различных штатах, главным образом в Теннесси, в Луизиане, в Север-

ной и Южной Каролине, в Джорджии и во Флориде. Это общество преследовало политические цели: устрашение негритянских избирателей, а также убийство или изгнание из страны противников его взглядов. Преступлениям членов ку-клукс-клана обычно предшествовало предупреждение, посланное намеченному лицу в причудливой, но широко известной форме: в некоторых частях страны это была ветка дубовых листьев, в других – семена дыни или зернышки апельсина. Получив такое предупреждение, жертва могла либо открыто отречься от своих прежних взглядов, либо покинуть страну. Если человек игнорировал предупреждение, его ожидала верная смерть, обычно постигавшая его каким-либо странным и неожиданным образом. Общество отличалось такой совершенной организацией и такими последовательными методами, что не зарегистрировано почти ни одного случая, когда человеку удалось бы безнаказанно пренебречь предупреждением или когда виновники злодеяния были бы найдены. Несколько лет организация процветала, несмотря на усилия правительства Соединенных Штатов и лучших слоев населения Юга. В конце концов в 1869 году движение неожиданно прекратилось, хотя отдельные явления подобного рода наблюдались и позже».

Заметьте, – сказал Холмс, откладывая том энциклопедии, – что внезапное прекращение деятельности общества совпадает по времени с отъездом из Америки Опеншо, увезшего с собой его бумаги. Весьма возможно, что это и причина и следствие. Не приходится удивляться, что за Опеншо и его семьей охотятся наиболее непримиримые члены общества. Вы понимаете, что эта опись и дневники могут опорочить виднейших деятелей Юга и что многие не будут спать спокойно, пока не завладеют этими бумагами.

– Значит, страница, которую мы видели, представляет собой...

– Именно то, чего можно было ожидать. Если память мне не изменяет, там было написано: «Посланы зернышки А., Б. и В.» – то есть этим людям послали предупреждение общества. Затем следуют записи, что А. и Б. убралась, то есть покинули страну, и, наконец, что *побывали* у В. Боюсь, что для В. это кончилось плохо. Я думаю, доктор, нам удастся пролить некоторый свет на это темное дело, а тем временем единственное спасение для молодого Опеншо – действовать так, как я ему посоветовал. Сегодня мы не можем больше ничего ни сказать, ни сделать. Передайте мне мою скрипку, и попытаемся на полчаса забыть отвратительную погоду и еще более отвратительные поступки наших ближних.

К утру буря стихла, и сквозь туманный покров, нависший над Лондоном, тускло засветило солнце. Шерлок Холмс уже завтракал, когда я спустился вниз.

– Извините, что я вас не подождал, – сказал он. – Я предвижу, что мне предстоит много возни с делом молодого Опеншо.

– Что вы собираетесь предпринять? – спросил я.

– Это в значительной степени зависит от того, что дадут мои первые расследования. Может быть, мне придется еще съездить в Хоршем.

– Вы не собираетесь начать с этой поездки?

– Нет, я начну с Сити. Позвоните, служанка принесет вам кофе.

В ожидании кофе я взял со стола газету и стал бегло ее просматривать. Я увидел заголовок, от которого у меня упало сердце.

– Холмс, – воскликнул я, – вы опоздали!

– А-а! – сказал он, отставляя чашку. – Я этого опасался. Как это произошло? – Он говорил спокойно, но я видел, что он глубоко взволнован.

– Мне бросилось в глаза имя Опеншо и заголовок «Трагедия у моста Ватерлоо». Вот что тут сказано:

«Вчера между девятью и десятью вечера констебль Кук, дежуривший у моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Ночь была исключительно темная и бурная, так что, несмотря на помощь нескольких прохожих, спасти тонувшего не удалось. Между тем констебль

поднял тревогу, и при содействии речной полиции тело было найдено. Утопленник – молодой человек, имя которого, судя по конверту, найденному у него в кармане, Джон Опеншо, проживавший близ Хоршема. Предполагают, что он спешил к последнему поезду, отходившему с вокзала Ватерлоо, и что вследствие исключительной темноты второпях сбился с дороги, оступился и упал в воду с одной из маленьких пристаней речного пароходства. На теле не обнаружено следов насилия, и нет никакого сомнения в том, что покойный оказался жертвой несчастного случая, каковой должен привлечь внимание властей к состоянию речных пристаней».

Несколько минут мы сидели молча. Я никогда не видел Холмса таким потрясенным и угнетенным.

– Это наносит удар моему самолюбию, – сказал он наконец. – Бесспорно, это – мелкое чувство, но это наносит удар моему самолюбию. Теперь дело Опеншо становится для меня личным делом, и, если Бог ниспошлет мне здоровье, я доберусь до этой банды. Он пришел ко мне за помощью, а я послал его на смерть!

Он вскочил со стула и в страшном волнении зашагал по комнате, нервно ломая длинные тонкие руки. Бледное лицо его пылало.

– Вот хитрые дьяволы! – выкрикнул он наконец. – Как им удалось заманить его туда, вниз, к реке? Набережная совсем не по дороге к станции. На мосту, конечно, даже в такой вечер было оченьлюдно. Однако посмотрим, кто в конечном счете победит. Я ухажу.

– В полицию?

– Нет, я сам буду полицией. Когда я сплету паутину, полиция может ловить в нее мух.

Весь день я был занят своей медицинской практикой и вернулся на Бейкер-стрит поздно вечером. Шерлок Холмс еще не приходил. Было уже около десяти часов, когда он возвратился, бледный и усталый. Он подошел к буфету и, отломив кусок хлеба, стал жадно жевать, запивая большими глотками воды.

– Проголодались? – заметил я.

– Умираю с голоду. Совершенно забыл поесть. С завтрака не было во рту ни крошки.

– Да что вы?

– Ни крошки. Мне некогда было об этом и думать.

– А как дела?

– Превосходно.

– Вы нашли ключ к загадке?

– Преступники у меня в руках. Молодой Опеншо недолго останется неотмщенным. Знаете что, Уотсон, давайте заклеим этих дьяволов их собственным клеймом! Неплохо придумано, а?

– Что вы хотите сказать?

Он взял из буфета апельсин, разделил его на дольки и выдавил на стол зернышки. Пять зернышек он положил в конверт, написал на внутренней стороне клапана «Ш. Х. за Д. О.», запечатал конверт и адресовал письмо «Капитану Джеймсу Кэлхуну, парусник „Одинокая звезда“, Саванна, Джорджия».

– Письмо будет ждать Кэлхуна, когда он войдет в порт, – с усмешкой сказал Холмс. – Думаю, что ему предстоит бессонная ночь. Письмо предскажет ему судьбу так же безошибочно, как и Опеншо.

– А кто такой капитан Кэлхун?

– Вожак всей шайки. Я доберусь и до других, но он будет первым.

– Как вы их нашли?

Он достал из кармана большой лист бумаги, сплошь исписанный датами и названиями.

– Я провел весь день, просматривая Ллойдовскую картотеку и подшивки старых газет, изучая путь каждого корабля, побывавшего в Пондишери в январе и феврале 83-го года. За эти месяцы в регистре отмечено тридцать шесть судов значительного водоизмещения. Одно

из них, «Одинокая звезда», сразу привлекло мое внимание. Правда, местом его отправления был Лондон, но зато «Одинокая звезда» – ведь так называют один из американских штатов.

– Кажется, Техас.

– Не знаю точно, какой именно, но я понял, что это судно американское.

– Что же дальше?

– Я просмотрел даты прибытия и отправления судов в Данди, и, когда обнаружил, что парусник «Одинокая звезда» был там в январе 85-го года, мои подозрения обратились в уверенность. Тогда я навел справки относительно судов, находящихся в настоящее время в Лондонском порту.

– И что же?

– «Одинокая звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я поехал в доки Альберта и узнал, что сегодня рано утром «Одинокая звезда» ушла вниз по реке, направляясь обратно в Саванну. Я телеграфировал в Грейвсенд и выяснил, что «Одинокая звезда» проходила там несколько часов назад, а так как ветер восточный, я не сомневаюсь, что она уже миновала Гудуин и находится недалеко от острова Уайт.

– Что же вы теперь собираетесь делать?

– О, Кэлхун теперь у меня в руках! Я узнал, что он и два его помощника – единственные американцы на корабле. Все остальные финны и немцы. Я знаю также, что прошлую ночь все трое провели на берегу. Это мне сказал человек, который работал на погрузке «Одинокой звезды». Прежде чем парусник достигнет Саванны, почтовый пароход доставит туда мое письмо, а телеграф сообщит саваннской полиции, что этих троих джентльменов с нетерпением ждут здесь в связи с обвинением в убийстве.

Однако в самых лучших человеческих планах всегда оказывается какой-нибудь изъян, и убийцам Джона Опеншо не суждено было получить зернышки апельсина в знак того, что некто, столь же хитрый и решительный, как и они сами, напал на их след.

В том году осенние штормы были на редкость продолжительны и жестоки. Мы долго ждали из Саванны вестей об «Одинокой звезде», но так и не дождались. Наконец пришло сообщение, что где-то далеко в волнах Атлантического океана обнаружен ахтерштевень какого-то судна; на нем были вырезаны буквы «О. З.». Это все, что нам суждено было узнать о судьбе «Одинокой звезды».

Человек с рассеченной губой¹⁸

Айза Уитни, брат покойного Элиаса Уитни, доктора богословия, директора богословского колледжа Св. Георгия, приучился курить опий. Еще в колледже, прочитав книгу де Куинси, в которой описываются сны и ощущения курильщика опия, он из нелепой прихоти начал подмешивать опий к табаку, чтобы пережить то, что пережил этот писатель. Как и многие другие, он скоро убедился, что начать курить гораздо легче, чем бросить, и в продолжение многих лет был рабом своей страсти, внушая сожаление и ужас всем своим друзьям. Я так и вижу перед собой его желтое, одутловатое лицо, его глаза с нависшими веками и сузившимися зрачками, его тело, бессильно лежащее в кресле, – жалкую развалину, обломок благородного человека.

Однажды вечером, в июне 1889 года, как раз в то время, когда начинаешь уже зевать и посматривать на часы, в квартире моей раздался звонок. Я выпрямился в кресле, а жена, опустив свое шитье на колени, недовольно поморщилась.

– Пациент! – сказала она. – Тебе придется идти к больному.

Я вздохнул, потому что незадолго до этого вернулся домой после целого дня утомительной работы.

Мы слышали шум отворяемой двери, чьи-то торопливые голоса и быстрые шаги в коридоре. Дверь комнаты распахнулась, и вошла дама в темном платье, с черной вуалью на лице.

– Извините, что я ворвалась так поздно, – начала она и вдруг, потеряв самообладание, бросилась к моей жене, обняла ее и зарыдала у нее на плече. – Ох, у меня такое горе! – воскликнула она. – Мне так нужна помощь!

– Да ведь это Кэт Уитни, – сказала жена, приподняв ее вуаль. – Как ты испугала меня, Кэт! Мне и в голову не пришло, что это ты.

– Я просто не знаю, что делать. Вот и решила приехать к тебе.

Это было обычным явлением. Люди, с которыми случалась беда, устремлялись к моей жене, как птицы к маяку.

– И правильно поступила! Садись поудобнее, выпей вина с водой и рассказывай, что случилось. Может быть, ты хочешь, чтобы я отправила Джеймса спать?

– Нет, нет! От доктора я тоже жду совета и помощи. Речь идет об Айзе. Вот уже два дня, как он не приходит домой. Я так боюсь за него.

Не в первый раз беседовала она с нами о своем несчастном муже – со мной как с доктором, а с женой как со своей старой школьной подругой. Мы утешали и успокаивали ее как могли. Знает ли она, где находится ее муж? Может быть, нам удастся привезти его домой?

Да, найти его – дело нетрудное. По ее словам, в последнее время он ходит курить опий в один и тот же притон. Это в Сити, в отдаленном восточном квартале. До сих пор его оргии длились всего один день, и к вечеру он обычно возвращался домой в полном изнеможении, совершенно разбитый. Но на этот раз его нет двое суток, и он, конечно, валяется там, среди подонков из порта, вдыхая ядовитый дым или забывшись тяжелым сном. Она была убеждена, что он в «Золотом самородке», на Аппер-Суондам-лейн. Но что ей делать? Не может же она, молодая, застенчивая, робкая женщина, пойти туда, чтобы вызволить своего мужа из этого хулиганского логова? Вот как обстояло дело, и помочь ей мог только я.

Мог ли я не сопровождать ее? Впрочем, зачем ей идти? Я лечил Айзу Уитни и, как доктор, имел на него определенное влияние. Я был уверен, что одному мне будет легче справиться с ним. Я дал ей слово, что в течение двух часов усажу ее мужа в кеб и отправлю домой, если только он действительно находится в «Золотом самородке».

¹⁸ © Перевод. М. и Н. Чуковские, наследники, 2009.

Через десять минут, покинув кресло в уютной гостиной, я мчался в экипаже в восточную часть города. Я знал, что дело предстоит довольно необычное, но в действительности оно оказалось более странным, чем я ожидал.

Сначала все шло хорошо. Аппер-Суондам-лейн – грязный переулок, расположенный позади огромных верфей, которые тянутся по северному берегу реки, на восток от Лондонского моста. Притон, который я разыскивал, оказался в подвале между какой-то грязной лавкой и кабаком; в эту черную дыру, как в пещеру, вели крутые ступени. Посередине этих ступеней образовались выбоины – такое множество пьяных ног спускалось и поднималось по ним.

Приказав кучеру подождать, я спустился вниз. При свете мигающей керосиновой лампы, висевшей над дверью, я отыскал щелочку и вошел в длинное низкое помещение, полное густого коричневатого дыма; вдоль стен тянулись деревянные нары, как на баке корабля, везущего эмигрантов.

Сквозь мрак я не без труда разглядел безжизненные тела, лежащие в странных, фантастических позах: согнутые плечи, поднятые колени, запрокинутые головы с торчащими кверху подбородками. То там, то тут замечал я темные, потухшие глаза, устремленные на меня. Среди тьмы то вспыхивали, то тускнели крохотные красные огоньки в чашечках металлических трубок. Большинство лежало молча, кое-кто бормотал что-то себе под нос, а иные разговаривали тихими монотонными голосами, то возбуждаясь и торопясь, то внезапно смолкая, причем никто не слушал своего собеседника – всякий был поглощен только собственными мыслями. В дальнем конце подвала стояла маленькая жаровня с пылающими углями, возле которой на трехногом стуле сидел высокий худой старик; опустив подбородок на кулаки, положив локти на колени, он неподвижно глядел в огонь.

Как только я вошел, ко мне кинулся смуглый малаец, протянул мне трубку, порцию опиума и показал свободное место на нарах.

– Спасибо, я не хочу, – сказал я. – Здесь находится мой друг, мистер Айза Уитни. Мне нужно поговорить с ним.

Справа от меня кто-то шевельнулся, я услышал восклицание и, взглядевшись во тьму, увидел Уитни, который уставился на меня, бледный, угрюмый, нечесаный.

– Боже, да это Уотсон! – проговорил он.

Он только что очнулся от опьянения и дрожал всем телом.

– Который теперь час, Уотсон?

– Скоро одиннадцать.

– А какой нынче день?

– Пятница, девятнадцатое июня.

– Неужели! А я думал, что еще среда. Нет, сегодня среда. Признайтесь, что вы пошутили! И что вам за охота пугать человека! – Он закрыл лицо ладонями и захныкал.

– Говорю вам, сегодня пятница. Ваша жена ждет вас уже два дня. И не стыдно вам?

– Стыдно. Но вы что-то путаете, Уотсон. Я здесь всего несколько часов. Выкурил три или четыре трубки... забыл сколько! Но я поеду с вами домой. Я не хочу, чтобы Кэт видела меня в таком виде... Бедная Кэт! Дайте мне руку. Есть у вас кеб?

– Есть. Ждет у дверей.

– В таком случае сейчас же уедем. Но я им должен заплатить. Узнайте, сколько я должен, Уотсон. Я совсем ослабел. Не могу шевельнуть пальцем.

Задерживая дыхание, чтобы не набраться одуряющих паров ядовитого зелья, я пошел по узкому проходу между двумя рядами курильщиков, разыскивая хозяина. Поравнявшись с высоким стариком, сидевшим у жаровни, я почувствовал, что меня кто-то дернул за пиджак, и услышал шепот:

– Пройдите мимо меня, а потом оглянитесь.

Эти слова я расслышал вполне отчетливо. Их мог произнести только этот старик. Однако он сидел, по-прежнему погруженный в себя, ничего не замечая, тощий, сморщенный, согнувшийся под тяжестью лет; трубка с опиумом свисала у него между колен, вывалившись из его обесилевших пальцев. Я сделал два шага вперед и оглянулся. Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не вскрикнуть от удивления. Старик повернулся так, что лица его не мог видеть никто, кроме меня. И вдруг спина его выпрямилась, морщины разгладились, в тусклых глазах появился их обычный блеск, – возле огня сидел, посмеиваясь над моим удивлением, не кто иной, как Шерлок Холмс. Он сделал украдкой знак, чтобы я подошел к нему, и опять превратился в дрожащего старика с отвислой губой.

– Холмс! – прошептал я. – Что вы тут делаете, в этом притоне?

– Говорите как можно тише, – прошептал он, – у меня превосходный слух. Если вы избавитесь от вашего ошалелого друга, я буду счастлив побеседовать с вами.

– Меня ждет кеб.

– Так отправьте вашего друга домой одного. Можете за него не бояться: он слишком слаб, чтобы впутаться в какую-нибудь историю. И пошлите с кучером записку жене, что вы встретили меня и останетесь со мной. Подождите на улице, я выйду через пять минут.

Трудно отказать Шерлоку Холмсу: его просьбы всегда так определены и выражены таким спокойным и повелительным тоном. К тому же я чувствовал, что, как только я усажу Уитни в кеб, мои обязательства по отношению к нему будут выполнены и мне ничто уже не помешает принять участие в одном из тех необычайных приключений, которые составляли повседневную практику моего знаменитого друга. Поэтому я тотчас же написал записку жене, заплатил за Уитни, усадил его в кеб и стал терпеливо поджидать неподалеку от дома. Кеб сразу же скрылся во мраке. Через несколько минут из курильни вышел старик, и мы зашагали по улице. Два квартала он шел, не разгибая спины и неуверенно ступая старческими ногами. Потом торопливо оглянулся, выпрямился и от души захохотал.

– Вероятно, Уотсон, – сказал Холмс, – вы воображали, что вдобавок к уколам кокаина я стал курить опиум и вообще погряз в пороках, по поводу которых вы благосклонно высказали свои медицинские взгляды.

– По правде сказать, я действительно был удивлен, когда увидел вас там.

– Я удивился еще больше, когда увидел вас.

– Я искал там друга.

– А я – врага.

– Врага?

– Да, врага, вернее, преследовал добычу. Короче говоря, Уотсон, я занят сейчас чрезвычайно любопытным делом и надеялся кое-что разузнать из бессвязной болтовни курильщиков опиума. Прежде мне это иногда удавалось. Если бы меня узнали в этой трущобе, за мою жизнь не дали бы и медяка: ведь я уже бывал там по своим делам, и негодяй ласкар¹⁹, хозяин притона, поклялся расправиться со мной. Позади этого дома, поближе к верфи Святого Павла, есть потайная дверь, которая могла бы порассказать много диковинных историй о том, что там проносятся под покровом ночи.

– Неужели трупы?

– Да, Уотсон, трупы. Можно стать миллионером, если получать по тысяче фунтов за каждого несчастного, которого прикончили в этом притоне. Это самое страшное место на берегу. Туда заманили Невилла Сент-Клера, и боюсь, что бедняге уж не вернуться домой. Но мы тоже устроим ловушку.

Шерлок Холмс сунул два пальца в рот и свистнул. В ответ издали донесся такой же свист, а затем мы услышали грохот колес и стук копыт.

¹⁹ Матрос-индиец.

– Ну что ж, Уотсон, – сказал Холмс, когда из темноты вынырнула двуколка с двумя фонарями, бросавшими на мостовую яркие полосы света, – поедете вы со мной?

– Если буду вам полезен...

– Верный товарищ всегда полезен, особенно если он записывает наши истории. В моей комнате в «Кедрах» стоят две кровати.

– В «Кедрах»?

– Да. Так называется дом мистера Сент-Клера. Я перебрался туда, пока занимаюсь этим делом.

– Где же этот дом?

– В Кенте, неподалеку от Ли. Нужно проехать миль семь.

– Ничего не понимаю.

– Вполне естественно. Сейчас я вам все объясню. Садитесь... Джон, вы нам больше не нужны. Вот вам полкроны, ждите меня завтра часов в одиннадцать. Дайте мне вожжи. Прощайте!

Он хлестнул лошадь, и мы понеслись по бесконечным темным, пустынным улочкам. Они становились все шире, и наконец мы очутились на каком-то мосту с перилами; внизу медленно текли мутные воды реки. За мостом снова потянулись унылые улицы с кирпичными домами, тишина их нарушалась только тяжелыми, размеренными шагами полицейских да песнями и криками запоздалых гуляк. Черные тучи медленно ползли по небу, в разрывах между ними то там, то здесь тускло мерцали звезды. Холмс молча правил лошадей, в глубокой задумчивости опустив голову на грудь, а я сидел рядом с ним, стараясь отгадать, что занимает его мысли, и не смея прервать его раздумье. Мы проехали несколько миль и уже пересекали пояс пригородных дач, когда он наконец очнулся, передернул плечами и закурил трубку с видом человека, удовлетворенного своими поступками.

– Вы наделены великим талантом, Уотсон, – сказал он. – Вы умеете молчать. Благодаря этой способности вы незаменимый товарищ. Однако сейчас мне нужно с кем-нибудь поболтать, чтобы разогнать неприятные мысли. Представления не имею, что я скажу этой милой женщине, когда она встретит меня на пороге.

– Вы забываете, что я ничего не знаю.

– У меня как раз хватит времени изложить обстоятельства дела, пока мы доедем до Ли. Дело кажется до смешного простым, а между тем я не знаю, как за него взяться. Нитей много, но ни за одну я не могу ухватиться как следует. Я расскажу вам все, Уотсон, может быть, вам придет какая-нибудь светлая мысль. Я просто блуждаю во мраке.

– Рассказывайте.

– Несколько лет назад, точнее, в мае 1884 года, в Ли появился джентльмен по имени Невилл Сент-Клер, который, видимо, имел много денег. Он нанял большую виллу, разбил вокруг нее прекрасный сад и зажил на широкую ногу. Мало-помалу он подружился с соседями и в 1887 году женился на дочери местного пивовара, от которой теперь имеет двоих детей. Определенных занятий у него нет, но он принимает участие в нескольких коммерческих предприятиях и обычно каждое утро ездит в город, возвращаясь оттуда поездом 5.14. Мистеру Сент-Клеру тридцать семь лет, живет он скромно, он хороший муж и любящий отец, люди отзываются о нем превосходно. Могу еще прибавить, что долгов у него, как удалось выяснить, всего восемьдесят восемь фунтов десять шиллингов, а на текущем счету в банке двести двадцать фунтов стерлингов. Следовательно, нет оснований предполагать какие-нибудь денежные затруднения.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клер отправился в город раньше обычного, сказав перед отъездом, что у него два важных дела и что он привезет своему сынишке коробку с кубиками. Случайно в тот же самый понедельник, вскоре после его отъезда, жена его получила телеграмму, что на ее имя в Абердинское пароходное общество прибыла неболь-

шая ценная посылка, которую она давно ожидала. Если вы хорошо знаете Лондон, то помните, что контора этого пароходного общества помещается на Фресно-стрит, которая упирается в Аппер-Суондам-лейн, где вы нашли меня сегодня вечером. Миссис Сент-Клер позавтракала, отправилась в город, сделала кое-какие покупки, заехала в контору общества, получила там свою посылку и в четыре часа тридцать пять минут шла по Суондам-лейн, к вокзалу. До сих пор вам все ясно, не правда ли?

– Конечно, здесь нет ничего непонятного.

– Если помните, в понедельник было очень жарко, и миссис Сент-Клер шла медленно, поглядывая, нет ли поблизости кеба; к тому же ей очень не понравился этот район города. Так вот, идя по Суондам-лейн, она внезапно услышала крик и вся похолодела, когда в окне второго этажа какого-то дома увидела своего мужа. Ей даже показалось, что он жестами зовет ее к себе. Окно было раскрыто, она ясно разглядела лицо мужа, как она уверяет, чрезвычайно взволнованное. Он отчаянно размахивал руками и вдруг исчез так внезапно, будто его с силой оттащили от окна. Однако ее зоркий женский взгляд успел заметить, что на нем нет ни воротничка, ни галстука, хотя одет он был в тот же черный пиджак, в котором уехал из дому.

Уверенная, что с мужем случилась беда, она сбежала вниз по ступенькам – вы, конечно, догадываетесь, что дом был тот самый, в котором помещается притон, где вы нашли меня нынче вечером, – и, пробежав через переднюю комнату, хотела подняться по лестнице, ведущей в верхние этажи. Но у лестницы она наткнулась на негодяя ласкара, о котором я вам сейчас говорил, и он с помощью своего подручного датчанина вытолкнул ее вон. Обезумев от ужаса, она побежала по улице и, к счастью, на Фресно-стрит встретила полицейских, которые совершали обход под начальством инспектора.

Инспектор с двумя констеблями последовал за миссис Сент-Клер, и, несмотря на энергичные протесты хозяина, они вошли в ту комнату, в окне которой она только что видела мужа. Но здесь его не оказалось. Да и на всем этаже не нашли никого, кроме какого-то калеки отвратительной внешности, который снимал здесь комнату. И он и ласкар божились, что тут никого больше нет. Они так решительно все отрицали, что инспектор стал было уже подумывать, не ошиблась ли миссис Сент-Клер, как вдруг она с криком кинулась к небольшому деревянному ящичку, стоявшему на столе, и сорвала с него крышку. Из ящичка посыпались детские кубики. То была игрушка, которую ее муж обещал сынишке привезти из города. Эта находка и очевидная растерянность калеки убедили инспектора, что дело серьезное. Комнаты тщательно обыскали, и результаты обыска показали, что совершено гнусное преступление.

Передняя, кое-как обставленная комната служила чем-то вроде гостиной, рядом с ней небольшая спальня, окно которой выходит на задворки верфи. Между верфью и домом есть узкий канал, который высыхает во время отлива, а во время прилива наполняется водой фута на четыре с половиной. Окно в спальне широкое и открывается снизу. При осмотре на подоконнике обнаружены следы крови; несколько кровавых пятен нашли также и на деревянном полу. За шторой в передней комнате валялась одежда мистера Невилла Сент-Клера: ботинки, носки, шляпа, даже часы – все оказалось тут. Не было только пиджака. Никаких следов насилия на одежде не было, но нигде не было также и никаких следов пребывания самого мистера Невилла Сент-Клера. Исчезнуть он мог только через окно, другого выхода нет, но зловещие кровавые пятна на подоконнике указывали, что вряд ли ему удалось спастись вплавь, да и прилив в тот час, когда совершалась трагедия, достиг наивысшего уровня.

Теперь о негодях, на которых падает подозрение. Ласкар – человек с темным прошлым, но из рассказа миссис Сент-Клер мы знаем, что буквально через несколько мгновений после того, как она увидела мужа в окне, он оказался внизу, следовательно, он может быть лишь соучастником преступления. Сам он, конечно, отрицает всякую причастность к этому делу. По его словам, у него нет ни малейшего представления о том, чем вообще занимается его

жилец Хью Бун. Каким образом в комнате оказалась одежда пропавшего джентльмена, для него полнейшая загадка.

Вот и все, что известно о хозяине. Можно не сомневаться, что последним человеком, видевшим Невилла Сент-Клера, был этот угрюмый калека, который живет на втором этаже над притоном. Его зовут Хью Бун, и его безобразное лицо знает всякий, кому приходится бывать в Сити. Он профессиональный нищий; а для того чтобы обойти полицейские правила, делает вид, будто продает спички. Вы, вероятно, помните, что на левой стороне Треднидл-стрит есть ниша в стене. Так вот в этой нише, поджав ноги и разложив у себя на коленях несколько спичечных коробков, обычно и сидит калека. Один вид его вызывает сострадание, и дождь милостыни так и сыплется в грязную кожаную кепку, которая лежит перед ним на мостовой. Я не раз наблюдал за ним, еще не предполагая, что когда-нибудь мне придется познакомиться с ним как с преступником, и всегда удивлялся тому, какую обильную жатву он собирает в самое короткое время. Внешность у него настолько незаурядная, что никто не пройдет мимо, не обратив на него внимания. Ярко-рыжие волосы, бледное лицо с чудовищным шрамом, который пересекает надвое верхнюю губу, бульдожий подбородок и пронизательные темные глаза, цвет которых представляет такой резкий контраст с цветом волос, – все это выделяет его из толпы попрошайек. У него всегда наготове едкое словцо для каждого, кто, проходя мимо, вдруг вздумает задеть его насмешкой. Таков обитатель верхнего этажа этой курильни. Он последним видел джентльмена, которого мы разыскиваем.

– Но ведь он калека! – сказал я. – Как мог он совладать с сильным молодым человеком?

– Да, он прихрамывает на ходу, вообще же он здоровяк и силач. Вы медик, Уотсон, и, конечно, знаете, что часто слабость одной конечности возмещается необычайной силой других.

– Пожалуйста, рассказывайте дальше.

– При виде крови на подоконнике миссис Сент-Клер стало дурно, и ее отправили домой в сопровождении полицейского, тем более что для дальнейшего расследования ее присутствие не требовалось. Инспектор Бартон, принявший на себя ведение дела, тщательно обыскал притон, но не нашел ничего нового. Поначалу сделали ошибку: не арестовали Буна в первую же минуту, и он имел возможность перебраться двумя-тремя словами со своим дружком ласкаром. Однако ошибку тут же исправили: Буна схватили и обыскали, хотя обыск ничего не дал. Правда, на правом рукаве его рубашки оказались пятна крови, но он показал полицейским безымянный палец со свежим порезом возле ногтя, вероятно, кровь капнула и на подоконник, так как он недавно подходил к окну. Он твердил, что никогда не видел мистера Сент-Клера, а как попала одежда этого джентльмена к нему в комнату – такая же загадка для него, как и для полиции. Когда ему сообщили, что миссис Сент-Клер видела своего мужа в окне его комнаты, он сказал, что это ей либо пригрезилось, либо она не в своем уме. Буна отвели в участок, несмотря на его протесты. Инспектор решил подождать отлива, надеясь обнаружить какие-нибудь новые улики на дне канала. И действительно, в липкой грязи они нашли кое-что, хотя и совсем не то, что с таким страхом ожидали найти. Когда отхлынула вода, в канале оказался не Невилл Сент-Клер, а лишь пиджак Невилла Сент-Клера. И как вы думаете, что было в карманах?

– Понятия не имею.

– Ни за что не угадаете! Все карманы были набиты монетами – четыреста двадцать одно пенни и двести семьдесят полпенни. Неудивительно, что отлив не унес пиджак. Труп – дело другое. Между домом и верфью очень сильное течение. Вполне допустимо, что труп был унесен в реку, а тяжелый пиджак опустился на дно.

– Но вы же сказали, что всю остальную одежду нашли в комнате? Неужели на трупе был один лишь пиджак?

– Нет, сэр, но этому можно найти объяснение. Предположим, что Бун выбросил Невилла Сент-Клера через окно и этого никто не видел. Что стал бы он делать дальше? Естественно, что

первым долгом он решает избавиться от одежды, которая может его выдать. Он берет пиджак, хочет выбросить в окно, но тут ему приходит в голову, что пиджак не потонет, а поплывет. Он страшно торопится, ибо слышит суматоху на лестнице, слышит, как жена Сент-Клера требует, чтобы ее пустили к мужу, да вдобавок, быть может, сообщник-ласкар уже предупредил его о приближении полиции. Нельзя терять ни минуты. Он кидается в укромный угол, где у него спрятаны плоды нищенства, и набивает карманы пиджака первыми попавшимися под руку монетами. Затем он выбрасывает пиджак и хочет выбросить остальные вещи, но слышит шум шагов на лестнице и перед появлением полиции едва успевает захлопнуть окно.

– Вполне правдоподобно...

– Что ж, тогда примем это как рабочую гипотезу за неимением лучшего... Буна, как я уже говорил, арестовали и отправили в участок, хотя прежде за ним ничего предосудительного не числилось. Правда, многие годы его знали как профессионального нищего, но жил он тихо и ни в чем дурном замечен не был. Вот так и обстоит дело в настоящее время. Что делал Невилл Сент-Клер в этой курильне, что там с ним случилось? Где он теперь и какое отношение имеет Хью Бун к его исчезновению? Все это так же неясно, как и прежде. Должен признаться, что не помню такого случая в моей практике: на первый взгляд он кажется очень простым, а в действительности ухватиться не за что.

Пока Шерлок Холмс рассказывал мне подробности этих удивительных происшествий, мы миновали предместье огромного города, оставив позади последние дома, и покатались по дороге, по обеим сторонам которой тянулись деревенские плетни. Как раз к тому времени, когда Холмс закончил рассказ, мы очутились в какой-то деревне. Кое-где в окнах мерцали огни.

– Мы въезжаем в Ли, – сказал мой приятель. – Между прочим, за время нашей небольшой поездки мы побывали в трех графствах Англии: выехали из Миддлсекса, захватили уголок Суррея и приехали в Кент. Видите те огоньки между деревьями? Это и есть «Кедры». Там возле лампы сидит женщина, и ее настороженный слух, несомненно, уже уловил стук копыт нашей лошади.

– Почему вы занимаетесь этим делом тут, а не на Бейкер-стрит? – спросил я.

– Многое приходится расследовать здесь... Миссис Сент-Клер любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можно не сомневаться, что она с радостью окажет гостеприимство и моему другу. Как тяжело встречаться с ней, Уотсон! Я ведь не могу сообщить ничего нового о ее муже! Приехали. Тпру!..

Мы остановились перед большой виллой, окруженной садом. Передав лошадь выбежавшему навстречу конюху, мы с Холмсом пошли к дому по узенькой дорожке, посыпанной гравием. Когда мы приблизились, дверь распахнулась и на пороге появилась маленькая белокурая женщина в светлом шелковом платье с отделкой из пышного розового шифона. Ее фигура резко выделялась на свету. Чуть нагнувшись вперед, она одной рукой схватилась за дверь, другую словно протянула в мольбе и жадно глядела на нас; всем своим обликом она, казалось, спрашивала: что мы узнали о судьбе ее мужа?

– Ну что? – громко спросила она.

Заметив, что нас двое, она радостно вскрикнула, но крик этот превратился в стон, когда мой товарищ покачал головой и пожал плечами.

– С добрыми вестями?

– Нет.

– С дурными?

– Тоже нет.

– И то слава Богу. Однако входите же. У вас был трудный день, вы, наверное, устали.

– Это мой друг, доктор Уотсон. Он оказывал мне большую помощь во многих моих расследованиях. По счастливой случайности я встретил его и пригласил сюда – он будет нам полезен.

– Рада вас видеть, – сказала она, приветливо пожимая мне руку. – Боюсь, что вам покажется у нас неуютно. Вы знаете, какой удар обрушился на нашу семью...

– Сударыня, – сказал я, – я отставной солдат, привыкший к походной жизни, но, если бы даже я не был солдатом, какие могут быть извинения передо мной? Буду счастлив, если окажусь полезным вам или моему другу.

– Мистер Шерлок Холмс, позвольте мне задать вам прямой вопрос, – сказала хозяйка дома, вводя нас в ярко освещенную столовую, где нас ждал холодный ужин. – Прошу вас, отвечайте так же прямо и откровенно.

– Извольте, сударыня.

– Не пытайтесь щадить мои чувства. Со мной не бывает ни истерик, ни обмороков. Я просто хочу знать, что вы думаете.

– О чем?

– Верите ли вы в глубине души, что Невилл жив?

Шерлок Холмс, видимо, был смущен вопросом.

– Говорите откровенно, – повторила она, стоя на ковре и пристально глядя Холмсу в лицо.

– Откровенно, сударыня? Не верю.

– Вы считаете, что он умер?

– Да.

– Его убили?

– Не знаю. Может быть.

– Когда это случилось?

– В понедельник.

– В таком случае, мистер Холмс, не будете ли вы любезны объяснить, каким образом сегодня я получила от него это письмо?

Шерлок Холмс вскочил с кресла, словно его ударило электрическим током.

– Сегодня? – закричал он.

– Да, сегодня.

Она улыбалась, держа в руке листок бумаги.

– Можно прочитать?

– Пожалуйста.

Он выхватил письмо у нее из рук, разгладил бумагу на столе и начал внимательно рассматривать, придвинув лампу. Я поднялся с кресла и стал смотреть через его плечо. Конверт был простой, конторский, на конверте стоял почтовый штемпель Грейвсенда и сегодняшнее, вернее, вчерашнее число, так как полночь уже миновала.

– Грубый почерк, – пробормотал Холмс. – Уверен, что это почерк не вашего мужа, сударыня.

– Да, на конверте чужой почерк, но внутри – почерк Невилла.

– Человеку, который надписывал конверт, пришлось навести справки о вашем адресе.

– Откуда вы знаете?

– Имя на конверте, как видите, темнее, потому что чернила высохли сами собой. Адрес же бледноват, потому что к нему прикладывали промокашку. Если бы надпись на конверте была сделана сразу и ее всю высушили бы промокашкой, все слова были бы одинаково серы. Этот человек написал на конверте сперва только ваше имя, потом уж приписал адрес. Отсюда можно заключить, что адрес не был ему вначале известен. Конечно, это пустяк, но в моей

профессии нет ничего важнее пустяков. Разрешите мне взглянуть на письмо... Ага! Туда было что-то вложено!

– Да, там было кольцо. Его кольцо с печатью.

– А вы уверены, что это почерк вашего мужа?

– Один из его почерков.

– Один из его почерков?...

– Так он пишет второпях. Обычно он пишет совсем иначе, но и этот его почерк мне хорошо знаком.

– «Дорогая, не волнуйся. Все кончится хорошо. Произошла чудовищная ошибка, потребуется некоторое время, чтобы исправить дело. Жди терпеливо. Невилл». Написано карандашом на листке, вырванном из книги форматом в восьмую долю листа, конечно, без водяных знаков. Гм! Отправлено сегодня из Грейвсенда человеком, у которого большой палец чем-то выпачкан. И если не ошибаюсь, человек, заклеивавший конверт, жует табак... Вы убеждены, сударыня, что это почерк вашего мужа?

– Убеждена. Это письмо написал Невилл.

– Оно отправлено сегодня из Грейвсенда. Что ж, миссис Сент-Клер, тучи рассеиваются, хотя я не могу сказать, что опасность уже миновала.

– Но он жив, мистер Холмс!

– Если только это не ловкая подделка, чтобы направить нас по ложному следу. Кольцо, в конце концов, ничего не доказывает. Кольцо могли у него отнять.

– Но это же его, его почерк!

– Хорошо. А если письмо написано в понедельник, а послано сегодня?

– Это возможно.

– А за этот срок многое могло произойти.

– О, не отнимайте у меня надежды, мистер Холмс! Я знаю, что с Невиллом ничего не случилось. Мы с ним настолько близки, что я непременно почувствовала бы, попади он в настоящую беду. За день до того, как он исчез, он порезал себе нечаянно палец. Я была в столовой, он – в спальне, и я сразу же побежала к нему, чувствуя, что с ним случилась беда. Неужели вы думаете, что я не знала бы о его смерти, если даже при таком пустяке предчувствие не обмануло меня?

– Я человек опытный и знаю, что женское чутье иногда ценнее всяких логических выводов. И это письмо как бы подтверждает вашу правоту. Однако если мистер Сент-Клер жив и может писать письма, отчего же он не вернется домой?

– Не понимаю. Ума не приложу.

– В понедельник, уезжая, он ни о чем вас не предупреждал?

– Нет.

– И вы очень удивились, увидев его на Суондам-лейн?

– Конечно.

– Окно было открыто?

– Да.

– Он мог окликнуть вас из окна?

– Да.

– Между тем, насколько я понял, вы услышали только бессвязное восклицание?

– Да.

– Вы подумали, что он зовет на помощь?

– Да, он махал руками.

– Но, быть может, увидя вас, он вскрикнул от неожиданности? Просто всплеснул руками от изумления, что видит вас?

– Вполне возможно.

– И вам показалось, что его оттащили от окна?
– Он исчез так внезапно...
– Он мог просто отскочить от окна. Вы никого больше не видели в комнате?
– Никого, хотя этот отвратительный нищий признался, что был там. А ласкар стоял внизу, у лестницы.

– Совершенно верно. Ваш муж был одет как всегда? Вам удалось разглядеть?
– Но на нем не было ни воротничка, ни галстука. Я отчетливо видела его голую шею.
– Он никогда не упоминал в разговорах о Суондам-лейн?
– Никогда.
– А вы не замечали, не курит ли он опий?
– Никогда.
– Благодарю вас, миссис Сент-Клер. Это основные пункты, которые я хотел прояснить. Теперь с вашего разрешения мы поужинаем и пойдем отдохнуть: весьма возможно, что завтра предстоит много хлопот.

В наше распоряжение была предоставлена просторная, удобная комната с двумя кроватями, и я сразу лег в постель, так как ночные похождения утомили меня. Но Шерлок Холмс мог не спать по целым суткам и даже неделям, когда у него была какая-нибудь нерешенная задача; он размышлял, сопоставлял факты, рассматривал дело с разных точек зрения до тех пор, пока ему не удавалось либо разрешить загадку, либо убедиться, что он находится на ложном пути. Я понял, что он и сейчас готовится просидеть без сна всю ночь. Он снял пиджак и жилет, надел синий просторный халат и принялся собирать в одну кучу подушки с кровати, с кушетки и с кресел. Из этих подушек он соорудил себе нечто вроде восточного дивана и взгромоздился на него, поджав ноги и положив перед собой пачку простого табаку и коробок спичек. При тусклом свете лампы я видел, как он сидит, безмолвный, неподвижный, со старой трубкой во рту, в клубках голубого дыма, рассеянно устремив глаза в потолок, и тусклый свет озаряет его резкие орлиные черты. Так сидел он, когда я засыпал, и так сидел он, когда при блеске утреннего солнца я открыл глаза, разбуженный его внезапным восклицанием. Трубка все так же торчала у него во рту, комната была полна табачного тумана, а от пачки табаку, которую я видел вечером, ничего не осталось.

– Проснулись, Уотсон? – спросил он.
– Да.
– Хотите прокатиться?
– С удовольствием.
– Тогда одевайтесь. В доме еще спят, но я знаю, где ночует конюх, и сейчас у нас будет коляска. – Холмс усмехнулся, глаза его блестели, он нисколько не был похож на того человека, погруженного в тяжелые раздумья, каким был вчера.

Одеваясь, я взглянул на часы. Неудивительно, что все еще спали: было двадцать пять минут пятого. Едва я успел одеться, как вошел Холмс и сказал, что конюх уже запряг лошадь.

– Хочу проверить одну свою теорию, – сказал он, натягивая сапоги. – Послушайте, Уотсон, перед вами один из величайших глупцов в Европе! Я был слеп как крот. Мне следовало бы дать такого тумака, что я отлетел бы отсюда к Чаринг-Кроссу! Но теперь, кажется, я нашел ключ к этой загадке.

– Где же он, ваш ключ? – спросил я, улыбаясь.
– В ванной! Нет, я не шучу, – продолжал он, заметив мой недоверчивый взгляд. – Я уже был в ванной, взял ключ и спрятал вот сюда, в саквояж. Поедем, друг мой, и посмотрим, подойдет ли этот ключ к замку.

Мы спустились с лестницы, стараясь ступать как можно тише. На дворе уже ярко сияло утреннее солнце. У ворот нас поджидала коляска; полуодетый конюх держал под уздцы запряженную лошадь. Мы вскочили в экипаж и быстро покатали по лондонской дороге. Изредка

мы обгоняли повозки, которые везли овощи в столицу, но в домах вдоль дороги было тихо и пусто, словно в спящем заколдованном городе.

– В некоторых отношениях это совершенно исключительное дело, – сказал Холмс, пуская лошадь галопом. – Сознаюсь, я был слеп как крот, но лучше поумнеть поздно, чем никогда.

Когда мы въехали в город со стороны Суррея, в окнах уже начали появляться заспанные лица. Мы переехали реку по мосту Ватерлоо, потом помчались по Веллингтон-стрит и, взяв круто вправо, очутились на Бау-стрит. Шерлока Холмса хорошо знали в полицейском управлении, и, когда мы подъехали, два констебля отдали ему честь. Один из них взял лошадь под уздцы, а другой повел нас внутрь здания.

– Кто дежурит? – спросил Холмс.

– Инспектор Бродстрит, сэр.

Из коридора, вымощенного каменными плитами, навстречу нам вышел высокий, грузный инспектор в полной форме.

– А, Бродстрит! Как поживаете? Мне нужно поговорить с вами, Бродстрит.

– Пожалуйста, мистер Холмс. Зайдите ко мне, в мою комнату.

Комната была похожа на контору: на столе огромная книга для записей, на стене телефон. Инспектор сел за стол.

– Чем могу служить, мистер Холмс?

– Я хотел расспросить вас о Буне, о том нищем, который замешан в исчезновении мистера Невилла Сент-Клера.

– Его арестовали и привезли сюда. Ведем следствие.

– Я знаю. Он здесь?

– В камере.

– Не буйствует?

– Нет, ведет себя тихо. Но какой он грязный, этот негодяй!

– Грязный?

– Да. Еле-еле заставили вымыть руки, а лицо у него черное, как у медника. Вот пусть только кончится следствие, а там уж ему не избежать тюремной ванны! Вы бы на него посмотрели!

– Я очень хотел бы на него посмотреть.

– Правда? Это нетрудно устроить. Идите за мной. Саквояж можете оставить здесь.

– Нет, я захвачу его с собой.

– Хорошо. Пожалуйста сюда.

Он открыл запертую дверь, спустился по винтовой лестнице и привел нас в коридор с чисто выбеленными стенами, вдоль которых справа и слева тянулся ряд дверей.

– Его камера третья справа, вот здесь, – сказал инспектор.

Он осторожно отодвинул дощечку в верхней части двери и глянул в отверстие.

– Спит, – сказал он. – Можете хорошенько его рассмотреть.

Мы оба приникли к решетке. Арестант крепко спал, медленно и тяжело дыша; лицо его было обращено к нам. Это был мужчина среднего роста, одетый, как и подобает людям его профессии, очень скверно: сквозь прорехи порванного пиджака торчали лохмотья цветной рубахи. Он был действительно необычайно грязен, но даже толстый слой грязи на лице не мог скрыть его отталкивающего безобразия. Широкий шрам шел от глаза к подбородку, и под вздернутой рассеченной губой постоянным оскалом торчали три зуба. Клок ярко-рыжих волос спадал на лоб и на глаза.

– Красавец, не правда ли? – сказал инспектор.

– Ему необходимо помыться. Я об этом догадывался и захватил с собой все, что для этого нужно. – Холмс раскрыл саквояж и, к нашему изумлению, вынул из него большую губку.

– Хе-хе, да вы шутник! – засмеялся инспектор.

– Будьте любезны, откройте тихонько дверь, и мы живо придадим ему более приличный вид.

– Ладно, – сказал инспектор. – А то он и в самом деле позорит нашу тюрьму.

Инспектор открыл ключом дверь, и мы втроем бесшумно вошли в камеру. Арестант шевельнулся, но сразу же заснул еще крепче. Холмс подошел к рукомоюнику, намочил губку и дважды с силой провел по лицу арестанта.

– Позвольте представить вас мистеру Невиллу Сент-Клеру из Ли, в графстве Кент! – воскликнул Холмс.

Никогда в жизни не доводилось мне видеть ничего подобного. Лицо сползло с арестанта, как кора с дерева. Исчез грубый, темный загар. Исчез ужасный шрам, пересекавший все лицо наискосок. Исчезла рассеченная губа. Исчез отталкивающий оскал зубов. Исчезли рыжие всклокоченные волосы, и мы увидели бледного, грустного, изящного человека с черными волосами и нежной кожей, который, сев в постели, протирал глаза и с недоумением, еще не вполне очнувшись от сна, глядел на нас. Внезапно он понял все, вскрикнул и зарылся головой в подушку.

– Боже! – закричал инспектор. – Да ведь это и есть пропавший! Я знаю его, я видел фотографию!

Арестант повернулся к нам с безнадежным видом, словно решил не противиться судьбе.

– Будь что будет! – сказал он. – За что вы меня держите здесь?

– За убийство мистера Невилла Сент... Тьфу! В убийстве вас теперь не обвинишь. Разве что обвинишь в попытке совершить самоубийство, – сказал инспектор, усмехаясь. – Двадцать семь лет служу в полиции, но такого еще не видывал.

– Раз я мистер Невилл Сент-Клер, то, значит, не было никакого преступления и, следовательно, я арестован незаконно.

– Преступления нет, но вы сделали большую ошибку, – сказал Холмс. – Напрасно не доверились жене.

– Дело не в жене, а в детях! – пылко сказал арестант. – Я не хотел, чтобы они стыдились отца. Боже, какой позор! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на койку и ободряюще похлопал его по плечу.

– Если допустить, чтобы ваше дело разбирал суд, тогда вам, конечно, не избежать огласки, – сказал он. – Но если удастся убедить полицию, что за вами нет никакой вины, газеты ничего не узнают. Инспектор Бродстрит запишет ваши показания, передаст их по инстанции, и дело до суда не дойдет.

– Я вам так благодарен! – вскричал арестант. – Я охотно перенес бы заточение, пошел бы даже на смертную казнь, лишь бы не раскрывать мою тайну и не позорить детей! Вы первые услышите мою историю...

Отец мой был учителем в Честерфилде, и я получил там превосходное образование. В юности я много путешествовал, работал на сцене и, наконец, стал репортером одной вечерней лондонской газеты. Однажды моему редактору понадобилась серия очерков о нищенстве в столице, и я вызвался написать их. С этого и начались все мои приключения. Чтобы добыть необходимые для моих очерков факты, я решил переодеться нищим. Еще будучи актером, я славился умением гримироваться. Теперь это искусство пригодилось. Я раскрасил себе лицо, а для того, чтобы вызывать побольше жалости, намалевал на лице шрам и с помощью пластыря телесного цвета слегка приподнял себе губу. Затем, облачившись в лохмотья и надев рыжий парик, я уселся в самом оживленном месте Сити и принялся под видом продажи спичек просить милостыню. Семь часов я просидел не вставая, а вечером, вернувшись домой, к величайшему своему изумлению, обнаружил, что набрал двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Я написал очерк и обо всем позабыл. Но вот некоторое время спустя мне предъявили вексель, по которому я поручился уплатить за приятеля двадцать пять фунтов. Я понятия не

имел, где достать деньги, и вдруг мне пришла в голову отличная мысль. Упросив кредитора подождать две недели, я взял на работе отпуск и отправился в Сити просить милостыню. За десять дней я собрал необходимую сумму и уплатил долг. Теперь вообразите, легко ли работать за два фунта в неделю, когда знаешь, что те же два фунта можно получить в один день, выпачкав себе лицо, бросив кепку на землю и ровным счетом ничего не делая?

Долго длилась борьба между гордостью и стремлением к наживе, но страсть к деньгам в конце концов победила. Я бросил работу в газете и стал проводить дни на облюбованном мной углу, вызывая у прохожих жалость своим уродливым видом и набивая карманы медяками. Только один человек был посвящен в мою тайну – содержатель притона на Суондам-лейн, где я поселился. Каждое утро я выходил оттуда в облике жалкого нищего и каждый вечер снова превращался в хорошо одетого господина. Я щедро платил хозяину за комнаты, так что был уверен, что он никому ни при каких обстоятельствах не выдаст меня.

Вскоре я стал откладывать крупные суммы. Я вовсе не хочу сказать, что в Лондоне любой нищий соберет семьсот фунтов в год – а это меньше моего годового дохода, – но у меня были преимущества – я умел искусно гримироваться и шутивно парировать случайные насмешки прохожих. И скоро я стал достопримечательной фигурой в Сити. Ко мне сыпался поток пенсов, перемешанных с серебром, и я считал неудачными те дни, когда зарабатывал меньше двух фунтов. Чем богаче я становился, тем шире я жил. Я снял себе дом за городом, женился, и никто не подозревал, чем я занимаюсь в действительности. Моя милая жена знала, что у меня в Сити есть какие-то дела. Но какого рода дела, не имела ни малейшего представления.

В прошлый понедельник я переодевался вечером у себя в комнате, над курильней, как вдруг, выглянув в окно, увидел, к своему ужасу, что на улице стоит моя жена и смотрит прямо на меня. Я вскрикнул от изумления, заслонил лицо руками и кинулся к ласкару, умоляя его никого не впускать. Я слышал внизу голос жены, но я знал, что пройти наверх ей не дадут. Я быстро разделся, натянул на себя нищенские лохмотья, парик и загримировал лицо. Даже собственная жена не могла бы узнать меня. Но затем мне пришлось в голову, что в комнате могут произвести обыск и тогда моя одежда выдаст меня. Я распахнул окно, причем второпях задел порезанный палец – я порезал себе палец утром в спальне, – и из ранки опять потекла кровь. Потом я схватил пиджак, набитый медяками, которые я только что переложил туда из своей нищенской сумы, швырнул его в окно, и он исчез в Темзе. Я собирался швырнуть туда и остальную одежду, но тут ворвались полицейские. К моему великому облегчению, во мне не признали мистера Невилла Сент-Клера, а арестовали как его убийцу.

Больше мне нечего прибавить. Желая сохранить грим на лице, я отказался от умывания. Зная, как будет тревожиться жена, я тайком от полицейских снял с пальца кольцо и передал его ласкару вместе с наскоро нацарапанной запиской – в записке я сообщал, что мне не угрожает опасность.

– Она получила эту записку только вчера, – сказал Холмс.

– О Боже! Какая это была для нее неделя!

– За ласкаром следила полиция, – сказал инспектор Бродстрит, – и ему, видимо, никак не удавалось отправить записку незаметно. Он, вероятно, передал ее какому-нибудь матросу из завсегдатаев притона, а тот несколько дней забывал отправить ее.

– Так оно, без сомнения, и было, – подтвердил Холмс. – Но неужели вас ни разу не привлекали за нищенство?

– Много раз! Но что для меня значил незначительный штраф!

– Однако теперь вам придется оставить свое ремесло, – сказал Бродстрит. – Если вы хотите, чтобы полиция замяла эту историю, Хью Бун должен исчезнуть.

– Я уже поклялся самой торжественной клятвой, какую только может дать человек.

– В таком случае, я думаю, все будет забыто, – сказал Бродстрит. – Но если вас заметят опять, все раскроется. А вам, мистер Холмс, мы очень признательны за то, что вы прояснили это дело. Хотел бы я знать, каким образом вам это удастся?

– На этот раз мне понадобилось посидеть на груде подушек и выкурить пачку табаку, – отозвался мой друг. – Мне кажется, Уотсон, что если мы сейчас же отправимся на Бейкер-стрит, то поспеем как раз к завтраку.

Голубой карбункул ²⁰

На третий день Рождества зашел я к Шерлоку Холмсу, чтобы поздравить его с праздником. Он лежал на кушетке в красном халате; по правую руку от него была подставка для трубок, а по левую – груда помятых утренних газет, которые он, видимо, только что просматривал. Рядом с кушеткой стоял стул, на его спинке висела сильно поношенная, потерявшая вид фетровая шляпа. Холмс, должно быть, очень внимательно изучал эту шляпу, так как тут же, на сиденье стула, лежали пинцет и лупа.

– Вы заняты? – сказал я. – Я вам не помешал?

– Нисколько, – ответил он. – Я рад, что у меня есть друг, с которым я могу обсудить результаты некоторых моих изысканий. Дельце весьма заурядное, но с этой вещью, – он ткнул большим пальцем в сторону шляпы, – связаны кое-какие любопытные и даже поучительные события.

Я уселся в кресло и стал греть руки у камина, где потрескивал огонь. Был сильный мороз; окна покрылись плотными ледяными узорами.

– Хотя эта шляпа кажется очень невзрачной, она, должно быть, связана с какой-нибудь кровавой историей, – заметил я. – Очевидно, она послужит ключом к разгадке страшной тайны, и благодаря ей вам удастся изобличить и наказать преступника.

– Нет, – засмеялся Шерлок Холмс, – тут не преступление, а мелкий, смешной эпизод, который всегда может произойти там, где четыре миллиона человек толкуются на площади в несколько квадратных миль. В таком колоссальном человеческом улье возможны любые комбинации событий и фактов, возникает масса незначительных, но загадочных и странных происшествий, хотя ничего преступного в них нет. Нам уже приходилось сталкиваться с подобными случаями.

– Еще бы! – воскликнул я. – Из последних шести эпизодов, которыми я пополнил свои записки, три не содержат ничего незаконного.

– Совершенно верно. Вы имеете в виду мои попытки обнаружить бумаги Ирен Адлер, интересный случай с мисс Мэри Сазерлэнд и приключения человека с рассеченной губой. Не сомневаюсь, что и это дело окажется столь же невинным. Вы знаете Питерсона, посыльного?

– Да.

– Этот трофей принадлежит ему.

– Это его шляпа?

– Нет, он нашел ее. Владелец ее неизвестен. Я прошу вас рассматривать эту шляпу не как старую рухлядь, а как предмет, таящий в себе серьезную задачу... Однако прежде всего – как эта шляпа попала сюда. Она появилась в первый день Рождества вместе с отличным жирным гусем, который в данный момент наверняка жарится у Питерсона на кухне. Произошло это так. На Рождество, в четыре часа утра, Питерсон, человек, как вы знаете, благородный и честный, возвращался с пирушки домой по улице Тоттенхем-Корт-роуд. При свете газового фонаря он заметил, что перед ним, слегка пошатываясь, идет какой-то высокий субъект и несет на плече белоснежного гуся. На углу Гудж-стрит к незнакомцу пристали хулиганы. Один из них сбил с него шляпу, а незнакомец, отбиваясь, размахнулся палкой и попал в витрину магазина, оказавшуюся у него за спиной. Питерсон кинулся вперед, чтобы защитить его, но тот, испуганный тем, что разбил стекло, увидев бегущего к нему человека, бросил гуся, помчался со всех ног и исчез в лабиринте небольших переулков, лежащих позади Тоттенхем-Корт-роуд. Питерсон был в форме, и это, должно быть, больше всего и напугало беглеца. Хулиганы тоже разбежа-

²⁰ © Перевод. М. и Н. Чуковские, наследники, 2009.

лись, и посыльный остался один на поле битвы, оказавшись обладателем этой помятой шляпы и превосходного рождественского гуся...

– ...которого Питерсон, конечно, возвратил незнакомцу?

– В том-то и загвоздка, дорогой друг. Правда, на карточке, привязанной к левой лапке гуся, было написано: «Для миссис Генри Бейкер», а на подкладке шляпы можно разобрать инициалы «Г. Б.». Но в Лондоне живет несколько тысяч Бейкеров и несколько сотен Генри Бейкеров, так что нелегко вернуть потерянную собственность одному из них.

– Что же сделал Питерсон?

– Зная, что меня занимает решение даже самых ничтожных загадок, он попросту принес мне и гуся и шляпу. Гуся мы продержали вплоть до сегодняшнего утра, когда стало ясно, что, несмотря на мороз, его все же лучше незамедлительно съесть. Питерсон унес гуся, и с гусем произошло то, к чему он уготован судьбой, а у меня осталась шляпа незнакомца, потерявшего свой рождественский ужин.

– Он не помещал объявления в газете?

– Нет.

– Как же вы узнаете, кто он?

– Только путем размышлений.

– Размышлений над этой шляпой?

– Конечно.

– Вы шутите! Что можно извлечь из этого старого, рваного фетра?

– Вот лупа. Попробуйте применить мой метод. Что вы можете сказать о человеке, которому принадлежала эта шляпа?

Я взял рваную шляпу и уныло повертел ее в руках. Самая обыкновенная черная круглая шляпа, жесткая, сильно поношенная. Шелковая подкладка, некогда красная, теперь выцвела. Фабричную марку мне обнаружить не удалось, но, как и сказал Холмс, внутри сбоку виднелись инициалы «Г. Б.». На полях я заметил петельку для придерживавшей шляпу резинки, но самой резинки не оказалось. Вообще шляпа была мятая, грязная, покрытая пятнами. Впрочем, заметны были попытки замазать эти пятна чернилами.

– Я ничего в ней не вижу, – сказал я, возвращая шляпу Шерлоку Холмсу.

– Нет, Уотсон, видите, но не даете себе труда поразмыслить над тем, что видите. Вы слишком робки в своих логических выводах.

– Тогда, пожалуйста, скажите, какие же выводы делаете вы?

Холмс взял шляпу в руки и стал пристально разглядывать ее проницательным взглядом, свойственным ему одному.

– Конечно, не все достаточно ясно, – заметил он, – но кое-что можно установить наверняка, а кое-что предположить с разумной долей вероятия. Совершенно очевидно, например, что владелец ее – человек большого ума и что три года назад у него были изрядные деньги, а теперь настали черные дни. Он всегда был предусмотрителен и заботился о завтрашнем дне, но мало-помалу опустился, благосостояние его упало, и мы вправе предположить, что он пристрастился к какому-нибудь пороку – быть может, к пьянству. По-видимому, из-за этого и жена его разлюбила...

– Дорогой Холмс!..

– Но в какой-то степени он еще сохранил свое достоинство, – продолжал Холмс, не обращая внимания на мое восклицание. – Он ведет сидячий образ жизни, редко выходит из дому, совершенно не занимается спортом. Этот человек средних лет, у него седые волосы, он мажет их помадой и недавно подстригся. Вдобавок я почти уверен, что в доме у него нет газового освещения.

– Вы, конечно, шутите, Холмс.

– Ничуть. Неужели даже теперь, когда я все рассказал, вы не понимаете, как я узнал об этом?

– Считайте меня идиотом, но должен признаться, что я не в состоянии уследить за ходом ваших мыслей. Например, откуда вы взяли, что он умен?

Вместо ответа Холмс нахлобучил шляпу себе на голову. Шляпа закрыла его лоб и уперлась в переносицу.

– Видите, какой размер! – сказал он. – Не может же быть совершенно пустым такой большой череп.

– Ну а откуда вы взяли, что он обеднел?

– Этой шляпе три года. Тогда были модными плоские поля, загнутые по краям. Шляпа лучшего качества. Взгляните-ка на эту шелковую ленту, на превосходную подкладку. Если три года назад человек был в состоянии купить столь дорогую шляпу и с тех пор не покупал ни одной, значит, дела у него пошатнулись.

– Ну ладно, в этом, пожалуй, вы правы. Но откуда вы могли узнать, что он человек предусмотрительный, а в настоящее время переживает душевный упадок?

– Предусмотрительность – вот она, – сказал он, показывая на петельку от шляпной резинки. – Резинки не продают вместе со шляпой, их нужно покупать отдельно. Раз этот человек купил резинку и велел прикрепить к шляпе, значит, он заботился о том, чтобы уберечь ее от ветра. Но когда резинка оторвалась, а он не стал прилаживать новую, это значит, что он перестал следить за своей наружностью, опустил плечи. Однако, с другой стороны, он пытался замазать чернилами пятна на шляпе, то есть не окончательно потерял чувство собственного достоинства.

– Все это очень похоже на правду.

– Что он человек средних лет, что у него седина, что он недавно стригся, что он помадит волосы – все станет ясным, если внимательно посмотреть на нижнюю часть подкладки в шляпе. В лупу видны приставшие к подкладке волосы, аккуратно срезанные ножницами парикмахера и пахнущие помадой. Заметьте, что пыль на шляпе не уличная – серая и жесткая, а домашняя – бурая, пушистая. Значит, шляпа большей частью висела дома. А следы влажности на внутренней ее стороне говорят о том, как быстро потеет ее владелец, потому что не привык много двигаться.

– А как вы узнали, что его разлюбила жена?

– Шляпа не чищена несколько недель. Мой дорогой Уотсон, если бы я увидел, что ваша шляпа не чищена хотя бы неделю и вам позволяют выходить в таком виде, у меня появилось бы опасение, что вы имели несчастье утратить расположение вашей супруги.

– А может быть, он холостяк?

– Нет, он нес гуся домой именно для того, чтобы задобрить жену. Вспомните карточку, привязанную к лапке птицы.

– У вас на все готов ответ. Но откуда вы знаете, что в его доме нет газа?

– Одно-два сальных пятна на шляпе – случайность. Но когда я вижу их не меньше пяти, я не сомневаюсь, что человеку часто приходится пользоваться сальной свечой, – может быть, он поднимается ночью по лестнице, держа в одной руке шляпу, а в другой оплывшую свечу. Во всяком случае, от газа не бывает сальных пятен... Вы согласны со мной?

– Да, все это очень остроумно, – смеясь, сказал я. – Но, как вы сами сказали, тут еще нет преступления. Никто не пострадал – разве что человек, потерявший гуся, – значит, вы ломали себе голову зря.

Шерлок Холмс раскрыл было рот для ответа, но в это мгновение дверь распахнулась и в комнату влетел Питерсон; щеки у него буквально пылали от волнения.

– Гусь-то, гусь, мистер Холмс! – задыхаясь, прокричал он.

– Ну? Что с ним такое? Ожил он, что ли, и вылетел в кухонное окно? – Холмс повернулся на кушетке, чтобы лучше всмотреться в возбужденное лицо Питерсона.

– Посмотрите, сэр! Посмотрите, что жена нашла у него в зобу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.